

Михаил
ДЕРЖАВИН

Вспоминаю, улыбаюсь, немного грущу

Я
везучий

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Герой, а по совместительству и автор этой уникальной, во многом неожиданной книги — обаятельный, блистательный, неподражаемый Артист — Михаил Державин. Он один из немногих людей, при одном упоминании которых на лицах расцветают светлые улыбки! От счастливого детства в артистической вахтанговской среде до всероссийской и всесоюзной любви и известности — путь, который Артист, кажется, даже не шел, а порхал — легко, песенно, танцевально, шутя, играючи и заставляя хохотать и наслаждаться счастьем, чудом жизни миллионы зрителей. Неиссякаемый фонтан веселья, доброй иронии, парадоксального юмора присутствует и на страницах этой книги. Героями этой книги стали близкие друзья Михаила Державина, его партнеры по театральному и киноискусству — Александр Ширвиндт, Андрей Миронов, Анатолий Папанов, Людмила Гурченко, Татьяна Пельтцер, Лариса Голубкина, Михаил Ульянов, Марк Бернес, блистательные режиссеры-комедиографы, с кем довелось поработать, — Эльдар Рязанов, Валентин Плучек, Алла Сурикова, Наум Бирман, Анатолий Эйрамджан, и многие другие. С этих страниц предстанут в неожиданном амплу даже легендарные первый и второй тесты Михаила Михайловича — народный артист СССР Аркадий Райкин и прославленный командир Первой Конной, маршал СССР Семен Буденный. И конечно же, любимая супруга — знаменитая певица Роксана Бабаян.

- [Михаил Михайлович Державин](#)

- [Вступление](#)

- [Глава первая](#)

- [Глава вторая](#)

- [Глава третья](#)

- [Глава четвертая](#)

- [Глава пятая](#)

- [Глава шестая](#)

- [Глава седьмая](#)

- [Глава восьмая](#)

- [Иллюстрации](#)

- [notes](#)

- 1

Михаил Михайлович Державин

Я везучий. Вспоминаю, улыбаюсь, немного грущу

© Державин М., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Фотография на переплете: © Михаил Гутерман

Фотография на переплете: © Михаил Гутерман, А.

Поддубный, а также архива Государственного бюджетного учреждения культуры города Москвы «Московский академический театр сатиры».

Во внутреннем оформлении книги использованы фотографии Г.В. Несмачного, В. Осьмушка, М.Н. Пазий, А.Д. Ломохова, А.С. Поддубного, а также архива Государственного бюджетного учреждения культуры города Москвы «Московский академический театр сатиры», и личного архива автора

© Галина Смит, Дмитрий Астахов, Виталий Арутюнов, Илья Питалев, Евгений Одинокое, Михаил Киреев / РИА Новости; Кадр из фильма «Они были первыми», 1956 год (Киностудия им. М. Горького / Фото ИТАР-ТАСС); © Игорь Зотин, Борис Кавашкин, Виталий Созинов, Николай Малышев, Александр Куров, Александр Саверкин, Юрий Самолыго, Карелин Дмитрий, Михаил Строков, Юрий Белинский, Васильев Виктор, Александр Яковлев, Николай Малышев / Фото ИТАР-ТАСС

Памяти моего отца

Михаила

Степановича

Державина

посвящаю

Вступление

Профессия актера — чудесная и удивительная, но есть у нее один минус. Она зависима. Порою ждешь подолгу новой интересной роли с новыми яркими красками, развитием характера, глубоким проникновением в жизнь персонажа, с интригующим и органичным текстом. Вот мне и захотелось наконец — не ждать написанного кем-то, пусть даже классиком, текста, а написать себе текст самому. Ведь жизнь я прожил сам. И кому же лучше меня знать ее и рассказать о ней.

Но поскольку многолетняя актерская привычка к партерам дает о себе знать, я пригласил поучаствовать и в этой книге моих близких и друзей. Действительно, раз уж они долгие годы были моими партнерами на жизненной сцене, я предложил им и здесь рассказать — так, как они умеют, беспристрастно, ярко, объективно — обо всем, что только захотят. И я ничуть не ошибся в своих ожиданиях: в этой новой для меня роли Пана Мемуариста друзья и близкие отлично поддержали меня — партнерски, сценически. Наше общее повествование порою даже переходит в диалог, в душевный разговор. А с разговорами — я с детства знаю — книжки интереснее.

Кстати, многие мои сценические партнеры, по какой-то удивительной игре судьбы, были в то же время мне и близкими людьми. Кто-то из них был (и остается) женой, кто-то — родственником, кто-то — другом. А такой мой бессменный партнер по кино и театральной сцене, как Шура Ширвиндт, мало того, что с самого детства мой близкий друг, так еще и соавтор, и худрук всех наших юморесок. Поэтому его вклад в эту книгу трудно переоценить.

Заранее хочу извиниться перед читателем, привыкшим к «разоблачениям и ужасам» из жизни «кумиров». Так уж получилось, что поскольку все рассказывали обо мне действительно объективно и правдиво, рассказать удалось... только хорошее. Зато всё без утайки и предельно откровенно! Согласитесь, это в мемуарах редкое явление. Поэтому вам, дорогие читатели, предстоит с неусыпным напряжением восторга, буквально тая от восхищения, следить за тем, как развивались все блистательные качества моей личности.

Без ложной скромности скажу, я не был Закадром Внекадровичем Нетронутым, был смолоду обласкан зрительской любовью и всесоюзной известностью, но... Все-таки много ролей не было сыграно. Сыгран Медведь в «Обыкновенном чуде», но не сыгран Ланцелот в «Драконе», сыгран Тартюф, но не сыгран

Журден... Сыгран Бобчинский в «Ревизоре», но не сыгран Фирс в «Вишневом саде», сыгран Телятев в «Бешеных деньгах», но не сыгран монтер Мечников в «12 стульях»! Сыгран сэр Джордж в «Трое в лодке», но не сыгран негр Джим в «Томе Сойере»... И так сетовать на обделенность можно долго. Практически до бесконечности. То есть сетования могут в общем-то занять всю жизнь. Кстати, этим эффектно занимаются многие мои коллеги, а я почему-то не хочу. Удивительно, но я доволен всем. Для кого-то это изумительно, невероятно, но это действительно так!

И этого я от души желаю всем своим коллегам, и всем соотечественникам, и всем жителям планеты Земля — самой уникальной, комфортной, обжитой в нашей Солнечной системе.

Что ж, несмотря на множество нереализованных возможностей (а у кого они все реализованы? — спрошу я вас), сыграно немало. Но в этой книге я предстаю не в самой привычной для себя роли. А именно — в роли Михаила Михайловича Державина, оттого прошу читателя о снисхождении. Впрочем, эта роль все-таки исполнялась мной изредка — в спектакле «Андрюша» (о моем друге Андрее Миронове), отчасти в спектакле «Счастливицев-Несчастливицев», а также во время моих недолгих прогулок от театра к дому и обратно.

Конечно же, с любимой супругой Роксаночкой я не был ни Паном Ведущим, ни Тартюфом, ни Телятевым, а был самим собой. Впрочем, иногда с ней я и сам не понимал — кто я и где, на каком по счету небе, так был счастлив... Но оставим подробности для последовательного рассказа в самой книге.

Разумеется, всю жизнь не втиснуть в несколько переплетенных тетрадок, но ведь и в текст роли, киношной или театральной, нельзя втиснуть всю жизнь персонажа, все его мысли и душевные движения... — многое зритель должен угадать, домыслить. Это закон драматургии. В пьесе и в жизни должен быть воздух. И я надеюсь, тот воздух счастья и восторга от жизни в искусстве кино и театра, которым я дышал, окутает и вас, мои дорогие зрители-читатели! Вы будете дышать им, пока листаете страницы этой книги.

Здесь же я хочу выразить сердечную благодарность и признательность всем, кто оказал мне неоценимую помощь в создании этой книги — супруге Роксане Рубеновне Бабаян, сестре Анне Михайловне Державиной, дочери Марии Михайловне Золотаревой, другу Александру Анатольевичу Ширвиндту, директору Театра сатиры Мамеду Гусейновичу Агаеву, композитору Владимиру Леонардовичу Матецкому, поэту Михаилу Зеликовичу Шаброву, профессору Юрию Леонидовичу

Арзуманову, моим товарищам — актерам Театра сатиры Вере Кузьминичне Васильевой, Алене Юрьевне Яковлевой, Юрию Борисовичу Васильеву, Федору Викторовичу Добронравову, Михаилу Борисовичу Владимирову, Марине Павловне Ильиной, заведующей труппой Брониславе Сергеевне Чунихиной, заведующей музеем театра Марине Александровне Калининой, редактору пресс-службы Бединадзе Лиане, главному администратору театра Гинову В.В., зам. директора по работе со зрителями Багарникову Александру и всем другим прекрасным людям моего родного Московского Театра сатиры.

От всей души благодарю профессора, академика РАН Бузиашвили Ю.И., академика РАН Насонова Е.Л., руководителя отделением травматологии и ортопедии, профессора Макарова С.А., Тарасову Г.М., старшего научного сотрудника, кандидата медицинских наук.

Отдельная великая благодарность — врачам московской городской больницы имени С. П. Боткина, на которых мне удалось полностью взвалить ответственность за продление моей жизни, в частности: профессора, член. — корр-а РАН, заслуженного врача РФ, глав. врача ГКБ им. С.П. Боткина — Шабунина А.В. и заведующую терапевтическим отделением Смирнову И.М. Сам удивляюсь, как им это дело замечательно удается! Поэтому тот факт, что эта книга написана и издается, — и их неоспоримая заслуга.

Хочу поблагодарить настоятеля храма Преображения Господня на Песках, протоиерея Александра Турикова и его семью, а также Иеромонаха Филарета.

А теперь мой дорогой зритель, а ныне читатель, — в путь! Теперь обо всем по порядку.

Глава первая

Ах, Арбат, мой Арбат...

Собачья площадка

Происхождение у меня отнюдь не аристократическое, как думают многие, судя по «великосветской» фамилии, а самое что ни на есть рабоче-крестьянское. Отцовские корни уходят к крепостным знаменитого поэта Гаврилы Романовича Державина, которые звались Захаровы. Папа мой еще успел побыть Захаровым. Но когда он, молодой рабочий металлургического завода, поступал в театральное училище, а точнее, в студию Евгения Вахтангова, ему посоветовали поменять фамилию — среди учащихся уже числилось немало Захаровых. И папа решил стать Державиным, вспомнив о том, что крепостных Гаврилы Романовича в его подмосковной деревне называли «державинские».

Кстати, в начале 90-х в связи с моим «загадочным» происхождением случилась забавная история. Во время гастролей Театра сатиры в Казани президент Татарстана Минтимер Шаймиев предложил мне осмотреть деревню Державино, построенную во времена Гаврилы Романовича. Поехали вместе с директором нашего театра Мамедом Агаевым в правительственной машине. Оставили ее у околицы села, пошли дальше пешком. Державино — село большущее, со светлыми одноэтажными домами, чистыми шторками на вымытых окнах. Справа — реставрируют старинный православный храм, слева — мечеть стоит, новенькая, недавно возведенная и похожая на космический корабль. Хоть и выходной день, но прохожих почти нет: непогода — сыро, холодно, ветрено, село как будто вымерло — все посиживают по своим углам. Только вдалеке, в овраге, — немногочисленная погребальная процессия. И вот от нее отделяется и идет к нам милиционер: «Вы здесь что-то ищете?» Мамед улыбнулся: «Да вот, Михаил Михайлович приехал приватизировать свою деревню». Страж порядка тут же принял стойку «смирно», ведь это было время, когда все приватизировали... И назад мы возвращались уже под аккомпанемент многочисленных приветствий — почти от всех ворот, из всех окошек махали нам руками, новость разлетелась быстро.

Мой же дедушка по линии мамы, Иван Алексеевич Дроздов,

был начальником Первого водопроводного участка Москвы, который простирался от улицы Горького до Кремля, и был большим приятелем знаменитого журналиста и бытописателя Москвы — Владимира Гиляровского, «дяди Гиляя». И, кстати, мамин отец налаживал знаменитую водную феерию в Цирке братьев Никитиных в 1910 году. А в здании, где когда-то располагался этот цирк, сейчас находится... Театр сатиры, в котором я имею счастье служить и по сей день.

Вообще, я думаю, мне очень повезло появиться на свет в семье народного артиста РСФСР Михаила Степановича Державина^[1], ведущего артиста Театра Вахтангова. Самые известные его кинороли — это Петр Артамонов в фильме «Дело Артамоновых» (1941), маршал Муравьев, прототип Георгия Константиновича Жукова, в фильме «Великий перелом» (1945) — за эту работу он был удостоен звания лауреата Сталинской премии первой степени. Отец еще неоднократно воплощал на экране образы известных личностей советской и русской истории. В картине «Глинка» (1946) сыграл знаменитого поэта Василия Андреевича Жуковского, в киноленте «Сталинградская битва» (1948) сыграл Клима Ворошилова. Одна из самых известных театральных работ отца — роль победителя Наполеона Михаила Илларионовича Кутузова в спектакле «Фельдмаршал Кутузов» (постановка Николая Охлопкова 1940 года).

Поступив после окончания студии в Театр имени Евгения Вахтангова, отец частенько играл в теннис во дворе дома в Большом Левшинском переулке, где жили актеры-вахтанговцы. Там он и познакомился с моей мамой, жившей по соседству, они полюбили друг друга, поженились — и в 1936 году появился на свет я.

Меня принесли из роддома (кстати, это знаменитый родильный дом имени Грауэрмана, где родилось и множество моих друзей — Марк Захаров, Александр Ширвиндт, Андрей Миронов) в дом моего деда в Большом Левшинском переулке. Именно здесь находился когда-то Первый Московский водопроводный участок, здесь была контора и квартира деда — отца моей мамы, Ираиды Ивановны. Там я, по мнению родных, просто великолепно провел первый год своей жизни.

Напротив, подъезд в подъезд, стоял первый дом Театра имени Вахтангова. Вскоре неподалеку построили для вахтанговцев новый — восьмизэтажный, и папа получил в нем квартиру. Вплотную к нашему дому располагалось Театральное училище имени Щукина (теперь театральный институт им. Бориса Щукина).

Арбат стал для меня микромиром, в котором умещалось все

— детские игры во дворах, мороженое, газировка, кинотеатры, музеи... ну и, конечно, центром, средоточием этого чудесного мира был папин Театр. По соседству с нами жили Рубен Симонов, Цецилия Мансурова, Андрей Абрикосов, Виктор Кольцов, да все знаменитые вахтанговцы-основоположники. Со всеми актерами я был на короткой ноге.

Знаменитая Собачья площадка

Мы жили рядом со знаменитой Собачьей площадкой, которая сейчас уже не существует. Это была маленькая площадь в центре Москвы, рядом с Арбатом. В центре площадки находился маленький фонтан, который называли памятником собаке, хотя на самой стеле были барельефы львов. А вокруг располагались изумительные старинные двух-, трехэтажные особнячки, построенные после войны и пожара 1812 года, больница имени В. Ф. Снегирева, музей быта 1840-х годов, Музыкальное училище имени Гнесиных. Я помню самих бабушек Гнесиных, которые приходили заниматься со студентами.

На Собачьей площадке стояли пивные, каждая из которых имела свое собственное имя. Та, которая была рядом с домом, где жил академик Вавилов, называлась Вавиловкой. Она была знаменита не только тем, что зимой там подавали подогретое на плиточке пиво с крабами на закуску, но и тем, какие люди там собирались. Ходить в Вавиловку я начал, кажется, с самого

младенчества — не выпивать, разумеется, а смотреть на великих, а это тоже своего рода зависимость, еще покруче алкогольной.

Внизу под Собачьей площадкой находился Большой Николопесковский переулок. Почему такое название? До революции там стояла церковь Святителя Николая Чудотворца, «что на Песках», и было кладбище. Урочище Пески в этой местности известно с XIV века. Прежние названия улицы: Первый Николопесковский переулок, Николопесковский переулок и Стрелецкий переулок. С 1934 до 1993 года улица носила имя Вахтангова в честь основателя находящегося здесь Театра имени Евгения Вагратионовича Вахтангова.

В начале 30-х церковь снесли и на этом месте построили дом, в котором жили вахтанговцы, а через пятнадцать шагов — театральное училище имени Щукина. Заканчивалась улица служебным входом театра Вахтангова и английским посольством. Рядом стоял двухэтажный особняк, который принадлежал некогда композитору Александру Николаевичу Скрябину. Сейчас в нем располагается мемориальный музей Скрябина — место притяжения московской интеллигенции и зарубежных туристов. Рядом — домик в два этажа, где располагалась студия Шалапина.

***Вспоминает Анна Михайловна Державина, сестра
автора:***

«Потрясающая улица! Там была булыжная мостовая, и Мишка, когда прилетал из школы, обязательно притаскивал какие-нибудь железяки, дощечки и что-то

мастерил. Так он собственноручно сделал самокат. А еще у него крючок был специальный — цепляться за борта грузовиков и катиться вслед за ними на коньках — так, чтобы искры летели.

Конечно, эти развлечения взрослыми, мягко говоря, не поощрялись. Когда наш папа снялся в фильме «Дело Артамоновых», по сюжету у его персонажа было трое детей — старший сын Илья Артамонов, средний сын Яков и дочь Татьяна (кстати, я думаю, что он назвал нашу младшую сестренку Танечку в честь этой героини). И папа вечно называл этого Якова «балбесом» по ходу действия фильма. Так вот, это словцо «балбес» необычайно легко и естественно перекочевало от сына по роли к сыну в жизни, то есть к Мише.

Частенько, приходя домой после репетиции, папа спрашивал: «Так, где балбес?» А балбес уже на всякий случай сидел под столом, прятался.

Кстати, почему-то, когда я сегодня начинаю рассказывать при Мише об этом, он как-то очень смущается. Ему не очень-то приятно, что он был балбесом. Народный артист РСФСР умело делает вид, что такого не помнит. «Миша, ну ты что? — говорю я ему. — Никто тебя всерьез балбесом не считал. Просто это было такое папино любимое словечко».

У нас всегда был полон дом людей. Причем таких звезд! Но — увы — мы, дети, этого не понимали. Для нас они были всего лишь дядя Коля, дядя Слава, дядя Дима. Только много позже, пожалуй, уже только после школы, понемногу стало приходить понимание, что наши гости, оказывается, были мировые величины.

Помню, папа нас выстраивал в линейку по головам: первым — я, в середине — Анна, третья — Таня. Так он демонстрировал нас Рубену Николаевичу Симонову: «Рубен Николаевич, вот они мои — Мишка, Анька, Танька». Рубен Николаевич с нами раскланивался. Потом нас отправляли в «другую» комнату, прямо как в «Томе Сойере», та комната так и называлась — «другая». Мы сидели там втроем, а взрослые веселились в большой комнате, которая по размеру была около тринадцати метров, а маленькая, которая «другая», — одиннадцать.

Я и сейчас живу в этом же доме. Даже когда я женился на Роксане и нам предлагали несколько вариантов больших квартир, я не захотел никуда переезжать. К счастью, тогда освободилась квартира на 4-м этаже в том же доме и даже в том же подъезде,

Подумать только — стоило мне выйти из дома, я всякий раз встречался с выдающимися артистами Театра Вахтангова: они торопились кто на репетицию, кто на съемки, кто преподавать в училище... Поэтому с самого детства я был уверен, что главное место на земле — это театр, и все события и происшествия вертятся вокруг него.

Помню довоенную Москву, когда по Арбату проходили праздничные демонстрации и вахтанговские актеры приветствовали демонстрантов. Многих актеров, снимавшихся в кино, демонстранты узнавали, что-то кричали им, махали руками, флажками. Я же был убежден, что демонстрация только для того и устроена, чтобы люди увидели любимых актеров.

М.С. Державин и М.М. Державин. Москва (1937)

У нас в доме бывали изумительные люди: Рубен Симонов, Цецилия Мансурова, которые для меня были просто «дядя Рубен» и «тетя Цилия», Александра Исааковна Ремизова, Виктор Григорьевич Кольцов, Николай Николаевич Бубнов, Галина Алексеевна Пашкова... К Александре Исааковне Ремизовой наезжал из Ленинграда Николай Павлович Акимов, великолепный режиссер и художник, а в гости к отцу частенько наведывался сам Николай Константинович Черкасов, который для нас, детей, был одновременно неунывающим Паганелем из «Детей капитана Гранта», отважным Александром Невским и жутковатым Иоанном Грозным. Мы были сами не свои от какого-то волшебного восторга!

На первом этаже жил Андрей Львович Абрикосов, папин очень большой друг по Театру Вахтангова. Они вместе снимались в «Великом переломе», вместе получили звание лауреата Сталинской премии. Они были не разлей вода. Именно Абрикосов в первом, еще немым фильме «Тихий Дон» играл роль Григория Мелихова. Андрей Львович — красавец-мужик! У него была масса поклонников. И каких! Он, например, дружил с первым Героем Советского Союза летчиком Анатолием Ляпидевским, с Героем Советского Союза Михаилом Водопьяновым. У него была масса таких друзей, к которым мы, дети, липли, как тянучка. Помню, как дядя Миша Водопьянов погрузил всех детей из нашего дома в свой автомобиль с открытым верхом и покатал нас, сделав

несколько кругов по окрестным улицам.

Иногда, когда гость мог припоздниться со своим приходом, нас с сестрами заранее укладывали спать, но я-то знал, что придет Черкасов, и только делал вид, что сплю. Отец приводил его к нам в комнату и тихо говорил: «Вот, Коля, полюбуйся, мои детки спят». И я сквозь дрему слышал знаменитый голос, знакомый мне и по радиопостановкам, и по фильмам.

Наверху, на пятом этаже, жил Митя Дорлиак, замечательный друг моего детства. Его тетя — знаменитая певица Нина Дорлиак — была замужем за великим пианистом Святославом Рихтером. Тогда он был еще совсем молод, но уже необыкновенно популярен. Взрослые часто устраивали нам праздники, а зимой, с середины декабря до середины января, — елки чуть ли не каждый день в разных квартирах. Рихтер любил возиться с нами — садился за рояль, импровизировал какой-то музыкальный кусочек и спрашивал: «Кто это?» А мы должны были узнать в этой музыке наших знакомых или родственников.

Отсюда, из нашего любимого дома, в 1941 году мы и отправились вместе со всей труппой Театра Вахтангова в эвакуацию в Омск. Папа приехал позже, поскольку в Москве завершались съемки фильма «Дело Артамоновых», где он играл главную роль. Последний спектакль театра, на который меня взяли перед отъездом, был «Фельдмаршал Кутузов», папа тоже играл в нем главную роль. Долго не смолкали аплодисменты зрителей. Я был несказанно горд и повторял всем окружающим в зале, указывая пальчиком на сцену: «Это мой папа! Это мой папа!..» Меня кто-то поставил на стульчик (мне тогда было всего четыре года), и все аплодировали, кажется, уже мне, а я в ответ смущенно твердил: «Это надо папе! Это надо папе!» Зал хохотал.

М. Державин на руках у мамы, И. И. Державиной

Итак, большую часть театра эвакуировали, но часть актеров оставалась на дежурстве в Москве. Папа остался вместе с ними и

в итоге даже получил медаль «За оборону Москвы».

С этим пребыванием папы в осажденной Москве связан один страшный эпизод. Папа должен был дежурить в театре именно в тот день, когда в Театр Вахтангова попала авиабомба. В первые минуты, когда пришло известие о попадании бомбы, все подумали, что папа погиб, а он, оказывается, на наше счастье, поменялся с одним своим коллегой сменами дежурства. Был у нас такой актер в Театре Вахтангова — Василий Куза, он и погиб во время этой бомбежки. Это произошло, по одним источникам, 24 июля, по другим — 25 июля.

Нашим воспитанием в детстве активно занимался папа. Так, будучи актером, он прекрасно знал предмет «техники речи» и с самого раннего детства учил нас разговаривать правильно. Рассказывают, что, когда мне был всего год, я прекрасно выговаривал буквы «р» и «л», у нас с Аней никогда не было обыкновенной детской шепелявости. Первым моим любимым словом было «макарены». Я всегда восторженно кричал: «У-р-р-а! Ма-к-к-а-р-р-оны!», сидя на детском стульчике за столом. Мне кажется, я потому и полюбил это блюдо, что мог раскатисто провозглашать его название. По словам родственников, я вообще в том возрасте очень полюбил слова, имеющие букву «р».

Иногда к нам приходила папина тетя, Варвара Степановна. Папа ее называл тетя Варя, и мы, естественно, тетя Варя. Это была добрая-предобрая пожилая женщина небольшого роста. И когда она к нам однажды пришла (мне было два с половиной года, Анечке — год) и начала говорить: «Ой, вы, мои малюсенькие, ой вы, мои хоросенькие, ой вы, мои детишечки...», я грозно на нее взглянул и заявил приказным тоном: «Тетя Вар-р-ря, не сюсюкайте!»

В общем, мы с сестрой выговаривали все буквы четко-четко. Когда мне было четыре, папа репетировал фельдмаршала Кутузова в спектакле «Фельдмаршал Кутузов». И вот мы с Аней в подушках-думочках делали вмятины на углу и надевали как треуголки — ну как же, Наполеон и все такое. Я был, естественно, Кутузовым, однажды Анна, не успев выйти из образа Наполеона, села на горшок. Я вокруг нее бегаю: «Ну, Наполеон! Ну что ты так долго?!.. Я же должен читать монолог». Потом мама смеялась — предлагала отцу эту сцену в спектакль добавить.

Мы очень любили нашего дедушку, мамино папу, Ивана Алексеевича Дроздова, он занимал очень ответственную должность — был начальником Первого водопроводного участка города Москвы. Всю войну он пробыл в Москве, потом получил орден Великой Отечественной войны I степени, самый высокий. Водопровод тогда был важнейшим гражданским объектом, нельзя

было допустить диверсий, каких-то повреждений, взрывов или отравлений. При этом он оставался потрясающей доброты человеком, и когда дедушка к нам приезжал, это всегда была неопишуемая радость для меня и для Анны, мы его обожали совершенно.

А надо сказать, дедушка наш был высоченного роста, с роскошной темной шевелюрой, буквально без единого седого волоса, и только усы его были белоснежными. Вот такая отличительная черта нашего дедушки, больше я такого в жизни не встречал.

Только однажды случился конфуз.

Как-то его подчиненные в неофициальной обстановке сказали ему: «Иван Алексеевич! Ну что же такое, вы такой моложавый мужчина, ни одного седого волоса нет, а усы седые. Даже как-то странно. Может, вам усы покрасить?» И решил дедушка покрасить усы. В радикальный черный цвет. Совершив эту манипуляцию, приходит к нам. Мы с Аней остолбенели, когда увидели знакомого нам человека, но без милых и родных белых усов, а с совершенно черными. Аня подняла скандал! «Это не наш дедушка!» А он называл нас так: меня — «милек», а Аню — «милка». «Милк, ну что ты, ну это же я!» — «Не-е-е-т, это не наш дедушка!» И у нее была истерика, и всей семьей ее успокаивали.

Я вместе со всеми увещевал Аню: «Да чего ты? Это тот же дедушка, просто другие усы...» — «Нет, нет, нет!» — Она не шла ни на какие компромиссы, «такого дедушку» не принимала.

Дедушка был так расстроен, что потом вытравливал эти свои черные усы перекисью водорода, чтоб скорее они посветлели. Он очень долго у нас не появлялся — ему было ужасно стыдно, что его не признает родная внучка...

Дед меня, конечно же, любил. Звал он меня нараспев, подчеркнуто уважительно: «Миха-а-алыч!» Как-то спрашивает меня трехлетнего: «Михалыч, ну что ж ты такой грустный сидишь?» А я, видимо, уже в каком-то образе актерском, отвечаю, повесив голову: «Меня все бьют». Дедушка опешил: «Как? Кто ж тебя бьет? Мама тебя бьет?» — «Бьет...» — «И папа тебя бьет?» — «Бьет...» Не знаю, почему я так ответил, но все потом мне это припоминали со смехом. Дедушка: «И Анечка тебя бьет?» — «Бьет...» — «Скажи-ка, Михалыч, а дедушка тебя бьет?» — «Бьет...» — «Ну-у-у, Миха-а-алыч!» Тут уж дедушка развел руками. Конечно же, он знал, что и шлепка ни разу в жизни мы не получали, что нас родители воспитывали только словом.

**Вспоминает Анна Михайловна Державина, сестра
автора:**

«Как-то раз нам здорово попало. Точней, попало мне. Из-за кого бы вы думали?... Правильно. Конечно, из-за Мишеньки.

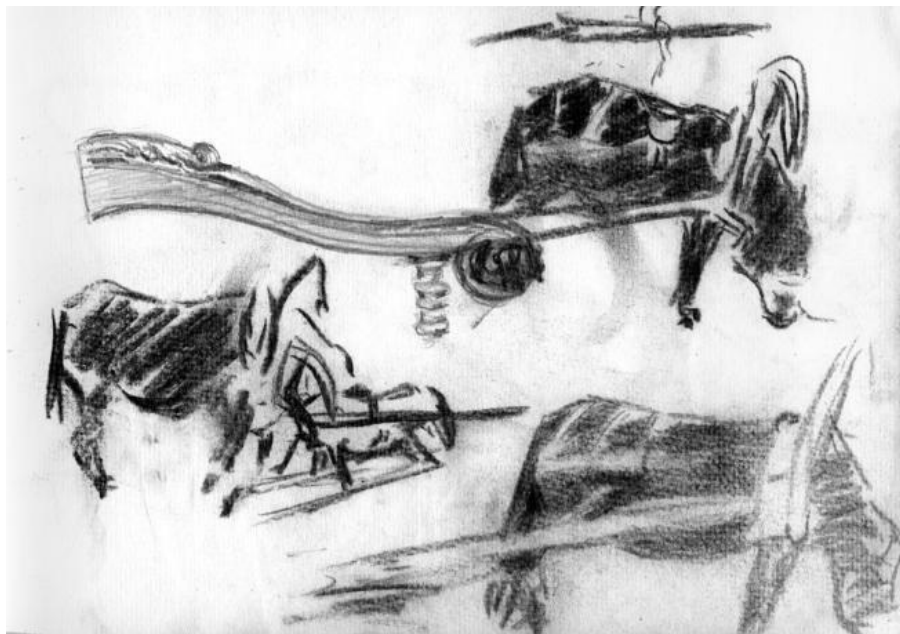
Это было в эвакуации, в Омске. Мы жили в огромном деревянном доме. Там, кроме нас, жило много всяческих семейств, а так как кухня была в этом доме большая, там все по очереди нагревали воду и мыли детей. Нас с Мишкой мыли в корыте, рядом стояло ведро, чтобы мыльную воду туда сливать. Так вот, в тот день мама выкупала первым Мишку, надела на него все чистое — штанишки, рубашечку, носочки. И стоял он весь намарафеченный, этакий красавчик-ангелочек. Следующей должна была купаться я. Когда мама сливала воду, Мишка стоял, смотрел. Мама даже комментировала ему свои действия: «А сейчас я Анечку буду купать так же, как тебя».

М. Державин. «Арбатский дворик»

Меня посадили в корыто, выкупали, мама снова слила воду в это ведро. И тут Мишка исподтишка взял и брызнул в меня этой мыльной и мутной водой из ведра. А ведь я уже стояла такая же выкупанная, чистенькая, аккуратненькая! И я разозлилась не на шутку. Взяла и его со всей силы толкнула. И Мишка покачнулся и во всей своей красе, в рубашечке, в штанишках... со всего маха сел в это ведро с мыльной водой. Ну и сразу, конечно же: «Ма-а-ма-а-а!..» Родители услышали его негодующий вопль, первым влетел на кухню папа. Они с мамой в тот момент приводили комнату, в которой мы жили, в порядок — еще бы, сам Николай Павлович Охлопков должен был прийти в гости.

И папа видит эту жуткую картину — вымытый и уже перепачканный Мишка вопит и рыдает, я стою возле корыта — насупившаяся, исполненная праведного гнева... Папа вопрошает: «Что здесь произошло?!» — «Ме-е-н-я-А-а-а-н-я-я то-о-лкну-у-ла-а-а в ведро-о-о...» — срывающимся голосом тянет Мишка. И папа хватается мои прыгалки и хлещет меня ими по попке. Я же беру, приспускаю трусы, смотрю на след от прыгалок, поднимаю голову и, победоносно взирая на папу, говорю: «А мне и не больно!» И гордо ухожу.

М. Державин. «Кони»

Катя, наша домработница, потом мне говорила: «Ань, я сколько лет живу, все помню вот эту картину. Ты не представляешь, как отец переживал, что он тебя ударил прыгалками. Он буквально себе руки кусал». Катя рассказывала, что, когда я с гордо поднятой головой отправилась гулять на улицу, папа метался по комнате. Правда, к приходу Охлопкова он, разумеется, взял себя в руки, но все же ему плохо удавалось скрыть волнение — где я теперь? что со мной? не решила ли я навсегда уйти из этого жестокого дома?...

Это и был тот единственный раз, когда мне попало.

А еще я очень любила, чтобы у всех была чистая обувь. И вот картина — приходит к нам в гости Алексей Денисович Дикий. Я внимательно смотрю на его ботинки и сразу предлагаю свои услуги: «Дядя Леша, вам не нужно почистить обувь?» Смех, да и только. Мне вообще нравились сапожники. У нас во дворе стояла сапожная будка, и там сапожник так ловко чистил ботинки! И вот, налюбовавшись на его искусство, я начинала чистить обувь всем, кто бы ни приходил к нам в дом. Но как! Это было потрясающе. Даже Мишка не мог взглянуть оторвать, глядя, как я лихо тружусь над ботинками наших гостей. Но и Мишка в этом плане тоже всегда у меня был в порядке, щеголял в начищенных до блеска

ботинках. И это продолжалось много лет — моя тяга к чистке обуви, «сапожное увлечение».

М. Державин. «Городской пейзаж»

У брата же иное было увлечение. До дома маминей сестры, тети Оли, надо было идти через железнодорожные пути. А Мишка обожал паровозы. Когда за нами приезжал дедушка, Мишка буквально повисал на нем: «Дедушка-дедушка, а мы пойдем мимо паровозов?» Дедушка: «Ну, конечно, милоч, пойдем...»

И вот Мишка останавливался и как зачарованный смотрел на эти колеса, всякие колодки, их связующие звенья... Ему нравились именно паровозы, а не сами составы, не вагоны. А уж если какой-нибудь паровоз двигался, тут восторгу не было предела... В итоге мы, вместо того чтобы за полчаса добраться до дома нашей тети Оли, шли часа два.

М. Державин. «Сельский пейзаж»

На улице Вахтангова, где мы жили, по ночам были слышны паровозные гудки с Киевского вокзала, и Мишка очень любил их слушать. Сидел и слушал, будто полонез Огинского, с таким наслаждением...

Но папа больше хотел, чтобы мы развивались творчески в гуманитарных областях. А Мишка с дошкольного возраста здорово рисовал. (Кстати, и папа у нас рисовал — это по его линии передалось, видимо, Мишке.) И папа организовал сыну уроки живописи у профессора Мешкова, Василия Никитича. Тогда Мишка научился уже рисовать просто великолепно. Он создал множество картин, иной раз это было нечто действительно уникальное. К сожалению, мне он никогда ничего из своих работ не дарил. Наверно, потому, что я — своя, «ну ты-то и так, мол, любую возьмешь, если захочешь».

В детстве мы с братом-художником часто хаживали «на пленэр», он писал всякие поля, леса, рощи, церквушку где-то старенькую находил... Все это осталось на его полотнах. Дома же он рисовал натюрморты. Часть его работ и по сей день висит на даче, а часть он подарил Роксаниному брату Юре.

Удивительно — так получилось, что по Мишиным пейзажам можно сегодня воссоздать историю нашей улицы. Вот напротив нашего дома стояла чья-то усадьба.

Она запечатлена на его холстах. Там, где сейчас стоят машины Нового Арбата, везде были деревянные особнячки. И все это на картинах живописца Михаила Державина сохранено.

Жаль, что он много картин раздарил, и уже не вспомнить — что кому, часть картин была уничтожена заливом их квартиры соседями сверху, но часть все-таки успели вывезти на дачу. У моей двоюродной сестры есть какие-то его этюды, а у меня же ничего не сохранилось. Надо будет что-нибудь у него все-таки выпросить на память. Он ведь до сих пор рисует, делает какие-то наброски, всякие этюды. Когда просто сидит за столом, может что-то машинально рисовать, чертить».

«Молодец, будешь артистом!»

Мама ехала в эвакуацию беременной, да еще и с двумя детьми — Анечкой и мной. Сначала мы остановились в Горьком, но там было очень беспокойно, через этот город в Сибирь эвакуировались заводы, фабрики, учреждения, семьи, было ощущение какого-то повального, хоть и организованного бегства, стояла страшная сумятица, и когда у мамы начались схватки, ее отправили рожать от греха подальше — за 30 км на север от Горького, в роддом тихой захолустной Балахны. Поселили нас там в опустевшей школе, где я, видимо, руководствуясь ностальгическими ощущениями, принялся изготавливать из географических карт театральные декорации и кулисы.

В Балахне родилась моя младшая сестричка Танечка. Затем ее место рождения надолго стало предметом семейных шуток: мол, все мы — москвичи, а Таня — жительница Балахны.

...Только добравшись до Омска, мы сообщили папе, что у него родилась дочка. И он (телеграммой или звонком, уже не вспомнить) отдал важное распоряжение главы семейства — назвать дочь Татьяной.

Так нас стало трое. И до этого мы с Анечкой были совершенно неразлучны, а тут появился новый, живой и писклявый объект для нашего внимания, для постоянных обсуждений и полемики. С Анечкой мы были погодки — росли вместе, такие белоголовые, одинаковые. Одна актриса в Театре Вахтангова, Елизавета Георгиевна Алексеева, даже говорила: «Ой, у Державиной дети, как белые грибы». Почему-то говорила не грибы, а через букву «ы» — «грыбы». Такие уж белоголовые-белоголовые были мы с Аней, а Танечка была у нас потемнее, и я

почему-то, возможно желая дистанцироваться от иной масти, какое-то время не желал называть ее по имени, а звал просто «девочка». «Мама! Твоя девочка плачет». Мама плохо слышала — у нее была травма головы с детства, а во время войны она почти и вовсе потеряла слух, все звуки различала словно в отдалении. Отчасти поэтому я долго называл Танечку «девочкой», а Аня вообще сильно ее осуждала и собиралась выкинуть в окошко. Так и говорила: «Мне не нужна эта девчонка, я ее выкину в окошко». Уж так проявлялся тогда ее смелый и прямодушный характер.

***Вспоминает Анна Михайловна Державина, сестра
автора:***

«Мишка только со мной дрался, а Танечку он всячески оберегал. Она ведь была еще маленькая, а то, что и я тоже девочка и со мной драться не следует, ему даже не приходило в голову.

А я была очень большая трусиха, вот он меня все время и пугал. То он на меня наставлял танк заводной с пушкой (у нас была еще до войны такая игрушка — папа подарил Мишке), он заводился ключом. И Мишка с удовольствием наставлял на меня танк, крутил ключ, а я жутко орала: «Ой, меня сейчас задавят!»

Вообще издевался он надо мной в детстве страшно. К примеру, позовет зимой на санках кататься — и сначала «все честь по чести», Мишка бежит как лошадка, везет за веревочку мои санки... и вдруг делает точный рывок: мои

санки описывают такую траекторию, что я, конечно, с них слетаю и набиваю себе шишку. Еще барахтаясь в снегу, ору: «Мерзавец! Что ты натворил?! Ты меня разбил!» А он чуть виновато: «М-да. Я несколько недооценил возможный результат».

Как ни странно, подобные происшествия меня почти ничему не учили. В следующий раз все повторялось заново. Миша говорил: «Пойдем-ка погуляем». Я говорила: «Ура!», и он преспокойно усаживал меня в санки, уверяя, что уж на этот раз не станет себя плохо вести, и все повторялось сначала. Опять пару кружков покатает, я счастлива донельзя — брат образумился! И вот тебе снова-здорово! Получите, распишитесь! И каждый раз я не могла предугадать, когда он выкинет меня из санок!

Вообще эти его издевательства никогда — ни летом, ни зимой — не прекращались. Мы много лет снимали дачу под Москвой, в Плесково, недалеко от дома отдыха, где жили все вахтанговцы. То есть мы с родителями какое-то время проводили в этом доме отдыха, а потом снимали дачу. Папа познакомился с мельником, который жил прямо на берегу Пахры. У него был деревянный дом, и мы снимали там большую комнату. А за домом простирался огромный заливной луг. И мы там играли, бегали, собирали цветы, помогали с Мишкой хозяевам косить сено, таскали потом это сено на сеновал — какие-то крестьянские корни в нас все-таки говорили. И вот Миша как-то говорит: «Пошли, Ань, поиграем в салочки на лугу». — «Ну, пошли». А там через весь луг тянулась колея — когда косили сено, то приезжали из совхоза для того, чтобы его с поля вывозить на телегах.

И вот мы бегали, бегали, перепрыгивали с одной колеи на другую — туда-сюда, туда-сюда. Настала моя очередь бегать за ним — и он так ловко перепрыгнул через колею в конце луга, ну и я за ним, как лань, сиганула и... провалилась по колено в эту колею. Со стороны-то было впечатление, что дорога утрамбованная, но на самом деле она вся была изъезжена телегами, в ней образовались огромные ямы. Их засыпали песком, но после дождей этот песок превращался в какую-то вязкую взвесь. Если на него наступишь, то проваливаешься сразу. Вот я и провалилась в эту колею и, конечно, увязла. Мишка меня не без труда оттуда вытащил...

Много лет я думала, как же так получилось, что я в эту яму попала? И совсем недавно, буквально несколько

лет назад, братцу говорю: «Мишк, а помнишь, как мы с тобой на лугу играли в салки?» Он говорит: «Помню, конечно, как ты в песке увязла». Говорю: «А как же ты меня вот так подставил?» И тут он наконец признался: «Да я же до этого первый туда угодил...» То есть он, оказывается, накануне угодил туда. Тогда же и решил меня подставить. И ведь удивлялся, стервец: «Ой, как же так, Аннушка? Как же так получилось?» В общем, он уже очень неплохо актерски играл.

Вообще много было всяческих подстав. «Ну, конечно, — разводит он теперь руками. — Первым я сам куда-нибудь попадал, а потом уже и до тебя очередь доходила».

Когда мы немножко подросли, мы вместе превосходно проводили время, когда прогуливали школу. Это были идеальные дни. Во-первых, мы обязательно шли в музей Скрябина. Этот музей находился почти напротив дома, там и по сию пору сохранилась квартира гениального композитора. Мы приходили туда, на ноги нам нацепляли детские музейные тапочки, чтобы мы не натоптали, и мы радостно шлепали по всем гулким помещениям музея. Вот колокольчик для прислуги. Вот стоит его рояль... Мы с детства знали, что Скрябин — первооткрыватель «цветомузыки». Нам разрешали нажимать на клавиши рояля, чтобы в ответ зажигались различные лампочки. В столовой висел гонг, который созывал всех домочадцев и гостей к обеду. Нам тоже разрешали позвенеть. Так пролетало время первых двух уроков...

Зимой мы ходили на каток в парк Горького или в планетарий, причем через дырку в заборе планетария мы проникали и в зоопарк, на его новую территорию, где были построены огромные террариумы — с крокодилами, варанами, удавами и кобрами. Если перейти через дорогу, можно было через официальный вход попасть на старую территорию, где паслись слоны, жирафы, тигры, львы, но в этом случае необходимо было покупать билет, а денег у нас никогда не водилось. Поэтому можно со всем основанием сказать, что мы свое детство провели в террариуме.

Так что у нас «культурные» прогулы школы были. Если стояла ранняя осень, мы катались на лодках в парке Горького. Но обязательно находился кто-нибудь, кто маме доносил, что «твои снова катались на лодках».

Еще мы очень любили ездить к маминной сестре, тете Оле. Она жила в районе станции метро «Автозаводская». Мы долго, с пересадками, к ней ехали, и тетя всегда была нам очень рада,

кормила вкусными обедами, мы даже порой прихватывали с собой несколько друзей со своего двора. Думали, чем больше нас придет, тем больше радости великой будет тете Оле и ее дочке Ире! Уходя, всегда просили: «Тетя Оля, вы только маме не говорите!» И тетя со всей серьезностью кивала в ответ: «Нет-нет, я — это могила! Никогда и никому!»

Только через несколько десятилетий мы узнали, что тетя Оля, едва мы от нее уходили, сразу звонила маме и говорила: «Если ты меня выдашь, я тебя убью! Твои приезжали ко мне. С ними были еще Танечка Пашкова, Митя Дорлиак...» До самой смерти тети Оли мама не выдала сестру. Только года за два до своей смерти рассказала нам об этом. Тетя Оля была старшей сестрой. Пока она была жива, мама держала обещание, не выдавала.

Что же касается проблем со школой, которые у каких-нибудь других детей (только не у нас!) могли возникнуть из-за систематических прогулов, эти проблемы тоже были в нашем случае вполне решаемы.

У нас была замечательная палочка-выручалочка по имени Виктор Самойлович. Это был приват-доцент, профессор медицины, который жил в нашем подъезде на четвертом этаже. Отоларинголог Виктор Самойлович Канторович лечил актеров, у которых было плохо со связками, да практически все актеры поправляли у него свои голоса. Аркадий Райкин у него, кстати, лечился. Канторович работал на дому — у него была частная узаконенная практика. Но самое удивительное, что приват-доцент Виктор Самойлович помогал не только взрослым, но и охотно шел навстречу подросткам, оказавшимся в затруднительном положении. У него самого рос балованный сын Сережа. Этому напишет справку, что ангина, тому — что трахеобронхит, тонзиллит, еще что-то. Ответственно распишется и приклепнет сверху свою частную, профессорскую, солидную печать.

Как ни странно, к таким вольностям и мы, и Канторович были приучены нашим папой. Дело в том, что папа частенько брал меня с Аней с собой на рыбалку. Будил в пять утра и увозил, оставив маме на столе записку: «Ирок! Ребята опоздали в школу. Я решил их взять с собой на рыбалку. Не волнуйся!» Подумать только — ну какая школа в пять утра?!

Вот с тех самых пор у Виктора Самойловича Канторовича и вошло в привычку (с папиной легкой руки) писать нам справки в школу по первому требованию.

Кроме того, папа часто брал нас с собой «по грибы», учил их собирать. Вот идем мы вчетвером. Танька верхом у отца на шее, маленькая еще, и мы с Аней. Далеко-далеко уходили... Папа приметит где-нибудь гриб белый и говорит нам: «Вот чувствую,

чувствую — где-то здесь растет белый гриб». И мы с Аней начинали, как ищейки, прочесывать лесную поляну. И находили-таки белый гриб! Сколько было счастья!.. Вскоре у нас появился свой грибниковый азарт. Мы научились грибы собирать!

***Вспоминает Анна Михайловна Державина, сестра
автора:***

«К тому времени мы с Мишкой перестали драться и очень сдружились. Я вдруг открыла для себя, что мой брат — очень добрый и умный мальчишка. Кажется, именно тогда у него необыкновенная тяга возникла — что-нибудь делать своими руками. До сих пор у него эта черта сохранилась! Он у нас очень рукастый и ловкий «народный умелец». К тому же Миша был невероятным выдумщиком.

Вот, скажем, покупают они стол для кухни с Роксаной обычного размера, Роксана уезжает на гастроли, приезжает, а у них на кухне вместо него откидной стол, как в поездах. И за этим столом вообще ничего нельзя делать. Узкая такая дочечка. Кухонька была небольшая, вот Миша и решил «оптимизировать» пространство. Выдумщик, да и только!

Однажды (это уже после смерти папы) маму устроили на работу. У нас была фабрика ВТО для надомников — актеров, которые вышли на пенсию, у которых были маленькие дети, или для тех, кто по

каким-то иным причинам не имел и возможности работать вне дома. Впрочем, раз в неделю надо было отвозить работу.

Мама начала делать косынки — это называлось тогда «батик». На деревянные рамы мы накалывали шелк, и мама его разрисовывала — очень красивые получались косынки.

Однажды, когда маме нужно было съездить — сдать свою работу, к нам пришла, а точнее, прибежала впопыхах Магдалина Львовна Абрикосова, сестра Андрея Львовича (она жила в квартире на первом этаже и дружила с нашей мамой). Так вот, прибегает Абрикосова и говорит: «Ой, Ирка! (маму звали Ираида Ивановна, но все ее звали Ирка, Ира) На Арбате очень дешевые яйца продают, буквально 70 копеек десяток, побежали!» И вот они рванули за этими яйцами, купили по два десятка, мама принесла их и тут же уехала сдавать свою надомную работу.

Приходит Мишка из школы, заходит на кухню и видит: стоит пакет с яйцами. А яйца мелкие-мелкие, почти как перепелиные, чуть побольше, наверно, поэтому и дешевые такие. Миша секунду постоял, подумал да и говорит: «Анька, у тебя ластик есть? Не пожалеешь подарить?» Взял у меня ластик, нашел бритву и начал что-то потихоньку вырезать на ластике. В общем, он сделал из этого ластика печать и, аккуратно макая ее в чернила, проштамповал все эти яйца, два десятка, словом «черепашью».

Мама приходит с работы, хочет переложить яйца в какую-то миску и тут видит, что на яйцах некий штамп.

А тетя Магда Абрикосова тогда оставила у нас и свой пакет с яйцами, Мишка проштамповал и ее яйца.

Мама тут же звонит Магде и говорит: «Магда, да ты знаешь, что мы купили?!» Та: «Что?» Мама: «Мы купили черепашью яйца!» Магда прилетает на второй этаж с первого, смотрит: все яйца до одного проштампованы — «черепашью». И Магда маме говорит: «Ирка, ты не расстраивайся, давай проверим на моем Коле (муж Магды, актер театра Вахтангова). Вот придет он из театра, и я ему, как ни в чем не бывало, сделаю яичницу. Вот и увидим, съедобны эти черепашью или нет». Полдня Магда с мамой наблюдали свой эксперимент, поставленный на муже тети Магды, присматривались к его состоянию — отравлен дядя Коля или нет. Казалось

бы, ничто не вызывало беспокойства, но все-таки мама сказала: «Я их выкину». Тетя Магда: «Ну и дурочка, отдай лучше мне». И вот мама думала-думала и наконец-то догадалась присмотреться к Мишке: «Ты, что ли?» В ответ он показал ей мой резаный ластик.

Или другой случай. Как-то прилетел из школы, вижу — у него в руках какие-то стеклышки небольшие, прямоугольные, видимо, обрезки оконного стекла. Папы тогда уже не было, а мама была на работе. Мишка говорит: «Давай маме сюрприз сделаем». У нас шкаф стоял в передней, довоенный. «Давай соскрежем его стеклышками и покроем лаком!» Тогда мебель, покрытая лаком, только входила в моду...

Но ничего у нас не получилось! Просто шкаф стал салатынами, пятнистый, как ягуар. Мама возвращается с работы и приходит в ужас: «Господи, что же вы натворили!» Мы: «Мамочка, мы просто хотели сюрприз!» Она: «Ну что ж, сюрприз вы сделали!»

Потом этот шкаф пришлось выбросить. К нам же приходили гости, и наши друзья из школы, а потом из Щукинского, а тут такое чудище стоит... В общем, держать его в доме было неприлично.

* * *

В старом омском театре, который показался мне громадным, прошла значительная часть моего детства. Там я впервые увидел многие потрясающие вахтанговские спектакли в исполнении артистов первого вахтанговского поколения. Потом мне казалось, что в Омске я от спектакля к спектаклю «взрослел», набирался ума и понимал пьесы все лучше.

Нашу семью приютила одна из сотрудниц горисполкома Анна Львовна Ложкина, жившая в старинном особняке на высоком берегу Иртыша. Из окна были видны неоглядные сибирские дали, а поближе, под окнами, во дворе — веселые ватаги покуривающих актеров, пришедших в гости к папе. Я знал их не только как приятелей отца, но и по спектаклям, по кино, хотя меня, маленького, водили на фильмы редко.

Нередко папа брал нас с Аней на рыбалку — мы плавали на лодке через Иртыш на другую сторону и всегда возвращались с хорошим уловом.

У меня были маленькие детские лыжи. А прямо от нашего дома шел очень крутой склон к Иртышу (у нас даже адрес был

«Набережная Иртыша»), и под этим склоном стояли торговые палатки. В Москве такие небольшие уличные ярмарки называли «Голубой Дунай». В Омске, кажется, никак не называли. Зимой палатки вообще бездействовали, только в летнее время там можно было что-то купить. И вот однажды я стремглав покатился на лыжах по этому крутому берегу, рассчитывая затормозить и развернуться у самой реки. Уже возле подошвы горы я увидел вдруг перед собой огромный сугроб и решил эффектно скатиться с него, но, как я только потом понял, это была занесенная снегом, задубевшая палатка! Получилось, что я попал на своеобразный трамплин! С козырька этой палатки я полетел так далеко по воздуху, что долетел до самого Иртыша! Слава богу, река прочно покрылась льдом, так что я не утонул, не захлебнулся, ни в какую полынью не попал. Как говорится, «отделался легким испугом», ушибами, ссадинами. Но получил и незабываемое впечатление свободного полета!

К нам постоянно приходил Рубен Николаевич Симонов. Он, как и папа, был заядлым рыбаком. И Виктор Григорьевич Кольцов, народный артист РСФСР, был в их рыбацкой компании (современному зрителю проще всего его вспомнить по роли сердобольного дяди Шурочки Азаровой в «Гусарской балладе»).

Тогда, во время войны, были введены жесткие меры против вылова рыбы в зимний период, чтобы местное население в голодное время не обезрыбило промысловый Иртыш. А именно зимой там очень хорошо ловились стерлядь и налим. Поэтому тот или иной актер Театра Вахтангова, который не прочь был порыбачить, должен был получить специальное разрешение на ловлю рыбы в определенные дни. Вот, скажем, сегодня день Державина. И папа идет на Иртыш, пробуравливает лунку, а в конце дня весь улов делит между актерскими семьями.

Помню встречу Нового года в Омском театре. Для детей привезли огромную красавицу-ель из тайги, нарядили ее, и так все было на этом празднике красиво, весело и здорово, ни словами сказать, ни пером описать. Всем детям выдали на блюде по ложке яблочного пюре, по мандаринке и по две каких-то карамельки. Яблочное пюре мы тут же слопали, а вот эти мандаринки и конфеты понесли домой.

Нас, «державинских», жило в особняке Ложкиной шесть человек: родители, трое детей и домработница Катя (ее мы взяли с собой из Москвы). Тогда семьям, у которых было двое-трое детей, разрешалось иметь домработницу. Причем эти домработницы поставлялись самим государством. Так что и Катя была «государственной домработницей», обеспеченной нам родной советской властью. Она была на два года моложе мамы,

но всю жизнь называла маму «Ираида Ивановна». Потом, когда мы подросли, папа устроил ее в Театр Вахтангова, там она нашла себе и мужа, всю жизнь с ним прожила, и мы всю жизнь поддерживали отношения с нашей Катей, фактически дружили.

Однажды нас, детей, повели в госпиталь. Был запланирован концерт детской самодеятельности для раненых. Мне тогда было 5 лет (как раз в 1941 году вышел спектакль «Фельдмаршал Кутузов», где папа играл Кутузова), и я выучил монолог прославленного полководца: «На вашу я смотрю воинственную рать...»

Объявляют: «А сейчас в роли Кутузова — Михаил Державин!» — и я встаю на табуреточку. А ведь папа — тоже Михаил! — и я всерьез опасался, что все ждут сейчас папу, а вдруг вместо него увидят меня! Но, не прочитав на лицах зрителей и тени разочарования, я осмелел и начал монолог довольно бойко.

И вот сидят раненые, у кого нога в гипсе, у кого — забинтованная голова или рука. И я читаю наизусть «программный» монолог Кутузова и даже не забываю прищуривать глаз, потому что фельдмаршал был одноглазым. Как же мне хлопали! — шум и гром стоял, будто на забастовке. Подобное звучание можно сравнить разве что со стуком шахтерских касок по мостовой в 90-е! Только представьте — загипсованная рука о загипсованное колено бьет.

Это было первое мое выступление перед зрителями и первые аплодисменты в моей жизни...

Потом пел детский хор «Кони сытые бьют копытами», и каждый певец ногой показывал, как бьют. А потом нам и раненым крутили трофейный фильм «Большой вальс». Мы, дети, сидели впереди на полу, почти уткнувшись в экран, а сзади — раненые.

До сих пор не понимаю — шел еще только 41-й год, а фильм уже крутили трофейный. Конечно, были тогда уже и наши контрнаступления, и разгром немцев под Москвой, но чтобы посреди ратных тяжелых трудов, в самое кризисное для страны время, наряду с захваченным немецким оружием «отфильтровывать» и киноленты, отправить их раненым в госпиталя... Какая же ответственность, организованность была по всей стране. Только поэтому уже в 1941-м можно было быть уверенным — мы победим и гитлеровское нашествие, как победили когда-то Наполеона.

Воспоминания о нашем житье-бытье в эвакуации и теперь ничуть не стерлись: радушие людей, разместивших театральные семьи, веселые постановки (на серьезные я, видимо, не очень хаживал), рыбалка, покрытый толстым льдом Иртыш, сверкающий в лучах зимнего солнца. Мы, дети, катались по склону

набережной на санках. Учились стоять на коньках. Взрослые при нас на военные темы не очень-то распространялись, а читать я еще не умел. Так что никакой тревоги, а тем более уныния я тогда ни секунды не чувствовал, сплошной оптимизм! Уж не знаю, как там взрослые, были ли среди них печальные исключения, но ни один ребенок в Омске не сомневался в победе. Это абсолютно точно!

Семья Державиных на природе (1950)

Друзья-актеры часто заходили в гости к папе вместе с женами, которые тщательно следили за тем, чтобы их мужья не напивались. Доходило до того, что мужчин проверяли на входе в нашу квартиру, не несут ли они с собой лишние бутылки. А на мне — штанишки до колен, с глубокими карманами. Актеры подходили ко мне еще во дворе и по ходу шутиливой беседы с ребенком незаметно засовывали в мои карманы секретные свои четвертинки. Я был невыразимо горд от оказанного мне доверия, от посвященности в их тайну. Однажды Алексей Денисович Дикий, за которым жена следила особенно рьяно, сказал мне незабываемую фразу: «Мишка, молодец, будешь артистом!»

Спустя многие годы я побывал в Омске с Шурой Ширвиндтом на открытии нового здания Музыкального театра, спроектированного его женой Натальей Белоусовой. Как долго мы бродили по дорогим мне местам!..

**Вспоминает Анна Михайловна Державина, сестра
автора:**

«Недавно Миша спросил меня: «Ань, а помнишь, как мы весной ходили на берег Иртыша и смотрели, как взрывали лед?» Это специально делалось, чтобы не образовывалось ледяных заторов. Такая была красота! «Мороз и солнце — день чудесный!» Огромные глыбы льда, поднятого на дыбы, нам, маленьким, казались величиной с дом или с гору.

Трудно описать эти сказочные впечатления. Мы стояли на берегу, а перед нами высились, как будто изумрудные, застывшие гигантские фигуры... Мы, как зачарованные, смотрели на это ледяное волшебство, рожденное взрывами. Эти горы льда, с которых начинался ледоход, были почему-то красоты необыкновенной.

Танечка тогда была еще грудная, а с продуктами было, естественно, трудно. А у мамы не было молока. И тогда... кажется, председатель омского исполкома (боюсь, спутать должность), но имя-фамилию помню хорошо — Иван Васильевич Черезов. Вот этот самый человек приказал привозить нам зимой откуда-то издалека, из какого-то села или колхоза, молоко! И нам его привозили — застывшее, в кусках льда. То есть привозили собственно молочный лед, чтобы у Танечки всегда было молоко. В доме был огромный погреб, там

этот лед и хранили, и по кусочку откалывали, чтобы растопить, когда Танечке пора было покушать».

Серебряный переулок

В 1943 году, когда наша семья вернулась в Москву, я пошел учиться в среднюю школу № 73, которая находилась недалеко от дома — в Серебряном переулке. Мне очень нравилось это красивое и благородное название — «Серебряный переулок»!

Переулок этот знаменит тем, что в разные годы здесь жили великий русский артист П.С. Мочалов, поэт «пушкинского круга» Н.М. Языков, комик Малого театра В.И. Живокини, знаменитый архитектор И.В. Жолтовский, известный акушер-гинеколог Г.Л. Грауэрман, великий композитор С.В. Рахманинов.

В нашей мужской школе училось много актерских детей — в будущем сами актеры, ставшие затем известными и популярными, например Вячеслав Шалевич (Театр им. Вахтангова), Александр Збруев (Театр им. Ленинского комсомола)...

Вспоминает Анна Михайловна, сестра автора:

«Вот мы приехали из эвакуации, и Миша пошел в школу, в первый класс.

Помню, первое время он очень плохо писал, и когда я на следующий год пошла в школу и начала сразу писать

хорошо, он таскал мои тетрадки в свою школу, хвастался мальчишкам — вот такая у него сестра! Он очень мной гордился.

А еще у него была потрясающая интуиция. Вот пример. У нас в семье все было лимитированно. Скажем, мама покупала три пирожных — по одному на каждого ребенка. Мишка свое моментально съедал, отъедал половину у Танечкиного пирожного, я же была бережлива и прятала свое пирожное в платяной шкаф. Конечно же, прятала, когда его не было дома. И вот возвращаюсь из школы и собираюсь съесть пирожное. Роюсь в шкафу — и не могу его найти! А Мишка косит хитрым глазом: «Ты что-то ищешь? Ну, ищи-ищи!»... После этого у нас шла драка. Потом нам всыпали обоим, поровну — Мишке и мне. Папа у нас был очень строгий. Впрочем, мы мужественно выдерживали экзекуцию. И в следующий раз дрались с Мишкой не менее ожесточенно. Каждый мог похвастаться оторванными рукавами. Ключик от портфеля не раз спущен был в унитаз.

Мишка гулял в кепке — тогда это было очень модно. К козырьку он пришил кнопку, чтобы прикреплять к нему верхнюю часть кепки — так ходили у нас все хулиганы на улице.

Вообще у нас был такой «бандитский» переулочек, но нас никто не трогал. Наоборот, все хулиганы очень гордились, что живут на одной улице с актерами Театра Вахтангова. Особенно уважали нашего папу. Он ходил в театр из дома пешком, там пройти всего сто метров. Однажды рассказал: иду, вижу — группа в подворотне, курят, ржут, а увидели меня — и мгновенно исчезли! Дело в том, что он только что сыграл в фильме «Великий перелом» генерала Муравьева, прототипа Жукова, получил Сталинскую премию I степени, у него была золотая медаль. В этом же году — это был 1946 год — папа получил звание народного артиста, его еще наградили орденом Ленина. Так что он был в фаворе не только в театре, его боялись все на улице.

Да и Мишка с малых лет был парень героический... тогда не было слова «крутой», а говорили попросту — смельчак или храбрец, удалец бесшабашный».

Мы, дети актеров Театра Вахтангова, в школьные годы ездили в пионерский лагерь в Подмосковье. Это место называлось Плесково. Оно и сейчас существует. До середины лета там был

пионерский лагерь для детей Театра Вахтангова, а с середины июля — Дом отдыха Театра Вахтангова, и дети туда приезжали уже с родителями. В Плескове потрясающая природа — обрывистые, заросшие берега реки Пахры. На этих берегах я постоянно играл в киногероя тех времен — Тарзана. Привязывал веревку где-нибудь на самой верхотуре, на макушке высоченного дерева (причем один, без приятелей), а потом летал на этой веревке над рекой и улюлюкал, и вопил, как настоящее дитя природы, воспитанник диких обезьян. Девчонки все время боялись, как бы я не сверзился оттуда, не разбился. А я получал большое наслаждение от этих каскадерских трюков.

Я кричал на всю округу, причем старался отработать в точности тот звук, который издавал первый Тарзан (его играл пятикратный олимпийский чемпион по плаванию Джонни Вайсмюллер, красавец-мужчина). Мне Анна потом, уже когда я в театральном учился, сказала: «Сколько я потом ни перевидела других актеров в роли легендарного Тарзана, никто этот крик повторить не мог, только ты, Мишка, надсаживался абсолютно точно».

Это мое увлечение держалось года два.

Вспоминает Анна Михайловна, сестра автора:

«Рядом с Плесково находилась деревня Лужки. Там все, конечно, успели на его кульбиты насмотреться. И когда Мишка уже в юности, на первом курсе Щепкинского училища, снялся в фильме «Они были первыми», в деревне

висели самодельные плакаты: «Сегодня в Плесково будет показан кинофильм «Они были первыми», где играет Мишка Державин (Тарзан)». И вся деревня пошла в клуб дома отдыха — посмотреть на своего Мишку-Тарзана.

К слову сказать, мой братец был очень красивым мальчишкой. К тому же ему всегда невероятно хотелось быть модным. Помню, как он делал себе этакий кок, и чтобы этот кок сверкал и переливался, намазывал бриолином голову. Спрашивал меня: «Блестит?» Я ему: «Ну, Миша, как бриллиант». И вот он шел на какую-нибудь встречу или просто пройтись по Арбату, поцеголять своей прической. Потом пошла особая мода на обувь, называлось это «манка» — на старые подошвы наклеивали еще одну, кажется, из поролона, — белую, резную по канту. Всем казалось, что это здорово похоже на обувь американских музыкантов и артистов. Щеголяли в этой «манке».

В школьные годы я больше был успешен в гуманитарных предметах, особенно в литературе. И, конечно же, не отпускал театр. К тому времени он уже прочно занял главное место в моей жизни. Поэтому я был очень счастлив, что в нашей школе беспрестанно устраивались литературные вечера с чтением стихов, басен, отрывков прозы современных авторов.

Тогда же впервые влюбился... Помнится, посмотрел какой-то фильм с Диной Дурбин, и такая была она очаровашка, курносенькая да голубоглазенькая... словом, привела меня в полный восторг. А по соседству с нами жила девочка Люся. И вот мне в какую-то минуту показалось, что она — вылитая Дина Дурбин, такая же голубоглазая, курносая, с локонами беленькими. И я влюбился в нее страшно.

Примерно в это время мне купили новое пальто с большими черными пуговицами. И вот однажды, когда мы катались с горок и валялись в снегу, Люся подошла ко мне и говорит: «Миша, у тебя сейчас пуговица оторвется». А я смотрю не на пуговицу, а на нее, взгляд не могу отвести и вдруг целую ее в розовую щечку... А она не убежала, не шлепнула варежкой, а тоже молча посмотрела на меня и поцеловала.

Потом я у старьевщиков-татар, которые в те времена ходили по улицам и собирали ненужные вещи, выменял маленького лебедя — игрушку из воска — и подарил ее Люсе. И она сказала мне: «Миша, я буду тебя помнить всю жизнь».

Вскоре их семья эмигрировала из СССР — это была первая «хрущевская» волна. Люся давно живет за рубежом, ей под

У нас была очень гостеприимная семья. Папа часто собирал практически всех детишек из нашего дома, человек восемь, вел всех нас в зоопарк, а там покупал каждому по бублику горячему и по мороженому. Так же, целой толпой, мы ходили с папой и в Музей изобразительных искусств, и в Третьяковскую галерею, и в Исторический музей. Он сознательно нас развивал, превращая каждую экскурсию в веселый поход, увлекательное приключение, и мы с удовольствием с ним всюду мотались. И познавательно, и весело, и интересно, и что-нибудь вкусное перепадало.

Мама мне рассказывала, как Борис Васильевич Щукин, училище имени которого я впоследствии окончил, еще до войны носил меня на руках в доме отдыха на Пахре. Там же был и пионерский лагерь. Молодые, впоследствии знаменитые актеры вахтанговского театра работали у нас пионервожатыми. Целыми днями мы бегали, ловили рыбу в Пахре, с тех пор я еще больше полюбил рыбалку. Время было сказочное. И, надо сказать, сытное, несмотря на послевоенные трудности. У нас было подсобное хозяйство, в котором мы выращивали огурцы, редиску, лук, морковь... Сами пололи все грядки. У всех было тогда какое-то приподнятое настроение, люди излучали оптимизм. Все жили с ощущением того, что уж теперь-то все будет очень хорошо.

Когда у нас еще не было своего дачного участка, мои родители снимали дачу на лето. Туда тоже приезжали их знаменитые друзья. Как-то Борис Владимиров и Вадим Тонков, артисты, которые играли популярных старушек — Авдотью Никитичну и Веронику Маврикиевну, — привезли с собой невысокого человека в плаще и кепке. Вскоре мы — и гости и хозяева, и взрослые и школьники — решили поиграть в футбол против деревенской молодежи. На ворота встал тот самый элегантный дядя в кепке. В нападении и защите играли Вероника Маврикиевна и Авдотья Никитична. Я играл за противоположную команду и забил красивый гол. Тогда Борис Владимиров (Авдотья Никитична) вдруг провозгласил: «Михал Михалыч забил гол лучшему вратарю мира». Ребята все насторожились, а Владимиров продолжал: «В наших воротах стоит Лев Иваныч Яшин». Это было невероятно!

Арбат был тогда «режимной» улицей. Сам товарищ Сталин ездил по Арбату из Кремля на свою ближнюю дачу в Кунцево. И на этой улице, и в окрестных переулках стояли так называемые «топтуны» — переодетые агенты Министерства государственной безопасности. Мы с мальчишками их сразу узнавали, потому что они были все в одинаковых синих пальто с котиковыми воротниками, в теплых ботах и с телефонами спецсвязи. И когда по Арбату проезжала вереница правительственных «Паккардов», которая двигалась по нынешним меркам очень медленно, хотя и с каким-то невероятно могучим гудком, похожим на многократно усиленный голос кукушки, — мы выскакивали из школы, размахивали руками, кричали: «Ура товарищу Сталину!» — в полной уверенности, что и он нас увидел, и мы его разглядели. Его охранники, по-моему, всех нас уже знали в лицо, поэтому никаких конфликтов между нами не случилось.

В послевоенное время все жили достаточно скромно, но старались вместе отмечать все праздники, устраивали детские вечера, новогодние елки, как я уже говорил. Все зимние каникулы мы, дети, свободно курсировали по всем квартирам дома — сегодня у Державиных, завтра у Двойниковых, послезавтра у Журавлевых. Актер Театра имени Евг. Вахтангова, впоследствии знаменитый отец, народный артист СССР Дмитрий Николаевич Журавлев жил со своей супругой и двумя дочками, Машей и Наташей, в маленькой квартирке на первом этаже. У Журавлевых были самые интересные елки. Там, кстати, я и познакомился с Шурой Ширвиндтом. Мне было тогда 11, а ему уже 13 лет. Он мне казался уже недостижимо взрослым, тем более что Шура пил настоящее шампанское, а я — все еще лимонад.

Помню школьника Андрюшу Миронова. Мария Владимировна и Александр Семенович — родители Андрея — хорошо знали моего отца. Они приходили вместе с Андреем на спектакли вахтанговского театра. Андрей был на целых пять лет младше меня, поэтому мы с ним теснее сдружились уже в Щукинском. Я учился на последнем курсе, он — на первом. Я играл дипломные спектакли, а он вместе с другими студентами-первокурсниками помогал нам ставить декорации. Шура Ширвиндт к тому времени уже окончил училище. Я видел его знаменитые отрывки из классических пьес, в которых он блестяще двигался и фехтовал. Сразу после окончания училища он стал в нем преподавать, но не актерское мастерство, а именно сценическое движение и фехтование.

Как я уже говорил, совсем рядом со школой и моим домом располагалось Театральное училище имени Щукина. Мне ничего не оставалось, кроме как перейти в соседний подъезд и выучиться

на артиста. Хотя с раннего детства я частенько брал карандаши, а затем и кисти в руки. Я даже походил в художественную школу. Кстати, эти занятия потом мне очень помогли и в актерской профессии — я делал смешные гримы. До сих пор иногда люблю запечатлеть какой-нибудь пейзаж. Просто для души. И папе нравились мои работы. Папе хотелось, чтобы я стал художником.

Мы были как раз в Плескове, когда умер папа. В том самом доме мельника, в котором мы снимали комнату. Папа заболел накануне своего дня рождения — 25 июля. Стояла страшная жара, страшная... А у папы, видимо, уже тогда было воспаление легких, потому что он тяжело дышал и тихо-тихо говорил. У него почти пропал голос. И вот он говорит маме: «Ирок, я пойду выкупаюсь». То есть в речке Пахре, а Пахра эта метров пятнадцать от дома, если не меньше. Мама говорит ему: «Мишенька, не надо, ты кашляешь, ты простужен». Папа в ответ: «Ну невозможно... Я пойду окунусь, а то очень жарко». И мама ничего не смогла поделать, не смогла его отговорить.

Папа пошел, окунулся, а потом нам говорит: «Ребят, принесите мне стульчик». Возле дома возвышался холм, поросший лесом, мы его называли — гора. В принципе, это была не гора, а просто кусок леса, который высился над домом. Наш дом находился на берегу реки. Когда-то берега Пахры были, видимо, размыты, и наш хозяин построился под этой горой, как мы ее называли. «Пошли на гору». И вот папа, выйдя из реки, нас попросил: «Ой, ребят, поставьте мне стул под горой за домом. И принесите мне книжку Толстого». Он начал перечитывать «Войну и мир». Мы поставили стул и принесли ему книгу. Он сидел, читал...

Это было 25 июля, день его рождения, святой для нас день. И мама что-то там устроила, какой-то стол... Но папе стало совсем плохо. И мама говорит мне: «Мишк, сбегай в дом отдыха, попроси, чтобы пришел профессор Шнейдер, он там отдыхает, попроси, чтобы он пришел, прослушал папу». И я побежал в Плесково, в дом отдыха, привел этого профессора Шнейдера. Тот папу послушал, о чем-то они долго-долго разговаривали. Через пять дней папы не стало.

Вспоминает Анна Михайловна, сестра автора:

«Помню, мы с мамой вдвоем вышли в сени, потому что там стояли керосинки, на них готовили (не было тогда ни электричества, ни газа, у нас были коптилки еще). Вот мама мне и сказала: «Анечка, пожалуйста, помоги мне принести из сеней продукты». Я выхожу — ну что мне, тринадцать лет, — а она стоит там, плачет. Я говорю: «Ма! Что случилось?» И она, вытирая слезы, говорит мне тихо-тихо: «Приговаривайся жить без отца». Представляете?... И продолжает: «Только ни слова ни Таньке, ни Мишке. Ни тем более папе. Делаем улыбки и входим в комнату».

Папа умер, когда мы спали, это была глубокая ночь. Накануне, 29 июля, вечером уже, перед сном, мама нам говорит: «Я завтра еду в Москву за продуктами, в Плескове будет грузовик». А мы вдруг в каком-то порыве кинулись ее целовать перед этим расставанием. И папа обиженно-обиженно вдруг говорит: «А что же вы меня-то не поцелуете?» Мы кинулись к нему, тоже целовали, правда, более дежурно.

И вдруг среди ночи — какое-то движение в комнате. А там комната одна была — большая плюс небольшой отсек за перегородкой. Вместо дверей висела занавеска. Мы с Танечкой спали там, в этом отсеке. А мама, Мишка и папа — в большой комнате. И я проснулась от того, что слышу: какая-то беготня, суета, ничего не могу

понять. От страха Таньку разбудила: «Тань, что-то происходит...» Не можем понять что, вылетаем в комнату. И мама нам говорит: «Все. Папы нет». Как? Что? Мама говорит: «Вот только что, вот только что... Посмотрите на часы». Было два часа и семь минут. Я спрашиваю: «А где Миша?» — «Сейчас придет». Потом выяснилось — мама за врачом послала Мишу в Плесково, но тут же выбежала — крикнула ему вдогонку: «Сынок, не надо бежать... Папы больше нет». И Мишка тут же вернулся.

Позже мама нам рассказывала — когда папа умирал, он сказал: «Ира! Я так любил детей! Я так любил тебя! И передай привет товарищам!» Это его последние слова были.

В свидетельстве о смерти было написано «двухсторонняя бронхопневмония». Организм не выдержал. Папе было всего 48 лет.

Вот мы говорим — все забудется. Ничего не забывается! Это было непередаваемо горькое время, которое переломило всю нашу жизнь».

* * *

Папа видел во мне художника, хотел, чтобы Аня занималась музыкой. У нее был очень хороший слух, и она очень неплохо пела, вот папа и хотел по этой линии ее как-то направить. Но все пошло кувырком.

Мама в 35 лет осталась одна с тремя детьми. В театральном она не доучилась, когда вышла замуж за папу — рождение детей, домашние заботы. Хотя, по воспоминаниям всех ее старых знакомых, она была очень способная...

Мама училась на одном курсе с Витькой, как она его называла, Розовым (Виктор Розов, знаменитый драматург). И мама часто вспоминала, как этот Витька Розов спасал весь курс от опроса аудитории, когда вступал в полемику с педагогом. Он часами мог «запудривать» мозги, так был подвешен язык. Позже Розов вспоминал в одной из телевизионных передач о маме: «Ирка? Державина? Помню, помню... Хорошенькая была!»

* * *

Надо было жить дальше. После девятого класса я ушел в

школу рабочей молодежи, потому что начал «подхалтуривать», чтобы помочь маме, — то где-то в массовке снимался, то еще что-то.

Окончил школу рабочей молодежи вполне прилично, хотя все время были нелады с математикой. В этой школе работал один замечательный педагог по математике, Михаил Израилевич, который сказал на экзаменационной комиссии: «Вы знаете, этому мальчику ни-и-ко-о-гда в жизни не пригодится математика!» И оказался прав.

Глава вторая

В Щукинском

«Держик»

В 1954-м я поступил Театральное училище им. Щукина на курс к Иосифу Моисеевичу Толчанову. Практически все педагоги училища были актерами Театра им. Вахтангова и друзьями моего папы. Но, конечно же, я поступал на общих основаниях. Хотя... наверное, меня жалели, потому что папа умер рано — в 1951 году.

Как полагалось, я подготовил и читал прозу, стихотворение, басню — «Волк на псарне» Крылова, отрывок из поэмы Пушкина «Жених» («Три дня купеческая дочь Наташа пропадала...») и отрывок из прозы Чехова.

Меня сдержанно похвалили, но я был на седьмом небе от счастья — так трудно показалось читать перед педагогами, которые знакомы с детства. Пришел домой, рассказал, как все происходило, маме, сестрам... И вдруг на следующее утро звонок в дверь, потом вбегает мама в мою комнату: «Мишенька, быстро надень свежую рубашку. Пойдешь сейчас читать то, что вчера читал». Я, честно говоря, расстроился. Подумал: если по второму разу перечитывать, видно, что-то не понравилось.

Прихожу в училище, сидят представители приемной комиссии, во главе — народный артист Борис Евгеньевич Захава и рядом с ним какие-то неведомые люди. И вот Захава смотрит в бумажку, потом на меня и объявляет: «Михаил Державин», как будто меня и не знает. Я так был поражен! А он продолжает: «Поэма Пушкина «Жених». Михаил прочтет финальную часть. Переводчики, будьте любезны, переводите. Можно не в стихах». В зале заулыбались.

Борис Евгеньевич сделал знак мне рукой: мол, взбодрись! Я послушно взбодрился, начал весьма экспрессивно читать. Мне даже аплодировали. Оказалось, на гастроли приехал французский театр, и ему демонстрировали, как проходит прием в Щукинское училище. Так вот я и поступал...

**Вспоминает Анна Михайловна Державина, сестра
автора:**

«...Пришло время поступать Мишке в институт. А тогда многие абитуриенты, поступающие в актерские ВУЗы с огромным конкурсом, пробовали свои силы одновременно во многих театральных училищах. Так увеличивалась вероятность поступления. И вот Мишка в те же дни, что поступал в Щукинское, пришел и в театральное училище имени Щепкина и назвался там чужой фамилией — Колеватов. В Щукинском-то все знали Мишку с рождения...

В итоге Мишку приняли во все театральные училища. Во МХАТе под какой фамилией не помню, но в Щепкинском — абсолютно точно — под фамилией Колеватов. Примечательно, что «Колеватов» было взято отнюдь не с потолка. Дядя Толя, Анатолий Андреевич Колеватов, был сначала рядовым актером в Театре Вахтангова, потом стал там администратором. Затем был директором в Малом театре, потом — главным администратором в Театре Ленинского комсомола, потом — директором Большого театра, а закончил свою карьеру директором цирка.

Так вот, Мишка именно под его фамилией поступал в Щепкинское. И нам через неделю после последнего экзамена приходит письмо: «Анатолию Андреевичу Колеватову явиться в театральное училище имени

Щепкина — он принят». А дядя Толя Колеватов работал тогда в Театре Ленинского комсомола. Смех да и только. Мама говорит: «Только Колеватова надо искать, ему какое-то странное письмо пришло». Тут и Мишка приходит, мама ему говорит: «Знаешь, тут пришло письмо дяде Толе Колеватову, что его приняли в Театральное училище имени Щепкина!» И вот мы все вместе сидим — ломаем голову, гадаем, что бы это значило? Наконец Мишка раскалывается: «Не беспокойся, мама, Колеватов — это я». Но мало того, что они письмо прислали, потом они и к нам домой заявились, отлавливая даровитого студента, — не хотели такой «материал» упускать. Требовали, чтобы Колеватов выслал документы срочно. Но Мишку уже взяли в Щукинское.

На одном курсе со мной учился Вася Ливанов, мы очень дружили тогда. У нас была веселая компания. Все «окна» между лекциями и занятиями мы сидели у нас дома. Приходили и ребята, и девчонки. В общем, веселье в доме не прекращалось, начиная с детских лет. Еще я близко дружил с Арсением Лобановым. Был такой Арсик Лобанов — пасынок директора театра оперетты Лобанова. Потом этот Арсик Лобанов стал первым и главным аукционером Советского Союза. Именно он привел Л. Якубовича на телевидение. И все аукционы, когда они уже стали легальными, проводил Арсик. Он был в этом деле просто ас.

Валентин Никулин жил напротив нашего дома, мы были с ним хорошими друзьями. Мама на всякий случай нас очень «блюла» и устраивала так, чтобы мы поменьше отлучались. Поэтому вся жизнь у нас была дома — и танцы были в небольшой квартире нашей, на них ходили многие мальчишки и девчонки с нашей улицы, многие из которых потом стали «звездами».

Замечательное было время. И при всем своем одиночестве мама оставалась у нас в центре внимания. Она была очень красивая. Папины друзья как-то взяли ее на концерт Рашида Бейбутова (тогда как раз вышел фильм с его участием). И вот этот Рашид Бейбутов в маму влюбился. И даже сделал ей предложение! А мама, как девочка, зарделась и сказала: «Нет, нет, ни за что, никогда! Спасибо, Рашид!»

Потом начал у нас бывать такой Иван Михайлович Скобцов, певец Большого театра, народный артист. Когда-то они с папой вместе рыбачили. Тоже в маму без ума влюбился...

Но мама всех отшила. Всю жизнь, до самой своей смерти

вспоминала только об отце. А ведь вышла она замуж за него в шестнадцать лет, ей тогда подделали паспорт, и даже папа об этом не знал. Она ему сказала, что ей уже восемнадцать. Вот как влюбилась! А своих родителей просто поставила перед фактом. «Папа, я влюбилась! — сказала она тогда бабушке нашему. — Не надо меня отговаривать. Это на всю жизнь». Так и получилось. И вся ее жизнь — в воспоминаниях о папе.

Преподаватели у нас были шикарные, хоть прежде мне казалось, что их всех я давно знаю как облупленных, теперь я с ними познакомился с совершенно новой для меня стороны. Оказывается, главным в этих людях было не застольное балагурство, а глубочайшее понимание природы театра, сценической драматургии, и в первую очередь, конечно же, актерской природы.

Вскоре мне стало интересно в Щукинском училище буквально все, в том числе постижение тайн мастерства самих преподавателей, их темперамент, любовь к драматургическому материалу, да и вообще к литературе, русской, зарубежной и советской.

После смерти папы мама осталась одна с тремя детьми на руках и вынуждена была искать надомную работу. Она стала заниматься при комбинате ВТО росписью платков в технике «батик», которые, кстати сказать, были очень востребованы как русские сувениры за рубежом. Это «домашнее производство» было довольно тяжелым, краски, которые использовались, были вредны для здоровья, но мы с сестренкой всегда, чем могли, маме помогали, и в школьные годы, и в те времена, когда я уже учился в театральном училище.

В студенчестве, чтобы заработать какие-то деньги, я иногда участвовал в ночных съемках на «Мосфильме», на киностудии Горького в эпизодах. Помню ночную работу над фильмами «Аттестат зрелости», где в главной роли блистал тогда Василий Лановой, в «Арене смелых», где виртуозно работал совсем юный Олег Табаков, а для меня это была всего лишь подработка.

Потом меня, студента, режиссер Юрий Егоров пригласил в свою картину «Они были первыми» на роль комсомольца Жени Горовского, молодого поэта-гимназиста, который после некоторых метаний перешел на сторону советской власти.

Так что почти весь второй курс мне пришлось провести на съемках в Ленинграде. Тогда пропуск учебы из-за съемок не приветствовался, но руководство училища пошло мне навстречу, зная о сложном материальном положении нашей семьи.

В фильме «Они были первыми» сложился великолепный актерский ансамбль, который за время съемок стал прекрасной

дружеской компанией: Лиля Алешникова, Марк Наумович Бернес, Георгий Юматов, Михаил Ульянов — его я звал просто Мишей. С Бернесом было особенно интересно работать, ведь он снимался вместе с отцом в фильме Фридриха Эрмлера «Великий перелом», за который отец получил Сталинскую премию. Марк Наумович много рассказывал о том, как они работали.

Фильм «Они были первыми» имел огромный успех у зрителей, и большинство актеров, занятых в нем, стали вскоре звездами советского кино.

Как знать, может быть, именно благодаря этому фильму я был замечен, и затем, после училища, пошли роли в театре, капустники в Доме актера, развлекательные передачи «Добрый вечер», «С добрым утром!». Начальству я нравился — может, характер подходящий — жизнерадостный и легкий, может, потому, что в любом спектакле или на капустнике мог довольно грамотно и чисто в музыкальном отношении напеть любые песенки. В молодости меня называли Держик. Этакое доброе, безобидное и безотказное существо: не укусит, не заспорит, а всегда поможет и поддержит, если надо.

Итак, целый год я снимался, а потом возвратился в училище — уже на курс к Леониду Моисеевичу Шихматову. Меня практически сразу стали занимать в вахтанговских спектаклях. Я участвовал, например, в спектакле «Много шума из ничего», где играл маленькую роль стражника. Тем не менее для меня это уже был огромный опыт пребывания на настоящей сцене рядом с величайшими артистами — Симоновым, Астанговым, Плотниковым, Мансуровой.

В моей студенческой жизни был еще один очень любопытный опыт. В 1957 году в Москву приехал знаменитый театр «Берлинер ансамбль» Брехта. Тогда театром уже руководила его вдова, актриса Елена Вейгель. Они привезли несколько спектаклей, в том числе «Жизнь Галилея». Массовку набрали из студентов Щукинского училища. Нам раздали напечатанное по-русски содержание спектакля, по которому мы следили за тем, что происходит в каждой картине.

Надо сказать, мы очень ответственно готовились к своим выходам. Декорация была сделана из металла и покрыта медными щитами. Нам выдали ботинки, подклеенные войлоком, чтобы двигаться совершенно бесшумно. Все это было непривычно и увлекательно. Вахтанговская школа очень отличалась от жесткого, рационального брехтовского театра, поэтому и в смысле постижения каких-то новых граней творчества это был бесценный опыт. Так или иначе, мы очень старались, и когда закончились гастроли, второй режиссер похвалил и поблагодарил

нас от имени театра. А потом нам домой позвонила мамина подруга и с восторгом начала делиться впечатлениями от спектакля. «Ты знаешь, — сказала она маме, — там был один немец — просто вылитый Мишка». Так что и доньше, когда мне хочется похвалиться, я этак небрежно говорю: «Я играл и в знаменитых зарубежных постановках. Например, в «Жизни Галилея» в «Берлинер ансамбль»...»

Катя Райкина

Так как после съемок в фильме «Они были первыми» я был вынужден вернуться в училище на тот же второй курс, с которого и улизнул «в кино», а мои прежние однокурсники уже учились на третьем, то я оказался среди новых товарищей, которые были, как правило, чуть младше. Увидел среди них очаровательную Катю Райкину и тут же влюбился. Именно так: сначала влюбился, потом познакомился.

...А поженились мы с Катей только года через два. «Проверив свои чувства», как нам тогда казалось. Ей было 19, мне 21...

Ее родители и брат Костя тогда еще не переехали из Ленинграда в Москву. У нас в квартире было тесновато, там жили мама с сестрами. Поэтому Райкины сняли нам комнатку в квартире своих знакомых, очень хороших людей. Там мы и устраивали свою семейную жизнь.

Примечательно, что с Катиным папой, необычайно знаменитым тогда юмористом, воистину великим артистом Аркадием Исааковичем Райкиным, я был знаком задолго до того, как стал его зятем. Он часто приезжал в наш дом на Арбате — к известному отоларингологу Виктору Канторовичу. Райкин много выступал, голос у него иногда срывался, поэтому была необходима помощь специалиста.

Бегая во дворе, мы с мальчишками всегда замечали, когда останавливалась «Победа» Райкина с номером «ЛИ 0025». «ЛИ» это значило «Ленинградская Индивидуальная». Как ни странно, Аркадий Исаакович тоже различал среди снующих по двору мальчишек сына ведущего актера Театра им. Вахтангова.

«Мишенька, а дома ли Виктор Самойлович?» — спрашивал он у меня про Канторовича и, улыбнувшись в ответ на мое искреннее недоумение, поднимался к врачу.

Поразительно, что наш дворик сохранился, и я, живя в том самом доме на Арбате, сейчас ставлю свой автомобиль в том месте, где когда-то парковался сам Аркадий Райкин.

Хотя, по рассказам актеров его театра, Райкин был очень

строгим и требовательным руководителем, порою даже жестким, я такого Райкина не помню. В домашнем быту он запомнился мне мягким, тихим, нежным и даже застенчивым. Очень любил детей — Катю и сына Котеньку, который был тогда еще совсем маленький.

Когда меня впервые пригласили выступить в концерте, у меня не было концертного костюма. Аркадий Исаакович подумал и сказал: «Вот что. Поезжай-ка в наш театр, там в костюмерной тебе что-нибудь подберут». Действительно, мне подобрали словно на меня пошитый костюм. Я успешно выступил и не удержался — похвастался Райкину. «Миша, ты же выступал в моем костюме, — сказал он в ответ. — Думаю, если бы ты вышел в нем на сцену и просто молчал, все равно имел бы успех». Этот костюм он мне подарил.

Райкин был очень сосредоточенным и внимательным человеком. Люди, которые его мало и плохо знали в жизни, говорили, что, дескать, Райкин был скучным, неразговорчивым, вялым в общении... Все это неправда! Он был достаточно коммуникабельным, любил своих друзей, актеров, интересовался делами молодежи и с удовольствием слушал собеседников, смеялся с ними, мог что-то вставить в беседу, рассказать по ходу, сделать дельное замечание...

Известна, к примеру, такая история. Однажды весенним утром 1953 года в саду «Эрмитаж», где Аркадий Исаакович часто прогуливался и репетировал на ходу, к нему подошел молодой человек. Он оказался сыном бывшего посла СССР в Чехословакии, которого расстреляли, а всю его семью отправили в лагерь. Паренек сбежал из ссылки и пробрался в столицу, чтобы доказать невиновность отца. Райкин сказал: «Иди садись в мою машину!» Потом он его прятал у себя недели две. Но мальчик вышел на почту отправить письмо маме, что с ним все в порядке, — и его арестовали. Правда, на допросах он так и не признался, у кого жил в Москве.

Катя рассказывала, что Аркадия Исааковича периодически укладывали в больницу для обследований, откуда он регулярно сбегал. Едва станет полегче, он тут же звонит нашему водителю и просит подъехать. Сам выйдет в парк, якобы прогуляться — и прямо в больничной пижаме в машину!

Однажды, когда он должен был выступать на юбилей в Театре Вахтангова, у него случился очередной приступ. И вот Аркадий Исаакович говорит бригаде «Скорой помощи»: «Проедьте, пожалуйста, по Арбату и остановите у театра ровно на пятнадцать минут. Я выступлю, и мы отправимся в больницу». Врачи были в растерянности, но Андрей Исаакович убедил их, написал расписку и таки выступил... Никто из зрителей даже не знал, что Райкина под театром ждет «Скорая».

Выход на сцену преображал его совершенно. Он получал

такой огромный эмоциональный заряд любви и восхищения, когда видел, как люди ему рады. Аплодисменты и любовь публики продлевали ему жизнь.

Одно время меня удивлял и такой факт: всегда оказывалось, что практически все советские писатели, которые бывали у нас в доме, хорошо знакомы с Райкиным, и если он был в это время у нас, начинались сердечные приветствия и объятия. Дело было в том, что Аркадий Исаакович частенько подолгу жил в писательском Доме творчества. Там он и отдыхал, и готовил новые программы, оттуда выезжал на спектакли.

Как ни жаль, прожили мы с Катей в браке совсем недолго. После училища мы поступили в разные театры, я — в Театр имени Ленинского комсомола, а Катя — в Театр Вахтангова. Репетиции в разное время, часто несовпадающий гастрольный график, постоянные разъезды, непрекращающиеся расставания... Так уж получилось, что мы потихоньку отдалялись друг от друга. Не было никаких сцен ревности, взаимных обвинений и упреков, никаких среднестатистических кошмаров разрыва. Просто случился какой-то излет нашей любви, и мы очень спокойно и мирно расстались. К тому времени Катя влюбилась в актера своего театра Юрия Яковлева, который впоследствии и стал ее вторым мужем. У меня сохранились добрые отношения и с Катей, и с Котей (Константином Райкиным), как я по-детски его до сих пор называю, хотя он уже и сам известнейший актер театра и кино, народный артист РФ, руководитель московского театра «Сатирикон».

И все-таки развод наш с Катей не прошел без казусов. Мы уже разошлись, как вдруг в «Вечерке» в самом читаемом разделе «Браки и разводы» появилась заметка: «Михаил Державин возбуждает дело о разводе с Екатериной Райкиной». Я был в шоке, потому что не возбуждал никакого дела! Только много позже Никита Владимирович Богословский, с которым мы подружились на театральных капустниках, признался в том, что это была его шутка. Так с легкой руки Богословского в газете впервые появилось мое имя. Причем сразу же — в самой скандальной рубрике.

Глава третья

Театр, театр, театр

Ленком

После училища в 1959 году я начал работать в Московском театре имени Ленинского комсомола. Тогда всех выпускников сразу призывали в армию, а хотелось-то играть, сниматься. Бронь от армии была только у Театра имени Ленинского комсомола, и добился ее тогдашний директор Анатолий Андреевич Колеватов, муж замечательной вахтанговской актрисы Ларисы Пашковой. Он явился на прием к министру культуры Фурцевой: «Екатерина Алексеевна, комсомольцы на сцене выглядят старовато, а молодежь забирают в армию». Та позвонила в министерство обороны и вытребовала поблажку для ленкомовских ребят.

Так что в армии я не служил, но военных разного ранга играл много.

Колеватов меня и пригласил. Там я сразу стал репетировать несколько главных ролей в премьерах и участвовал в диком количестве старых спектаклей. Первой значительной ролью, которую я сыграл в 1960 году, стал стилига Бубусь в постановке пьесы «Опасный возраст». Спектакль имел большой успех, и роль Бубуса стала на несколько лет своего рода моей визиткой. Я до сих пор считаю эту роль одной из самых значительных своих театральных работ.

Я был такой голубоглазый блондинчик и поэтому играл в основном положительные роли. А Ширвиндт, который к тому времени уже работал в этом театре, зачастую выступал на сцене моим антагонистом — играл разных стилиг, социально ненадежных элементов и даже негодяев. В то время в театре менялись художественные руководители, приходили и уходили режиссеры. Вспоминаю с благодарностью Бориса Никитича Толмазова, прекрасного актера Театра имени Маяковского, который какое-то время был у нас режиссером, до него — режиссера Майорова.

Дружба связывала очень многих актеров, примерно однолесток. Параллельно шла работа в театрах. Мы очень много играли. Играли пьесы, которые отвечали тому дню, — комсомольские, молодежные. Их уже благополучно забыли.

С приходом в 1963 года Анатолия Эфроса Ленком окатила свежая струя, открылись новые горизонты. Его режиссура не была

показной, громкой, скорее камерной — но именно это было его визитной карточкой. Он отличался особым стилем работы с актерами, скромностью, душевностью, умением находить с людьми общий язык. Был особенный всплеск интереса к нашему театру.

О работе с Эфросом мы все вспоминаем с улыбкой, с огромным удовольствием — и это, пожалуй, самый важный показатель успеха в театральной среде. Трудные времена закончились — вернулась зрительская любовь, вернулись уважение и почет к театру. Блестящая плеяда актеров творила тогда в Ленкоме — Александр Збруев, Леонид Марков, Валентин Гафт, Ольга Яковлева, Всеволод Ларионов, Слава Богачев. К нам примкнула большая группа из капустников, которыми руководил Ширвиндт: актеры Никита Подгорный, Миша Козаков, Андрюша Миронов, Майя Менглет, Леонид Сатановский.

Спектакли Эфроса «Снимается кино», «Мой бедный Марат», «Мольер», «Чайка», «В день свадьбы», «104 страницы про любовь» гремели по всей Москве. В основном режиссер обращался к современной драматургии — Розов, Арбузов, Радзинский. Его постановки заставляли задуматься о судьбе интеллигенции, о месте личности в современном обществе, о романтике и лирике в жизни.

Эфрос не особенно заботился, о чем говорят герои пьес. Он показывал, что происходит между ними, какие истинные мотивы движут персонажами, в этом была необыкновенная психологическая глубина эфросовских постановок. Это была великолепная школа актерского мастерства.

Театр «Ленком». Спектакль «Всё о Лермонтове» (1963)

Шел 1964 год — мы с Александром Анатольевичем уже были известны в театральной Москве как мастера «капустного жанра». Наш дуэт сложился в недрах театра, а потом как-то плавно переместился на сцену Дома актера. Нас увидел в театре и привел к себе директор Дома актера Александр Моисеевич Эскин. И мы, тогда еще совсем мальчишки, играли свои первые капустники

среди потрясающих мастеров сцены того времени. Когда я сейчас смотрю на фотографии тех лет, всегда думаю: «Боже! Среди каких знаменитых актеров мы сразу оказались: Леонид Утесов, Михаил Жаров, Михаил Царев, Фаина Раневская, молодой Георгий Товстоногов, ведущие артисты МХАТа!» Актерское признание к нам пришло не по спектаклям, а именно по этим капустникам.

Мы выходили все из Ленкома и бежали после спектакля в Дом актера и там творили знаменитые капустники. Театральная Москва нас узнавала не по спектаклям, а по капустникам. Потом наша слава выросла, мы стали знаменитым капустным ансамблем города. Тогда капустники процветали всюду. Они вершились в Доме архитектора, в Доме журналиста. Назывались «Верстка и правка», «Синяя птичка» и другие. Мы соревновались.

Дом актера

Капустники, посиделки — безусловно, самый популярный жанр деятельности Дома актера — всегда отличались творческой дерзостью. Чего стоит одна история с папанинцами! Прославленных героев-полярников, уставших от шумихи, накануне уже подготовленного вечера отозвали на необходимое лечение в Барвиху. Огромных усилий стоило директору Александру Моисеевичу Эскину уговорить заботливых докторов не рушить прекрасный вечер. Папанин согласился выехать в Дом актера только за билеты на дефицитную «Анну Каренину» во МХАТе. Своих усилий по «добыче» папанинцев задорному директору Дома актера оказалось мало, и ему вздумалось порадовать полярников еще задолго до встречи с актерами...

Сопроводжать Папанина и его сотоварищей отправились роскошные актрисы МХАТа. Случилось непредвиденное — все лимузины на полпути поломались, и пришлось актрисам уговорить полярников добраться до Москвы на рейсовом автобусе. В автобусе папанинцев рассмешил совершенно пьяный гражданин, утверждавший причастность свою и своей собачки к экспедиции на льдине. Роскошным актрисам стало совсем стыдно, когда полярным исследователям пришлось выложить изрядные деньги за билет на пригородном автобусе. Вместо билетов строгая кондукторша без тени смущения вручила папанинцам... билеты на «Анну Каренину». Через секунду замешательства в кондукторше была узнана Мария Миронова, а в пьянице — Осип Абдулов: главные участники капустников Дома актера сыграли свои роли отменно.

По форме наши «капустники» строились обычно как

репортажи с мест. Вот пример.

«Почему так долго не выпускался спектакль «Павшие и живые»? Любимов ответил, что спектакль задерживался по трем пунктам, из которых самый главный пятый».

«В ноябре этого года многие страны отмечали пятидесятилетний юбилей известного писателя Константина Симонова. По сообщениям Тель-Авива, в связи с этим в Израиле с успехом поставлен «Русский вопрос».

...Придумывать всякий раз новую форму приветствия бывало трудно, и появились некие «болванки», в которые втискивался очередной юбилар. Вот снова пример.

«Товарищи! В 1915 году, несмотря на самодержавие, родился Константин Михайлович Симонов. Родился он, как и все дети, безмянным, но Софья Владимировна Гиацинтова, интуитивно учуяв в нем будущего драматурга нашего театра, обратилась к Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко с просьбой разрешить назвать мальчика его именем — Володя. Немирович категорически отказался, и родителям ничего не оставалось, как назвать его в честь Станиславского — Костей. Этот факт и был первым камнем преткновения между двумя великими основоположниками МХАТа».

...По этой же «системе» строилось другое приветствие.

«Дорогие друзья! Семьдесят лет тому назад, несмотря на самодержавие, родился Сергей Владимирович Образцов. Он родился в семье скромного академика. Революция освободила семью Образцовых от пут капитала и дала в руки маленького Сережи большую куклу. Сегодня Образцову семьдесят лет. Вдумайтесь в эту цифру. Он очевидец многого... Он видел Тимирязева. Он слышал об Эйнштейне. При нем открыли керосин. При нем поднялся в небо первый самолет. При нем же он и разбился. Он же открыл свой театр».

Дом актера всегда давал возможность общения, возможность встречи поколений.

В доме на улице Горького была атмосфера настоящей клубности, собиралась своя среда. Мы никогда не приходили туда отдыхать, мы шли общаться, спорить об искусстве. В этом отношении старый ресторан Дома актера был особым культурным местом Москвы. Какие там проходили незабываемые словесные дуэли, какие устраивались стычки актеров с критиками! Человек мог выйти из этого ресторана знаменитым!

Помнится швейцар дядя Володя, буфетчица баба Таня. Помнится прекрасный директор ресторана, которого все звали Борода. Когда я как-то спросил у него: «А все-таки почему у тебя в

ресторане такое вкусное филе по-суворовски?» Он ответил: «Я просто покупаю хорошее мясо». Буфетчицы, официантки, актеры — это была одна компания.

Дешевле и демократичнее, чем в ресторане Дома актера на улице Горького, нигде не было. Конечно, играло огромную роль расположение самого дома — в центре, рядом со многими театрами. Актеры Сатиры, Ленкома, Моссовета часто заскакивали в этот ресторан просто выпить сто грамм, покурить, пообщаться.

На один рубль можно было заказать десять порций капусты, называлась она «Дом актера», ее укладывали таким шпилем. Мы тогда получали мало, поэтому заказывали поджарку и требовали пожарить побольше картошки. За 3 рубля тебе приносили сковородку на огне. Официантки ресторана были родными мамами.

В ресторане можно было увидеть живьем Гриценко, Грибова, Стриженова, Ролана Быкова, Мишу Казакова, Олега Ефремова. Представьте:ходишь и слышишь, как в зале ресторана гулким эхом раздается хорошо поставленный голос знаменитого актера, обращенный к кому-то: «Ты не артист, ты го-о-овно».

Запомнился день празднования десятилетия Театра на Таганке. Гуляли всю ночь. Высоцкий уезжал на съемки какого-то военного фильма. Все высыпали в фойе попрощаться с Володей, он должен был прийти с минуты на минуту, и все нет и нет. И вот наконец двери лифта открываются, а там Высоцкий целуется с Мариной Влади, а Юрий Петрович Любимов говорит: «Все, Володя. Теперь она остается на мое попечение».

Мы с Ширвиндтом — балагуры, участники театральных капустников — были любимцами всех официанток, и нам был открыт доступ к кухне. Кроме нас, завсегдатаями были Всеволод Ларионов, Вячеслав Богачев, Никита Подгорный, Леня Марков — вообще все нормальные мужики.

Когда я работал в Театре Ленинского комсомола, то бывал в ресторане Дома актера каждый день, и не только в ресторане. Я приходил к Александру Моисеевичу Эскину, который был настоящим сотоварищем актеров, большим нашим другом.

Тогда в этом ресторане можно было прогулять ползарплаты — а это 60 рублей! — ну и, конечно, уж так угоститься и выпить!.. Зарплата в театре называлась День артиста, вот мы и отмечали этот день в ресторане Дома актера. Моими любимыми блюдами были биточки по-климовски (рецепт придумал актер Климов), знаменитые жульены, всякие салатики... И что характерно — почти не было отравлений! Помню, в этом ресторане каждый день встречались артисты, которых называли «стололазы». Они имели привычку подсаживаться к разным столикам. Вот так сядешь,

закажешь жульенчик, салатик, графинчик водочки — и вдруг рядом «стололаз»... Но на них никто не обижался, наоборот, от них можно было узнать самую свежую информацию о театральной жизни Москвы. Они были своего рода вечерними газетами.

Нина Буденная

С Ниной Буденной меня познакомили друзья. Посчитали, что непорядок — парень одинокий, холостой, брошен на произвол судьбы. И чтобы как-то поддержать меня на плаву, мой товарищ Виктор Суходрев, переводчик Никиты Сергеевича Хрущева, решил найти мне пару. Сам он был женат на актрисе театра Ленинского комсомола Инне Кмит и часто приходил к нам в театр. Как-то сказал мне: «Хочу познакомить тебя с одной девушкой, зовут Нина. Папа у нее — Буденный, но тебя это не должно смутить — ты уже привык к выдающимся личностям». Я начал отнекиваться. А он свое гнет: «Чудная девушка, и семья прекрасная...» И дожал — все-таки познакомил меня с Ниночкой.

Однажды он привел с собой молодую студентку Московского университета Юлию Леонидовну Хрущеву, дочку сына Никиты Сергеевича, погибшего во время войны. Она меня пригласила к себе домой на какой-то праздник. И там я увидел прелестную девушку — Нину Буденную. Она училась вместе с Юлией Хрущевой в МГУ на факультете журналистики. К моменту нашего знакомства Нина Семеновна по окончании МГУ работала в организованном тогда агентстве печати «Новости» (АПН) вместе с Галечкой (Галиной Леонидовной Брежневой). Очень любила театр, не пропускала ни одного театрального мероприятия. Мы познакомились, стали встречаться. Наши отношения развивались постепенно, шаг за шагом, пока наконец я не сделал ей предложение.

Нина привела меня в дом на улице Грановского познакомить с родителями. Если бы папа был Петр Петрович Петров, я бы, наверное, больше волновался. А ведь тут с детских лет «Буденный наш братишка...». И песни, и эпоха... И вот открывается дверь, и настоящий Семен Михайлович Буденный протягивает мне руку и как-то ласково говорит: «Ну, входи, сынок, здравствуй!» Знаменитые усы! И большая теплая рука! Он был в шелковой рубашке и военных брюках с лампасами. Удивило только одно обстоятельство. Я думал, что Буденный высокий, под два метра ростом, — таким он мне казался с портретов. А Семен Михайлович оказался коренастым человеком ростом что-то около

165 см.

Я потом читал рассекреченные документы Буденного — в них чувствовалась такая мощь, такой темперамент. А среди близких он был очень домашним и спокойным, дети его обожали.

Помню, какое впечатление на меня произвела огромная картина, висевшая в его кабинете: на переднем сиденье «Паккарда» Сталин, на заднем — Буденный и Ворошилов.

Маршал Советского Союза
С. М. БУДЕННЫЙ

В ПАМЯТИ И В СЕРДЦЕ

(Воспоминания о В. И. Ленине)

*Дорогому
и замечательному
Михаилу Михайловичу
Буденному
15.7.65.*

— Москва —

Подарок тестя — С.М. Буденного

В Театре Вахтангова когда-то шел спектакль «Олеко Дундич». Исполнитель роли Буденного, Борис Митрофанович Шухмин, жил в нашем доме. И вот я вижу Семена Михайловича «живьем». А мой отец в этом спектакле играл роль Ворошилова. (Я же

исполнял его роль в спектакле «Счастливицев-Несчастливицев».) Я почувствовал, что попал в круг легендарных героев моего детства. Семен Михайлович показал мне свою знаменитую коллекцию шашек, хранившихся на специальной стойке.

Поженились мы с Ниной через несколько месяцев после знакомства. Спустя два года у нас родилась Маша. Сначала мы с женой жили отдельно, а потом переехали к ним и много-много лет прожили под одной крышей. Там же, в этой квартире, сейчас живут мои внуки — Петр и Павел.

Женившись на Нине, я попал в какую-то невероятную жизнь, в дом, где жили герои моего детства. Выхожу во двор, а из соседнего подъезда появляется Климент Ефремович Ворошилов, которого играл мой папа в кинофильме «Сталинградская битва» и которому мальчишкой я писал письмо. Из другого подъезда выходит Рокоссовский, красавец, и спрашивает: «Как дела, сынок?» Наверху живет Родион Яковлевич Малиновский. Рядом жили маршал Тимошенко, Молотов. Это те люди, которых я видел, с кем был знаком и кто здоровался со мной за руку. Там же жила семья маршала Жукова. Я был знаком с его дочерьми Эрой и Эллой.

Впрочем, относиться к этому следовало спокойно. Так же, впрочем, как к этому относятся мои внуки. С одним из них когда-то была смешная история. Из квартиры Буденного уже после его смерти одна из зарубежных телекомпаний, английская или американская — не помню, делала репортаж. Кабинет его сохранился как при жизни. Там висят две фотографии — Ленина и Сталина. На одной написано: «Семену Буденному — Владимир Ульянов-Ленин». На другой: «Другу и соратнику, создателю Первой Конной армии Семену Михайловичу Буденному — Иосиф Сталин». И вот корреспондент, показывая на Ленина, спрашивает моего пятилетнего внука Петра: «Знаешь, кто это такой?» — «Знаю, — отвечает он. — Ленин». — «А это кто такой?» — спрашивает снова, показывая на Сталина. «А это Сталин». — «А кто такой Сталин?» — «Приятель дедушки», — ответил он.

А однажды на 9 Мая мой самый младший внук Паша (он же правнук Буденного) отправился со своей прабабушкой Марией Васильевной (вдовой С.М. Буденного) на Красную площадь, где похоронен Семен Михайлович. А в Кремль как раз приехали Клинтон, Коль, главы других государств. Охрана была предупреждена и пропустила Марью Васильевну с Пашей. Мало того, офицер, встречавший их за Мавзолеем возле могилы Буденного, проявил любезность и ласково спросил: «Ты пришел к дедушке на могилу?» — «А вы знаете, кто мой дедушка?» — спросил Паша. «Ну-ка, ну-ка, кто же?» — с улыбкой спросил

офицер. А Пашка ответил: «Мой дедушка — Михаил Державин. Это — мой прадедушка». Точное поколение.

Кстати, интересно, что со всеми своими тестями я виделся в детстве. Про Райкина я уже писал выше. А Семен Буденный тоже нередко проезжал в своей машине по Арбату. И я его прекрасно помню. Мы, дети, были очарованы его личностью, бежали за машиной и махали ему рукой. Потом сделали Новый Арбат — просторный, по которому сейчас носятся машины наших новых руководителей. Так вот, мы, дети, выходя из школы, часто видели Буденного в автомобиле и махали ему рукой. Он нам тоже в ответ всегда помахивал. А когда он стал моим тестем, я ему и рассказал: «Семен Михайлович, когда мне было лет тринадцать-четырнадцать, я выходил из школы и вам махал». На что он тут же среагировал: «Ну, вот и домахался!»

Семен Михайлович был человек с большим юмором, обожал смешное! Рассказал мне как-то такую историю. Он всегда ходил в военной форме. И вот однажды он с женой Марией Васильевной решил на премьеру сейчас уже не помню какого спектакля пойти. В общем, стало ему как-то неудобно в своей родной, разношенной до удобства форме в чертог культуры идти. Он надел гражданский костюм, галстук нацепил чуть ли не впервые в жизни. Пошли. Первое действие проскочило быстро, наступил антракт. Вышли они с женой из ложи и гуляют по фойе. А там возле буфета стоят две этакие массивные тетки, кушают пирожные, запивают лимонадом, одна из них толкает другую и громко-громко говорит: «Вот переодеть мужика в военную форму — вылитый Буденный!» Эту историю Семен Михайлович мне лично рассказал, говорил: «Я так хохотал!»

Семен Михайлович Буденный меня в основном смотрел по телевизору в «Кабачке «13 стульев», а вот моего отца, Михаила Степановича Державина, народного артиста РСФСР, довольно много видел в театре и кино, в фильмах, в которых снимался отец, в таких как «Парень из тайги», «Дело Артамоновых», «Великий перелом» (прообраз его героя генерала Муравьева — Жуков), «Глинка» (в этом фильме отец сыграл поэта Жуковского). Буденному игра отца очень нравилась, он говорил: «Папа у тебя мировой». Семен Михайлович видел его в спектакле Николая Охлопкова, в котором отец играл фельдмаршала Кутузова. Его впечатлило, что молодой актер сумел сыграть возраст, перевоплотиться в человека в годах. «Вы-то тоже молодыми были, когда революцию делали», — сказал я. «Да, относительно молодыми», — ответил Буденный. Он ведь до революции уже стал Георгиевским кавалером царской армии. Советская власть тоже не жалела для него орденов, которыми он никогда не хвалился.

Ведь Буденный — трижды Герой Советского Союза. Таких, как он, в стране значилось только трое: Покрышкин, Кожедуб и Семен Михайлович Буденный.

Эти люди были намного сложнее, чем мы о них думали. Помню, меня Анатолий Васильевич Эфрос спросил, а читал ли «Войну и мир» Буденный. Я пришел домой и робко поинтересовался: «Семен Михайлович, а вы «Войну и мир» читали?» — «Первый раз, — ответил он, — еще при жизни автора». Помню, Анатолий Васильевич весьма удивился, когда я ему передал этот ответ.

Он любил, когда я ему читал вслух: слушал в моем домашнем исполнении «Войну и мир», интересовался Солженицыным, когда «Новый мир» опубликовал «Один день Ивана Денисовича» (этот рассказ я тоже читал ему).

Ко мне относился хорошо. Смотрел передачи из Дома актера с моим участием, тогда ведь было всего два канала — Первый и Второй, и так же, как и Аркадий Исаакович Райкин, другой мой тесть, хвалил, говорил: «Молодец!» А порой замечал: «Вот, Миша, мне показалось, что сегодня вы с Ширвиндтом сыграли номер даже лучше, чем в прошлый раз!» Буденный был невероятно умным, очень начитанным и эрудированным человеком. Очень культурным — я от него ни разу в жизни не слышал никаких грубостей.

Вспоминается еще такой эпизод. Однажды меня вызвал к себе Валентин Николаевич Плучек и предложил вступить в партию.

Он так и сказал:

— Миша, ты должен вступить в партию.

— Как это? Почему я? Почему не Шурик, не Анатолий Дмитриевич Папанов?

— Ты у нас единственный русский (конечно, шутя), а потом, Папанов отказался. Понимаешь, он признался: «Валентин Николаевич, я боюсь. Я еще выпью и потеряю партийный билет».

Дома я посоветовался с Семеном Михалычем. Он сказал: «А что? Ты достойный человек, вступай. В партии ведь неплохие люди. У вас хорошая партийная организация». В то время секретарем партийной организации была Татьяна Ивановна Пельтцер. И я вступил. «По велению сердца». После меня вступили Менглет и Аросева. Они были уже тогда «народными». Как могло это отразиться на карьере? Я не строил себе никаких иллюзий. Членство в партии не позволяло лучше сыграть роль. За тебя по блату на сцене никто бы не сыграл. Это был семидесятый год. Перед нами открывались многие двери, но не потому, что мы были партийными.

Мы с ним дружили, ловили рыбу в Баковке, где он жил на

государственной даче. Семен Михайлович рассказывал мне массу историй, ведь он был знаком с колоссальным количеством людей. Он был не таким, как его представляют в анекдотах. Обладал прекрасным чувством юмора, разбирался в искусстве. Был очень спортивным. Помню, рассказывал, как в пятьдесят с чем-то лет мог пройти со второго этажа на первый на руках.

Семен Михайлович обожал своих троих детей. Позже старший Сергей стал военным. Младший Миша работал в системе Министерства внешней торговли СССР. А Нина — журналист. Пятнадцать лет проработала в Агентстве печати «Новости», а потом — в книжном издательстве.

Он — полный Георгиевский кавалер, кресты, полученные во время Первой мировой войны, хранил и носил на отдельном кителе, «не смешивая» их с советскими наградами. Преподавал верховую езду в Высшей конно-спортивной школе, которая находилась на Шпалерной улице в Ленинграде. Это та улица, по которой шел Ленин в Смольный делать революцию. А Семен Михайлович на этой улице помогал брату царя осваивать конно-спортивную выучку.

Был прекрасным наездником, знал в лошадях толк. Если бы всех подаренных ему лошадей собрать, получился бы табун. Но он их всех тут же отправлял на конный завод. Любимой лошастью Буденного был Софист — один из первых представителей буденновской породы. Он на нем принял семь парадов. И вот что интересно. Свидетели говорили, что в день, когда Семена Михайловича не стало, Софист... плакал.

Нина вспоминала, что на конном заводе начальник конной части рассказывал такую историю. В его кабинете поминали Семена Михайловича в день смерти. Вдруг слышат: по цементному полу скачет кованая лошадь между денниками. Подумали, что Софист вырвался — он стоял в одном из денников. Бросились в коридорчик ловить: никого нет, Софист на месте. Вернулись в кабинет — и снова слышат, будто конь возвращается. Кинулись — опять никого... Мистика.

Буденный рассказывал, как однажды ему на голову «села»... шаровая молния. Дело было на каких-то маневрах, шел дождь, началась гроза. Вдруг к нему подлетел огненный шар, «прокатился» вокруг околыша фуражки и... улетел. После этого голова была будто обручем сжата.

С днем рождения всегда поздравлял всех очень трогательно. Находил какие-то особые, правильные слова. Собиралось все семейство — братья и сестры с домочадцами. Общались за столом, пели песни — в том числе украинские, плясали. Очень здорово играл на гармошке. Его игрой заслушивался даже

Сталин. В память у меня остались наручные часы «Победа» на кожаном ремешке, которые Семен Михайлович подарил мне на один из дней рождения. Сейчас в магазинах полно часов разных фирм, а тогда это была редкость, мне было очень приятно.

Буденный много читал. В последние годы, когда почти ослеп на один глаз, я ему читал вслух.

Еще Нина вспоминала, как после смерти Сталина подошла к отцу, курящему у окна, и, рыдая, спросила: «Папа, как же мы теперь будем жить?» Тот помолчал немного и ответил: «Думаю, что неплохо».

В последние годы Семен Михайлович занимался больше представительской деятельностью — у него было много всяких общественных дел. В качестве родственника я ездил с ним на Спартакиаду народов СССР и другие праздники. Иногда там меня спрашивали поклонники: когда же будет следующий «Кабачок»?

Когда он умер, я, естественно, в составе всей семьи шел за его гробом в первых рядах. А похороны показывали по телевидению. И слышу, телевизионное начальство шипит: «Уберите этого актера из «Кабачка «13 стульев»! Чего он там крутится?» И вдруг ко мне подходит Брежнев, обнимает и целует меня. И я слышу: «Показывайте Державина крупнее!»

С Ниной Семеновной Буденной мы прожили восемнадцать лет, расстались в 1980 году. У нас общая дочка — Маша, внуки — Петр и Павел. Старший окончил факультет журналистики МГУ, потом продолжил учебу в Лондоне, изучал издательское дело. Второй учился в Эдинбургском университете на факультете культурологии. Самое интересное то, что дочка моя, Маруся, получилась в державинскую породу — голубоглазая блондинка. И оба внука на нас похожи. Короче говоря, я победил буденновскую породу!

Говорит Мария Золотарева — дочь Михаила Михайловича Державина:

«Одно из самых ранних моих воспоминаний о папе... Мне года четыре, папа вместе с «Дядей Андрюшей» (Андреем Мироновым) приезжают к нам на дачу в Баковке. Я просто очарована веселым, умным, добрым, элегантным «Дядей Андрюшей» и вдруг спрашиваю у него:

— Дядя Андрюша, сколько вам лет?

Он отвечает мне:

— Двадцать шесть.

И у меня вырывается сокрушенно:

— Боже мой! Какой старый!..

Я еще не очень хорошо умею считать, но уже понимаю: 26 — это какая-то огромная цифра, между нами пропасть, и этот восхитительный артист, скорей всего, мне уже не годится в женихи.

Все очень веселятся, только папе немного неловко...

Мой дедушка (Семен Михайлович Буденный) стремился воспитать своих детей и внуков очень спортивными. Поэтому в Баковке у нас жил маленький пони. Детей, которые еще «не доросли» до большой лошади, сажали на этого пони. Он был совершенно очаровательным, звали его Петушок. Обычно Петушок был на свободном выпасе, хоть порой проявлял свой коварный характер. Так, Петушок почему-то невзлюбил моего папу. Стоило папе отвернуться от Петушка на

прогулке, «утратить бдительность» — тот потихоньку подбирался сзади и... кусал. Папа поворачивается — а Петушок уже как ни в чем не бывало пасется. Мол, он здесь ни при чем. Коварный пони, что и говорить. Хотя, как знать, может, именно таким образом он проявлял свою симпатию, пытался привлечь к себе побольше внимания папы.

Когда я училась уже в старших классах, папа с мамой расстались. Конечно же, я сильно переживала их разрыв, хотя виду не показывала. Наоборот, говорила, что если каждому из них будет хорошо, то и мне будет хорошо и спокойно.

Развод родителей прошел очень тихо, без сцен, цивилизованно. Потом папа все время меня навещал, приезжал к нам и с Роксаной. Так что я ни минуты не чувствовала себя «безотцовщиной».

Папа — очень светлый, бесконфликтный человек (об этом говорят все), но при этом очень «упертый». И я, и Роксана сколько угодно можем прививать ему вкус к правильному питанию, овощным диетам и так далее, он будет радостно кивать, но делать все по-своему.

В молодости папа много играл в футбол и хоккей, в итоге сдружился со многими футболистами и хоккеистами наших сборных. Особенно хоккеисты частенько бывали у нас дома. И меня, девчонку, приучил носиться вместе с ним на ледяных площадках. Я выросла, у меня росла нога — и каждый год мне покупались (через нашу сборную) настоящие канадские коньки. Я же все детство просила купить мне коньки для фигурного катания!

— Зачем тебе? — не понимал папа. — У тебя роскошные канадские коньки!

И я, с восхищением и завистью глядя на девочек, порхающих в фигурных коньках по катку, продолжала играть с пацанами и папой в хоккей на соседней площадке. Ведь у меня были роскошные хоккейные коньки и не менее шикарная клюшка! Приходилось отрабатывать эти дары судьбы. Но без хвастовства скажу — я была так натренирована папой, что играла наравне с мальчишками, даже лучше многих.

Михаил Державин с дочкой Машей на катке

Иногда давала свои коньки и клюшку знакомым мальчишкам... А сама продолжала мечтать о коньках для фигурного катания.

Наконец, когда у меня родился первый сын и папа спросил:

— Что тебе подарить? По случаю такого праздника проси что хочешь!

Я, не задумываясь ни секунды, выпалила:

— Фигурные коньки!

Папа долго кривился, но Роксана сказала:

— Миша! Купи ребенку коньки! Купи!

И в итоге он принес мне долгожданную коробку. Открываю ее — там лежат черные (чтобы неяркие были по папиному разумению) ботинки с коньками, на которых были папой спилены вручную нижние зубчики.

— Это я спилил, чтобы тебе было удобнее играть в хоккей, — гордо объявил он мне.

А еще он мне привил безумную любовь к рыбалке. Последний раз я была с папой на рыбалке, когда у меня должен был родиться второй сын. Совершенно райская история — мы с папой на озере в рассветной тишине ловим рыбу. Покачиваются поплавки, начинают распеваться птицы... И мой будущий сыночек, папин внук, все это чувствует, слушает...

С одной из папных рыбалок в годы моего детства связана одна веселая история, о которой мало кто знает.

Папа как-то купил тяжеленную резиновую лодку и решил вместе с друзьями — Шурой Ширвиндтом и Андреем Мироновым — ее испытать. Велели маме отвезти их (вместе с лодкой) на машине подальше от дома мельника в Плескове и высадить на берегу Пахры. Оттуда они должны были добраться на лодке обратно, до дома, пройдя вниз по течению километров десять. Вначале шло все по плану: мама высадила их у реки, за десять километров от мельницы — там, где дорога подходила ближе к речке, и уехала.

Папа, дядя Шура и дядя Андрей спустили лодку на воду — вот тут-то и начались неожиданности. В-первых, выяснилось, что река течет в другую сторону. Во-вторых, на их пути оказались сплошные пороги, отмели, поросшие осокой и камышом островки и бурелом, сползающий на воду с берегов. По предварительному плану рыбаки должны были вернуться к мельнице за полчаса, но вот проходит час, другой и третий, а их все нет и нет!.. Мама возвращается с работы, а наших славных путешественников нет на горизонте! Солнышко уже закатывается...

Оказывается, все десять километров папа, дядя Шура и дядя Андрей несли эту тяжеленную лодку на себе. Они появились, запыленные, чумазы, валясь с ног от усталости, только в сумерках.

Уж не тогда ли зародилась в головах этой компании идея снять фильм «Трое в лодке» и сыграть в нем главные роли. Ситуация была практически по Джерому К. Джерому.

Так это было

Александр Анатольевич и Михал Михалыч перед отплытием

А еще одним из самых больших праздников детства для меня было пойти с папой в кафе-мороженое. На улице Горького было два роскошных кафе-мороженого — «Космос» и «Север». Подозреваю, что папа часто меня туда водил, потому что сам втайне обожал мороженое. А мороженое было тогда изумительное, такого сегодня нигде не найдешь.

Мы с папой созваниваемся каждый день, стараюсь навещать его почаще. Его характер, его свет, умиротворенность и сегодня абсолютно те же. Самое страшное его ругательство (с времен моего детства) звучит так: «Да ну его в болото!..» Кто-то сказал: воистину, страшен гнев человека, который гневается раз в году. Если папа, человек, который гневался раз в десять лет, говорил: «Да ну его в болото», мы с мамой цепенели, сердце уходило в пятки, это было сродни впечатлению от землетрясения. Но это было крайне редко и очень непродолжительно. Буквально несколько минут — и снова «мир и во человецех благоволение», доброта, легкость, любовь ко всему, что вокруг...»

Михал Михалыч в той самой лодке...

На Малой Бронной

Жаль, Эфрос проработал в Ленкоме недолго. Репертуарная политика Анатолия Васильевича, с точки зрения министерства культуры и горкома партии, не соответствовала названию театра — Ленинского комсомола. Театральный критик Анатолий Смелянский считал, что увольнение с поста художественного руководителя театра имени Ленинского комсомола было счастьем для Эфроса: оно избавило режиссера от той ответственности перед властью, которую предполагало любое

официальное положение. «Он не должен был, — писал критик, — играть роль первого советского режиссера и подписывать письма против Солженицына, как это делал Товстоногов. Он не должен был соответствовать образу официально утвержденного диссидента, который навязали Любимову. Он мог не ставить спектаклей к революционным и партийным датам, как Ефремов. Им, в сущности, пренебрегли и оставили только одну возможность — заниматься искусством».

В 1967 году Эфроса сняли и перевели в Театр на Малой Бронной очередным режиссером (главным в то время был Андрей Гончаров), разрешив взять с собой любых актеров. Он взял нескольких человек, в число которых попал и я. На Малой Бронной вместе со мной работали Лев Дуров, Валентин Гафт, Николай Волков, Ольга Яковлева, Леонид Бронево́й, Александр Ширвиндт, Лев Круглый, Алексей Петренко, Олег Даль, Елена Коренева, Станислав Любшин, Геннадий Сайфулин, Георгий Мартынюк и Леонид Каневский. Для многих из нас годы работы с Эфросом стали по-настоящему звездными. «Актеры, игравшие в спектаклях Эфроса, — отмечала впоследствии театральная критика, — оставили в истории театра свой след, свою уникальную интонацию и неповторимый стиль».

В театре Эфроса, по выражению одного из критиков, «выкристаллизовалась свободная режиссерская манера, в основе которой лежал точный разбор «изогнутой проволоочки» психологического состояния героев». Актеры его театра как будто бы не хотели ничего играть, боясь впасть в представление, в ложное правдоподобие. Им хотелось добиться на сцене простоты и естественности жизни, сохранив всю ее сложность и многоплановость.

Однако первый же поставленный Эфросом на Малой Бронной спектакль, «Три сестры», подвергся критике и был запрещен. После запрета другого спектакля — «Обольститель Колобашкин» по пьесе Эдварда Радзинского — некоторые актеры дрогнули и покинули опального режиссера.

В книге «Профессия: режиссер» Эфрос писал: «Иногда люди не понимают природу театра. Они сердятся, когда театр самостоятельно мыслит, имея дело с классическим произведением. Впрочем, по виду они спорят, конечно, не с самой идеей самостоятельности, а с тем, что в том или ином спектакле, по их мнению, классика искажена. Но при этом люди невольно выдвигают свое понимание, которое нередко бывает просто традиционным, привычным. Такая привычность легче прячется за словами, чем когда ей приходится предстать на сцене. Пишущим статьи об искусстве кажется иногда, что они знают истину, а

театр ее не знает. Конечно, бывает и так, но плохо, когда при осуждении того или иного спектакля как бы незаметно просачивается мысль, что театр должен сделать только то, что уже известно критикам. Их собственные убеждения бывают им дороже, чем искренняя попытка понять и почувствовать чужое творчество».

Театр сатиры

Андрей Миронов пытался перетащить меня и Шуру в Театр сатиры: «Давайте вместе работать, Плучек вас очень любит». Я, может быть, более мягкий человек, чем Шурка, но на серьезные поступки решался первым. Первым и перешел в 1968 году к Плучеку. И Ширвиндт недолго маялся — последовал за мной. В «Сатире» нас приняли великолепно, прижились мы быстро.

Начинал со спектакля «Банкет». Я в нем играл главную роль — директора дворца бракосочетаний Елисеева, в учреждении которого ничего не делали, а только банкетировали. Но поскольку спектакль вышел в годовщину советской власти, кто-то усмотрел в нем намек на этот юбилей. Поэтому он прошел всего несколько раз, потом его сняли, хотя это была очень интересная постановка, там играли блестящие артисты: Анатолий Папанов, Георгий Менглет, Спартак Мишулин. Ну а постановщиком был наш общий друг, в то время режиссер нашего театра молодой Марк Захаров. Ах, какая была атмосфера, когда мы репетировали!

Вот список только заметных и интересных моих ролей в театре:

- Велосипедкин («Баня» В. Маяковского, 1970);
- Медведь («Обыкновенное чудо» Е. Шварца, 1971);
- Бобчинский («Ревизор» Н. Гоголя, 1972);
- Дирижер жёковского хора («Маленькие комедии большого дома» А. Арканова и Г. Горина, 1973);
- Красная кепка («Ремонт» М. Рощина, 1975);
- Скалозуб («Горе от ума» А. Грибоедова, 1976);
- Тартюф (в одноименной пьесе Ж.Б. Мольера, 1977);
- Иванов («Феномены» Гр. Горина. 1979);
- Браун («Трехгрошовая опера» Б. Брехта, 1980);
- Телятев («Бешеные деньги» А. Островского, 1981);
- Семенов («Мы, нижеподписавшиеся...» А. Гельмана, 1982);
- Виктор Викторович («Самоубийца» Н. Эрдмана, 1982);

Епиходов («Вишневый сад» А. Чехова, 1983);

Николай Буркини («Прощай, конференсье!» Гр. Горина, 1984);

Роберт Макнамара («Бремя решения» Ф. Бурлацкого, 1985);

Ответственный член Особой комиссии («Рыжая кобыла с колокольчиком» И. Друцэ, 1986);

Цукерман («Поле битвы после победы принадлежит мародерам» Э.С. Радзинского, 1995);

Счастливец («Счастливец — Несчастливец» Гр. Горина, 1997);

Американец («Привет от Цюрупы!», 1999);

Мартын Нароков («Таланты и поклонники» А. Островского, 2002);

Михаил Державин в спектакле «Обыкновенное чудо» (1971) в роли Медведя

С Татьяной Васильевой в спектакле «Обыкновенное чудо»
(1971)

Генерал Пуркрабек («Швейк, или Гимн идиотизму»
по Я. Гашеку, 2004);

Маштю («Орнифль» Ж. Ануя, 2001);
в спектакле «Андрюша» (спектакль-обозрение,
посвященное Андрею Миронову, 2001);
в спектакле «Нам все еще смешно» (ревю,
посвященное 80-летию юбилею театра, 2004).

Пьесу «Счастливец — Несчастливец» мы вместе с Григорием Гориным и Александром Ширвиндтом придумывали года полтора. Горин сидел с нами, а мы ему рассказывали, что бы нам хотелось сделать. Так это все и рождалось. Пьеса о двух актерах с подзаголовком «Театральные безумства».

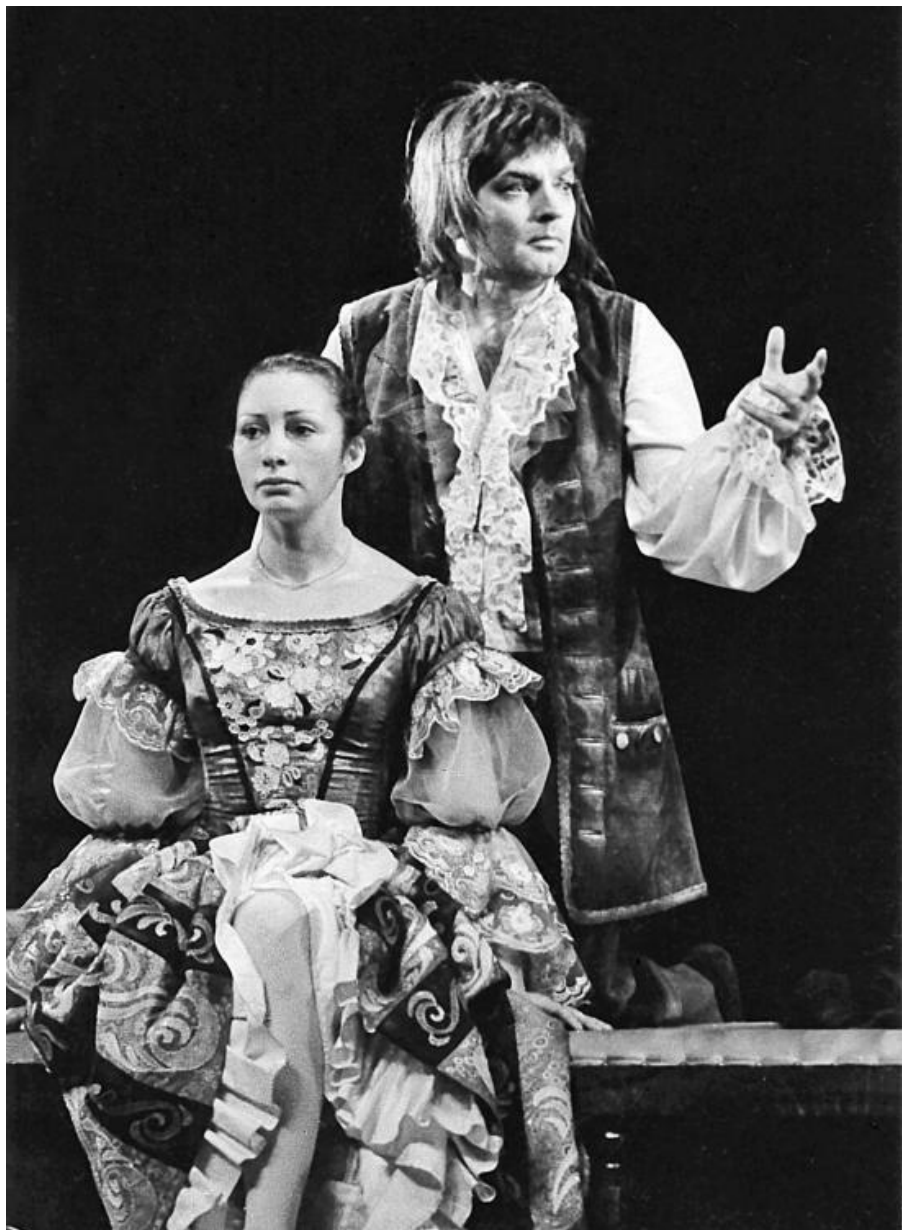

В спектакле «Последний парад» (1968)

Ее герои вроде бы и мы — Державин и Ширвиндт, а вроде бы и не мы... В результате Гриша придумал очень интересный ход. А именно — якобы мы с Ширвиндтом репетируем на сцене пьесу Островского «Лес».

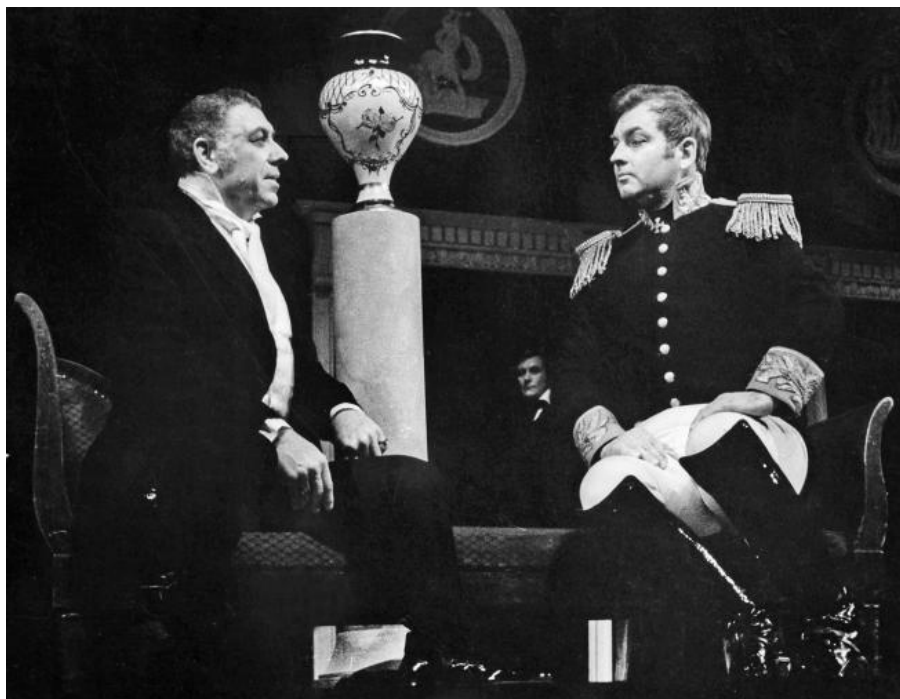

С Татьяной Васильевой в спектакле «Обыкновенное чудо»
(1971)

С Татьяной Васильевой в спектакле «Тартюф, или Обманщик» (1977)

И вот на фоне этой пьесы сама жизнь вторгается в театр. Тут-то и начинается фантасмагория. По ходу действия мы выезжаем на гастроли в некий город Нижегородск, где представляем свою концертную программу. Там мы играем Дон-Жуана и Лепорелло, Дон Кихота и Санчо Пансу, Ноздрева и Чичикова, Счастливецва и Несчастливцева...

С Анатолием Папановым в спектакле «Горе от ума» (1976)

Вспоминаем своего друга Андрюшу Миронова, который проходит здесь главным «небесным фоном»... А в целом это все — кусок нашей жизни, рассказанной за два часа. И, надо сказать, зрители воспринимают его с колоссальным энтузиазмом. Молодая критика, прямо скажу, была слегка ошарашена. Зато очень порадовала высокая оценка такого знающего мастера, как Станислав Рассадин. Поставить этот спектакль мы предложили прекрасному режиссеру Сергею Арцибашеву из Театра на Покровке. Художник — легендарный Эдуард Кочергин из питерского БДТ.

Так что, как видите, силы собрались немалые. Но и результат налицо. Зрители и плачут, и смеются, как бы заглядывая за кулисы нашей души...

После ухода из жизни Валентина Николаевича Плучека я был в той группе, которая активно поддерживала кандидатуру Александра Анатольевича на пост художественного руководителя театра. А почему нет? Шура не только много лет проработал в театре, но и, будучи профессором Театрального института имени Щукина, поставил как режиссер множество интересных спектаклей. И под его началом я служу с удовольствием. Как

человек дисциплинированный, на работе отбрасываю нашу дружбу с детских лет и делаю вид, что я лишь сослуживец — артист, член худсовета.

С Андреем Мироновым на сцене Театра сатиры (1975)

Шура очень бдителен, у него превалирует уважение к сцене. Он никогда не теряет серьеза, считая, что самое главное — донести до зрителя смысл. Специально я его никогда не разыгрывал, если только так, вскользь, предельно деликатно. Его неинтересно разыгрывать, потому что едва затеешь что-то, он сразу напускает строгий вид.

С Андреем Мироновым в спектакле «Трехгрошовая опера» (1980)

А вот Андрюшку Миронова раскалывать было одно удовольствие! Он всегда был жертвой розыгрышей, и все мы смешили его много раз. В «Трехгрошовой опере» Миронов играл главную роль. В финале спектакля, когда его персонажа должны казнить, следует объявление: «Сюда сейчас примчится вестник короля!» И на сцену выхожу я — начальник лондонской полиции — с сообщением об освобождении, начинающимся словами: «По велению короля его не будут вешать...» Каждый раз я что-то придумывал, чтобы рассмешить Андрея. Перед тем как спектакль должны были снять с репертуара, подготовился особенно тщательно. Поскольку Андрюша давно привык к моим штучкам на сцене, я решил устроить хохму из-за кулис. Взял из детского спектакля деревянную лошадку, сел на нее и, когда глашатай провозгласил: «Сюда сейчас примчится вестник короля!» — показался Андрюшке в кулисе верхом на этой коняшке. Что с ним было, когда он увидел меня! Давясь от смеха, едва успел отвернуться от зрителей, чтобы прийти в себя, и прошипел мне: «Сволочь...» Потом делился впечатлением: «Я решил, что ты так поскачешь на сцену, и как представил себе это!» Но это было бы уже слишком. Андрей часто говорил мне: «Знаешь, что меня больше всего смешит? То, как ты трудишься над своими розыгрышами. Приходишь на полтора часа раньше положенного

времени, разыскиваешь реквизит, грим, таишься, чтобы никто не видел... Я смеюсь над самой ситуацией».

С главным режиссером Театра сатиры Плучеком, О. Аросевой и А. Ширвиндтом

М. Державин и Т. Васильева в спектакле «Тартюф, или Обманщик» (1981)

Спектакль «Феномены» (1979) по пьесе Григория Горина

А я и правда готовился к розыгрышам старательно. Например, в спектакле «У времени в плену», который мы сыграли больше ста раз, я каждый раз (!) втихаря делал себе новый грим или находил какую-то особенную деталь костюма. То усы смешные наклеивал, то уши делал громадные, то нос с картофелину, то ноготь длиннющий прилаживал, то пуговицы на моем мундире вдруг отрывались и разлетались в стороны... В общем, Андрей постоянно ждал от меня очередной примочки.

Спектакль «Мы, нижеподписавшиеся» (1979)

Он играл в спектакле Всеволода Вишневского, а я белого офицера, который проверяет, действительно ли писатель белогвардеец, а не руководитель коммунистического восстания. Перед последним спектаклем Андрюша попросил: «Минь, давай сегодня без штучек...» — «Хорошо, конечно...» Но он специально пришел за кулисы, чтобы посмотреть на меня — проверить, все ли в порядке. Осмотрел с ног до головы. Все нормально — я в костюме: шинель царского офицера, на голове фуражка. Успокоенный, Миронов отправился на второй акт. А на меня уже заработал гримерный цех — в три секунды мне наклеивают заранее приготовленный парик: лысый, да еще с внушительной шишкой. Совершенно дикая лысина из какого-то детского спектакля. И перед моим выходом весь театр собирается за кулисами — смотреть, что будет...

Спектакль «Феномены» (1979)

С Андреем Мироновым в спектакле «Ремонт» (1975)

И вот я выхожу на сцену. У Андрюши грустные глаза — все-таки играем последний спектакль. Я крайне серьезно произношу свой текст: «А теперь рапорт юнкера Павловского полка...» — как и положено по роли, ставлю ногу на табуретку и, пристально глядя на Андрюшку, снимаю фуражку, вытираю лоб и надеваю ее обратно. Все, ничего больше... Он буквально захлебнулся от хохота, истерика началась, дальше говорить не мог. А коллеги ржут за кулисами... После спектакля Андрюшка все никак не мог

успокоиться: «Что ж ты творишь, гад?! Ведь на тебя весь театр работает, и я каждый раз думаю, что же ты, мерзавец, опять учудишь...»

Да, это были необыкновенные люди — и Андрей Миронов, и Анатолий Папанов. Целая эпоха. Столько ролей мы вместе сыграли! Папанов был грандиозным артистом. И человеком. Немыслимо обаятельным, очень наблюдательным, нетрусливым, умеющим точно и остроумно ответить на любую реплику. Например, был такой случай. Валентин Николаевич Плучек улетел в Лондон на юбилей своего двоюродного брата — знаменитого английского режиссера театра и кино Питера Брука. В этот период Плучек ставил с нами спектакль «Вишневый сад», в котором были заняты все, как он называл, первачи: Папанов, Миронов, Аросева... Я играл Епиходова. И вот, вернувшись через несколько дней из Англии, художественный руководитель и главный режиссер театра пришел на репетицию и говорит: «Ну покажите, что вы здесь наработали...» Мы показали. И он вдруг вскипел и давай нас ругать последними словами: «Да это же совсем не то! Что за безобразие?!» — и так далее по нарастающей. Неожиданно его гневный поток прервал Папанов. «Валентин Николаевич, — заявил он, — нам бы тоже хотелось поработать с Питером Бруком, чтобы набраться мастерства, но мы-то вынуждены работать с его братом, да и то с двоюродным...» Повисла пауза. К счастью, с чувством юмора у Плучека было все в порядке, и он захохотал. Отсмеявшись, сказал: «Нет, ребята, с вами невозможно. Продолжайте репетицию...»

О Миронове

Я познакомился с Андрюшей, когда он, став студентом нашего училища, образовался у нас в компании. Казалось бы, младше меня на пять лет, но и я, и все мы относились к нему как к младшему брату. По устоявшейся традиции он помогал нам, старшекурсникам: таскал декорации к спектаклям, занавес открывал, в массовках участвовал... А вот ведь как вышло: годы спустя именно Андрей переманил нас с Ширвиндтом в Театр сатиры, где мы служим до сих пор.

Андрюша крайне серьезно подходил к творчеству, хотя играл веселые, комичные роли. Говорил: «Отношение к актерской работе как к приятному времяпрепровождению может быть только по недоразумению». Каждый эпизод в кино, каждую сцену в театре, каждый номер на эстраде он репетировал тысячи раз, доводя до филигранности, до совершенства.

С Андреем Мироновым на пути в Ригу

Долгие годы Андрей страдал от жестокого заболевания — фурункулеза. На теле образовывались жуткие фурункулы, которые мучили его болями, гноились, лопались. Приходилось то и дело менять рубашки, за один концерт он переодевался несколько раз... Водолазки с воротом, закрывающим шею, в которых все привыкли его видеть, — лишь маскировка заболевания. Андрей не мог допустить, чтобы зрители узнали о его проблеме. Допустим, на спектакле «Ревизор» всегда были овации, особенно в том месте, где Хлестаков падает со стола на руки Бобчинского и Добчинского (мы с Ширвиндтом). Каждый раз мы договаривались, с какой стороны ловить Андрея — как ему будет менее болезненно. Перед спектаклем он просил: «Сегодня давайте на правый бок упаду». Много раз мы предлагали отменить эту мизансцену, но он категорически отказывался: «Ни в коем случае, это же так эффектно!» Уникальный человек — мужественный, терпеливый, никогда не жаловался...

При этом он был очень остроумный. Помню премьеру «Вишневого сада», где я играл Епиходова. Она состоялась на Малой сцене Театра сатиры, а там нет кулис. Пьеса, как известно, заканчивается словами Фирса: «А человека-то забыли...» В нашем спектакле он, по замыслу Валентина Плучека, после этих слов умирает. Играл его Георгий Менглет. Дальше — поклоны. Первым

кланяется Андрей Миронов, исполнявший роль Лопехина, за ним — мы. Не видя, умер уже Фирс или еще нет, Андрюша, выдержав небольшую паузу, стремительно выходит на поклон и... так же стремительно возвращается со словами: «Рано вышел, Фирс еще агонизирует...»

В том же «Вишневом саде» в одной из сцен Лопехин говорит Епиходову: «Что у тебя сапоги так скрипят?» Но как сделать, чтобы они действительно закрипели? Я купил детские резиновые игрушки, заложил их в брюки и нажимал, чтобы они пищали. Когда отыграли сцену, Андрюша обратился ко мне с пафосом: «Патологический неуспех!» Зрители не восприняли моей тонкой придумки и никак на нее не отреагировали.

С Андреем Мироновым и Александром Ширвиндтом в спектакле «Ревизор» (1972)

А как же весело мы снимались в фильме «Трое в лодке, не считая собаки»! Основные съемки — на реке Неман. Нас троих загружали в лодку и, чтобы не гонять туда-сюда, на весь день отправляли на середину речки. Между нами и съемочной

группой, которая оставалась на берегу, курсировали дежурные водолазы. Мы обустроивались с комфортом: протаскивали с собой закусочку, выпивку и в перерывах потчевали себя. С берега иногда через мегафон доносился голос: «Что вы там делаете?!» Мы кричали в ответ: «Репетируем». Разумеется, выпивки не хватало, и мы посылали одного из водолазов, в котором были точно уверены: не наступит, не ляпнет сдуру, что, мол, ребята там пьют.

Друзья, соратники, сотворцы — Ширвиндт, Миронов, Державин

Андрей был человеком очень деликатным и ранимым. Проявления звездности — гонор, осознание собственной значимости — в нем отсутствовали напрочь. Просто он очень любил жизнь и жил на полную катушку. Когда его не стало, я точно понял: он спешил жить. Однажды Андрей сказал: «Надо особенно ценить мгновения счастья и радости — они делают людей добрыми». Он ценил. Потому и был добрым.

О Высоцком

В 1968 году в спектакле Театра сатиры «Последний парад» прозвучали песни Высоцкого. Премьера спектакля состоялась уже после разгромных статей против него в центральной прессе.

Мы все любили Володю, Валентин Николаевич Плучек в том числе. Он сделал такую акцию — взял и пригласил Высоцкого в спектакль по пьесе Александра Петровича Штейна.

В «Последнем параде» Анатолий Дмитриевич Папанов, Роман Ткачук и я играли трех героев. Папанов был в главной роли, Ткачук играл механика, а я — журналиста по фамилии Марич.

Там мы втроем пели песню про зарядку: «Вдох глубокий, руки шире. Не спешите — три-четыре...» А потом я один пел песню «На север вылетаю из Одессы». Там у Володи была строка про стюардессу — «доступная, как весь гражданский флот». Люди из Главреперткома попросили «доступная» заменить на «надежная». Володя был на премьере и на банкете. Там он мне сказал по поводу этой песни: «Мишка, поешь лучше, чем я!» Отвесил мне такой комплимент...

Мы ехали с ним по одной трассе по Минскому шоссе. Он едет на шикарном новом автомобиле заграничном, а я — на «Жигулях». Он мимо меня проезжает, притормаживает, говорит: «Мишаня, ну как?» Я говорю: «Прекрасно, Володя! Хорошо выглядишь». Помню еще встречу на даче во Внуково. Я привез Ольгу Александровну Аросеву, у нее дача там, во Внуково. И, помню, из-за заборчика выходит Володя с белокурой девушкой в простеньком платице и говорит: «Миша, познакомься, это — Марина».

У него был очень могучий голос. Роста он был небольшого — мне по плечо, а я чуть выше среднего роста, — но от него исходила такая сила! У него была такая мужицкая основа, и это действовало очень на зал. Это все, разумеется, помимо того, что он был необыкновенно талантливым человеком, суперталантливейшим.

Его, конечно, не хватает сейчас... Я даже не знаю, как его назвать. «Бард» — это какое-то нехорошее, неподходящее слово. Это штамп уже просто стал. Он был талантливый поэт — вот это главное!

«Театральные работы М.М. Державина менее известны для широкой публики, за исключением московских зрителей. Удивительная вещь: про М.М. Державина можно абсолютно точно говорить как про артиста ТВ и эстрады, но на самом деле он абсолютно театральный артист. Именно театр выявил в нем очень редкое в современных актерах качество — трагикомичность — это свойство его таланта, которое очень ярко проявилось в спектакле «Прощай, конферансье». М.М. Державин умеет очень незатейливо, казалось бы, скупыми средствами показать трагизм ситуации: у него как-то сразу опускаются руки, возникает какая-то обреченность образа, но на лице остается улыбка, дающая возможность мне, зрителю, поверить во что-то хорошее и уйти из театра с верой в жизнь. Не зря М.М. Державин прошел вахтанговскую школу. Радость, праздник, театральное буйство сродни его сценической органике.

Воистину главное в учебной подготовке артиста — не задавить его индивидуальность, помочь раскрыть только ему свойственные особенности дарования. Вместе с М.М. Державиным учились и В. Ливанов, и Э. Зорин, и В. Шалевич. Чуть раньше А. Ширвиндт, позже А. Миронов, Л. Максакова. Этот славный список можно продолжать, хотя уже совершенно понятно, насколько училище готовило разноплановых артистов, искусство которых было востребовано в различных театрах страны.

Кинематограф также не остался в стороне. Но есть в психофизике актеров свойства, которые дают возможность назвать их театральными актерами. Их сущность такова, что им необходим партнер, развитие сюжета, когда эмоции расходятся по возрастающей, когда все должно вести зрителя к кульминации. Я абсолютно убежден, что есть исключительно актеры кино и театра. Среди последних стоит назвать Т. Доронину, Ю. Борисову, А. Фрейндлих. Из ушедших — А. Тарасову, Б. Ливанова, М. Царева. И это при том, что у всех у них были прекрасные работы в кино и кинематографический успех у зрителя, но все же те, кто имел счастье быть в зрительном зале и видеть, как они жили и живут на сцене, думаю, согласятся со мной.

Порой думаешь — нужна ли одаренному человеку

школа. Играй и радуй. Считаю, что нужна. Только образование дает артисту умение, ощущение роли, погружение в нее. Только школа дает актеру жест, психологически точный и достоверный, возможность держать паузу, взятую в нужное время. А. Демидова, поздравляя А. Фрейндлих с юбилеем в Доме актера, коснувшись удивительных сторон творчества юбиляра, сказала: «Для актера самое главное жест». Казалось бы, на первый взгляд, странное утверждение мне кажется очень точным, ибо именно тогда выстраивается эмоциональное взаимодействие и зритель находится под высоким гипнотическим влиянием актера, вникает в его переживания, любит, оправдывает не всегда правильное поведение героя и в итоге принимает его таким, каким видели его создатели. Тогда рождается чудо: предлагаемые обстоятельства становятся жизненно оправданы.

Впитав в себя все лучшее, что дало Театральное училище им. Щукина, М.М. Державин стал поразительным партнером, тонким, чутким, умеющим слушать, умеющим показать очень хорошие стороны актера, который занят с ним в сцене. Он всегда до конца отыгрывает роль. Даже если на несколько минут появляется в спектакле, как это было в «Поле битвы принадлежит мародерам» Э. Радзинского. Полагаю, что в этом спектакле М. Державин практически спасает очень рыхлое второе действие. Создается впечатление, что ни автор пьесы, ни постановщик спектакля не очень понимают, что должно происходить на сцене во втором действии! Но появление М.М. Державина вносит нужную, как мне кажется, интонацию и создает ту особую атмосферу, в которой последняя фраза героини не становится вульгарной и бранной, а абсолютно точной в данной ситуации. Странно, что никто из критиков, так много писавших об этой постановке, не обратил на это внимание.

М. Державин по своим физическим данным и дарованию — явный герой, премьер. Но он из тех артистов, для которых время присутствия на сцене не определяет степень важности вклада в спектакль в целом.

Когда думаешь о его судьбе, то поражаешься тому, насколько она насыщена трудностями, преодолениями, удачами, яркими встречами, но в немалой степени и

везением! Полагаю, что, когда Михаил Державин окончил училище, его единственным желанием был Театр Вахтангова (тогда все стремились туда). Не взяли. Для молодого талантливое выпускника это очень весомая причина для расстройств, а если этот театр твой дом, где ты знаешь всех, где тебе хорошо, то просто трагедия. Но тут приходит Удача. Приглашают в театр «Ленком». Сам факт малорадостный, ибо тогда этот театр не блистал постановками, несмотря на ряд замечательных актеров. Но, оказавшись там, М. Державин вскоре стал играть в постановках А. Эфроса, который был приглашен туда главным режиссером. А это уже не просто удача, а настоящее актерское счастье. Видимо, М. Державин был интересен Мастеру, ибо когда А. Эфрос пришел на М. Бронную, он забрал М. Державина с собой. А это дорогого стоит!

И таких примеров можно привести много. Может быть, поэтому уже потом, став мастером, М. Державин исповедовал в раскрытии образов сочную многокрасочность. Даже играя отпетых мошенников, преступников, негодяев, у него найдутся обязательно краски и для размышления, растерянности, внутренней борьбы в поведении своего героя. Поэтому его работы неоднозначны. Однако актер дает зрителю возможность поразмышлять и что-то понять, словом, прожить некоторое время в тех эмоциях, с которыми зритель покидает театр. Мне очень импонирует эта черта его дарования. Только тогда пауза становится значимой, жест отточенным, тогда и партнеры подтягиваются, и рождается чудо, которое называется Театр.

В лучших своих театральных работах М. Державин показывает эти свойства своего дарования («Прощай, конферансье», «Тартюф», «Бешеные деньги», «Самоубийца»). Я помню удивительный спектакль «Тартюф» в постановке А. Витеза. Его дуэт с Т. Васильевой невозможно забыть. От игры М. Державина, тогда совсем еще молодого артиста, у меня было потрясение. Он был настолько обаятелен, настолько увлекал зрителя, что даже возникала досада на себя, что позволил на какое-то время забыть, ибо помыслы героя спектакля были совершенно недостойные, но потом приходило чувство восхищения работой артиста и, как бывает, благодарность за пережитое.

Может сложиться обманчивое впечатление, что

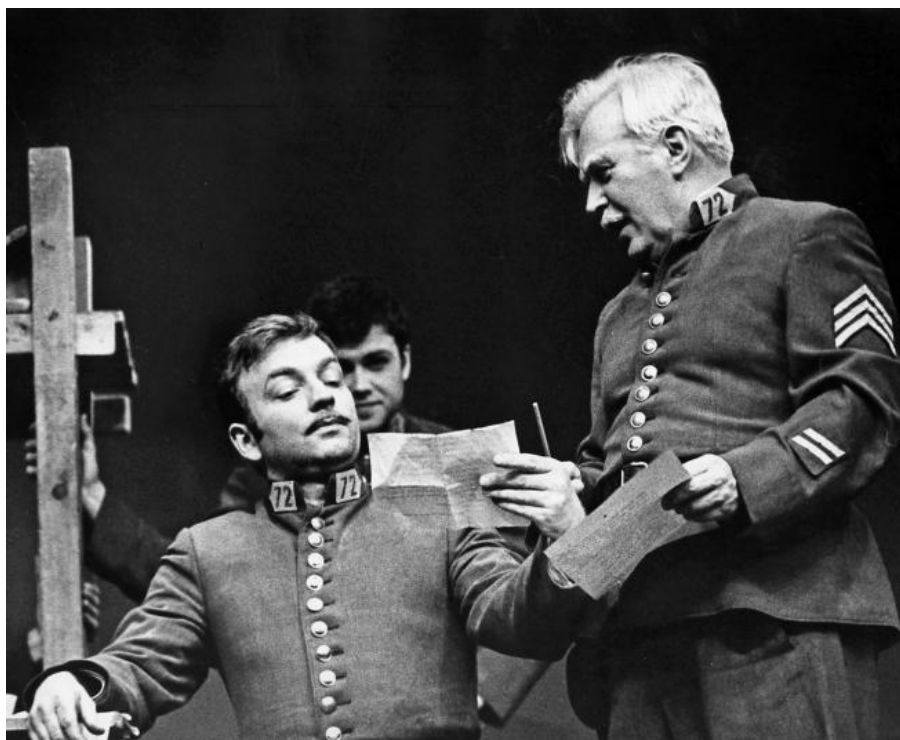
М.М. Державину легко и весело как в жизни, так и в творчестве. Однако близкие к нему люди знают, насколько часто он бывает недоволен собой, какие муки переживает после спектакля, если что-то сделал не так. Вот эта крайне редкая черта трепетного отношения к театру, к делу у М.М. Державина проявляется с особой остротой!

В то же время Михаил Михайлович умеет радоваться успехам коллег. Я помню, как восторженно он рассказывал о спектакле «Укрошение строптивой», как расхваливал работу молодой актрисы. Его интересно слушать, он превосходный рассказчик. Его устные зарисовки портретов Ц.Л. Мансуровой, Н.К. Симонова, Ю.К. Борисовой, О.А. Аросевой всегда неожиданны, точны, восторженно патетичны. И, слушая, думаешь: «Господи, как жаль, что это слышу только я. Ведь это готовые телевизионные передачи!»

Редко рождаются актеры, способные совладать, понять и донести одинаково точно как русскую, так и зарубежную классику. М.М. Державин в их числе. На его творческом пути встречались разные очень крупные, знаменитые режиссеры: А.И. Эфрос, В.Н. Плучек, М.А. Захаров. Он много играл в их спектаклях. Играл, как всегда, честно и высокопрофессионально. Но, к сожалению, М.М. Державин не встретил своего режиссера, который работал бы для него. Как это было у актеров, которых заметили великие К.С. Станиславский, Е.Б. Вахтангов, А.Г. Товстоногов. Поэтому мы не увидели державинского Петруччо, Обломова, Городничего. Я просто вижу, как бы ярко он сыграл Барона. Он непременно заблистал бы в пьесах Н. Саймона, Т. Уильямса, Б. Шоу.

Однажды я видел, как Державин выступает в концерте перед праздною, сытою и, как мне показалось, мало интересующейся театром публикой. От него ждали баек, однако он вдруг решил не смешить, а прочесть монолог из пьесы Г. Горина «Прощай, конферансье». Монолог сложный, о войне, о мире, о стойкости человека перед лицом смерти, о том, что никогда, ни при каких условиях нельзя забывать, кто ты есть на этой земле. Я просто вжался в кресло, понимая, как трудно сейчас артисту. Но М. Державин начал с такой высокой человечески трогательной интонации говорить о событиях, о которых, наверное, просто нельзя говорить

иначе, что зрительный зал притих, а сидевшая рядом со мной дама вытащила из сумочки носовой платок. А на сцене, как я уже говорил, властвовал большой артист, заставляя нас из глубин подсознания, из анналов памяти извлекать именно те впечатления и ассоциации, которые и должны быть при произнесении слова «война». Успех был оглушительный. И как-то изменился, притих, стал более чутким, более трепетным зал. Была задана высокая нота всему концерту, и как-то стало неловко гримасничать и пошлить на сцене, а я сидел и думал: «Вот он, пример яркого актерского дарования». Конечно, всегда жаль, когда большой артист не играет разнообразный репертуар. Но, с другой стороны, к великому сожалению, это обычно и есть то, что роднит больших артистов. Разве реализовались Б. Ливанов, М. Янишин, А. Грибов, Н. Мордвинов, Н. Черкасов, А. Гриценко? Этот список можно продолжать и продолжать. Как-то удивительная Р. Зеленая сказала мне: «Если выпадает на нашу жизнь две хорошие работы, то можно считать судьбу состоявшейся».

Сцена в спектакле «Интервенция» (1967)

Наверное, артист должен в своей жизни пережить

определенные моменты, пройти через трудности, искать решения и обязательно находить их, тогда роль в исполнении такого артиста, даже и не очень хорошо написанная, становится емкой, объемной и какой-то значительной. Я верю в актера. Он может сотворить чудо психологического воздействия на зрителя. В конечном итоге только через актера устанавливаются со зрителем очень хрупкие, но чрезвычайно важные для театра контакты. Тогда возникает удивительная форма единения и ощущение власти над зрительным залом...»

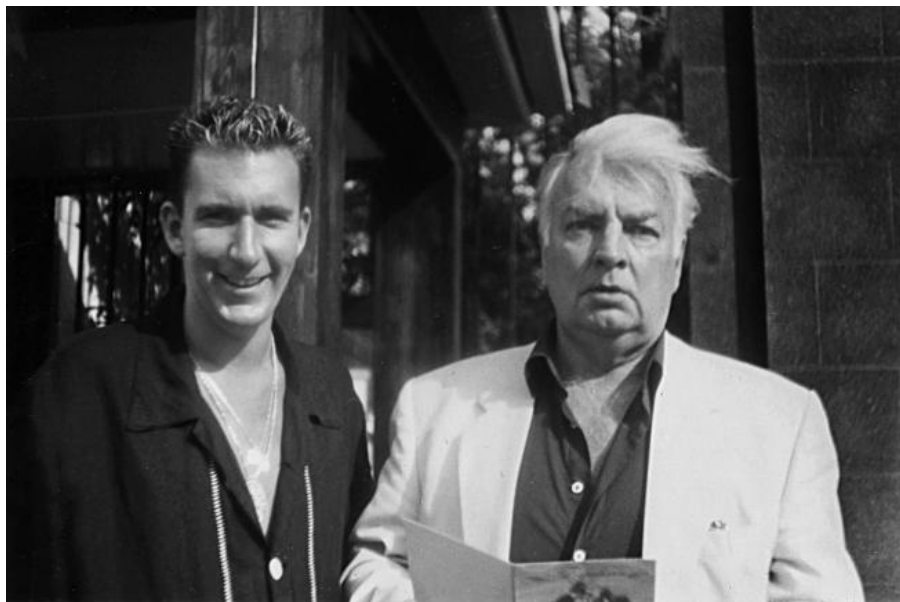
**Говорит Михаил Владимиров, актер театра и кино,
ведущий актер Театра сатиры:**

«МихМих — так мы его называем в семье. И уже так долго, что это трогательное и смешное прозвище «ушло в мир». Теперь даже посторонние люди его так называют. Спрашивают нас: «Как МихМих?»»

МихМих для меня родной. Он, по сути дела, мой второй папа. Родной мой папа был той самой «Авдотьей Никитичной» — это знаменитый Борис Владимиров. А моя мама — родная сестра Михаила Михайловича Державина.

Папа умер в 1988 году, когда мне было 12 лет. Вот и получилось так, что Михал Михалыч меня дальше воспитывал. Да и когда папа еще был жив, когда он уезжал на гастроли, я часто оставался на попечение Державиных.

С самого раннего детства я словно был пристегнут большой пуговицей к Державиным. Получалось так, что МихМих мне уделял даже больше времени, чем папа. Мы с ним все время ездили куда-то — то на рыбалку, то по каким-то делам... Помимо самых разных качеств, которые я перенял от него, я прежде всего благодарен Михал Михалычу за то, что он привил мне рыцарское отношение к женщинам. Конечно же, не поучениями, а своим примером. Сам он всегда относился к женщинам, будь то его родные и близкие — мама, сестры — или просто коллеги, знакомые, с огромным уважением и нежностью. Был благородно предупредителен, всегда готов прийти на помощь и в большом, и в малом.

Михаил Владимиров и Михаил Державин

Думаю, именно благодаря Михал Михалычу я вырос хозяйственным парнем. Ведь МихМих очень рукастый. Причем до моего появления у него были одни дамы в семье — мама, три сестры, жены, дочка. И он страшно обрадовался, когда появился я: «Наконец-то явился помощник! Есть кому передать свои навыки».

Я все детство смотрел, как он что-то мастерил. Как-то у нас за домом во дворе Щукинского училища, где хранились старые декорации, он нашел довольно симпатичный стол, сработанный под старину. МихМих его реставрировал, и мы вместе покрывали его лаком.

Михал Михалыч просто обожал все делать сам.

Потом мы неделями пропадали на его даче. От деда там оставались какие-то старенькие разболтанные табуретки. МихМих их ободрал, ошкурил, и мы привели их в полный порядок. А еще он рисует, пишет картины. Теперь он пишет, к сожалению, редко, хоть мы пытаемся его в этом направлении устремить: давай, мол, давай! у тебя же потрясающе получается! Действительно, он даже на салфетках за столом может в секунду набросать дружеский шарж (причем удивительно похожий и смешной) на кого-то из участников застолья.

Отдельная тема — рыбалка. Сейчас-то я немного остыл, а раньше мы постоянно ездили. Никакая непогода нас не останавливала. Бывало, проливной дождь хлещет за окном, Роксана с моей мамой причитают: «Куда вы?! Сидели бы дома», а мы снаряжаемся в путь. Рыбалка — потрясающий процесс, который МихМих всегда любил и обожает до сих пор.

Потом он меня научил водить машину. Начинал-то я учиться еще с папой, сидя на его коленках, а потом МихМих уже серьезно научил водить. Помню, тогда у него был автомобиль «Нива». На нем мы и ездили в Плесково по Калужскому шоссе, там был дом отдыха для актеров Театра Вахтангова.

Когда-то наш дедушка, войдя в контакт с местными, выяснил, что там жила внучка мельника графа Шереметьева. Вот в бывшем доме этого мельника мы и жили каждым летом — вплоть до 2000 года. Это был старый бревенчатый дом с печкой, разделенный на две части. Там успели побывать все — и Миронов, и Ширвиндт, и Горин... Народ, проходя мимо, застывал, не мог пошевелиться.

Мой папа привозил туда и легендарного футболиста Яшина, и космонавта Поповича. Миронов, Ширвиндт, Горин, устав от своей напряженной программы в Москве, говорили так: «Все, хватит! Едем к Мине в Плесково». А там — тишина, раздолье, лес, грибы, река, рыбалка...

Сейчас там все разрушено. Теперь я не езжу туда. Как-то не хочется. Хочется оставить в душе только хорошие воспоминания.

Я только сейчас в полной мере понимаю, что, когда не стало папы, я в подростковом возрасте вполне мог, что называется, «сбиться с пути» — или попасть в дурные компании, или просто заплутать, не найдя своего предназначения в жизни. Но мне так нравилось проводить

время с дядей, который так бережно и в то же время ненавязчиво меня воспитывал и направлял, что это «что-то плохое» стало просто невозможным. Вообще Михал Михалыч всегда очень внимателен и чуток ко всем, кто рядом. У него необыкновенное умение убеждать в своей правоте, причем без малейшей жесткости, а чуткими подсказками, аккуратными поправками. При этом кажется — ты сам думаешь и принимаешь решение, а не он тебя ведет. До сих пор слышу эту его интонацию: «Майк, ты понимаешь, я бы сделал так...» И тыходишь,ходишь и сделаешь так, как он советует, потому что поймешь — он прав.

МихМих — антиконфликтный человек. Я ни разу в жизни не видел его в гневе, его вывести из себя невозможно. Возможно, кому-то когда-нибудь и удавалось, но я в свои сорок лет (а ему за восемьдесят) не вспомню случая, чтобы он повысил на кого-то голос, с кем-то поругался. Даже в театре! То есть при множестве конфликтных ситуаций, которые театр генерирует по определению. Я работаю в театре уже 20 лет, вместе мы с МихМихом успели поиграть не очень много, но довольно много репетировали... У меня такой характер, что могу и с партнерами, и с режиссером поспорить, но... все время себя останавливаю, как только подумаю о Михал Михалыче — о том, что он бы так не сделал.

Он — потрясающий партнер по сцене. Обожает импровизировать и разыгрывать актеров. Об этом ходят легенды. Но, зная, что я очень слаб на «раскол», МихМих меня все же щадил, как мне кажется, не «раскалывал» так часто, как мог бы. Мне ведь достаточно палец показать, и я рассмеюсь. Я даже выбегал порой со сцены не в силах сдержать смех.

Это особенный актерский навык — выдерживать «раскол». Вот Александр Анатольевич Ширвиндт — непробиваемый, может улыбнуться (это максимум!), но чтобы потерять контроль, — нет, такое просто невозможно.

Когда у меня родилась дочь, МихМих сразу стал для нее образцовым дедушкой. И она в нем души не чает. Кстати, у него всегда была способность придумать в секунду какую-то вещь, очень интересную ребенку и в то же время полезную для него. Памятуя об этом, я, если дочка долго не засыпает, говорю ей: «Сейчас будем

звонить льву». И она уже знает, что звонок льву предвещает маленькое веселое приключение на сон грядущий. (Кстати, меня в детстве МихМих таким же способом в постель укладывал.) И вот мы с дочкой набираем номер МихМиха: «Але! Это лев?» Он сразу все понимает: «Да-а, а это девочка Соня? Почему же ты, Соня, не спишь? Ты хорошо себя вела сегодня?...» Воспроизводит специальный «львиный голос», богатый обертонами и интонациями. Это очень трогательно. Он умеет это делать.

Если кто-то неожиданно заваливается в гости, а в доме только батон хлеба, МихМих мгновенно все решает. Он виртуозно нарезает этот батон, мы с ним укладываем на него «уникальным методом» сыр, колбаску, поливаем соусом, прошиваем зеленым лучком, подогреваем. И в итоге — вкуснятина и красота! Вроде бы ерунда, но он так умеет это преподнести, что все в восторге: «Как вы это делаете?! Дайте рецепт!»

Он невероятно отзывчивый человек. При этом, стремясь максимально помочь людям, для себя не может, не умеет и не хочет выбивать ничего. Раньше-то без «лица», без связей ты мало что мог сделать... Маленький, но показательный эпизод. Мы входим с ним в новоарбатский гастроном. Продавцы: «О! Михал Михалыч! Подойдите! Вот вам это или это нужно?» А он только плечами пожимает — нет, ну зачем же? неудобно.

В итоге в гастроном стала ходить его мама. Подходя к директору, она произносила: «Я мама народного артиста Михал Михалыча Державина». И для нее сразу находилось все, что было нужно. А мне, кстати, тоже было неудобно (я ж благодарный воспитанник МихМиха!), я ждал бабушку на улице, а потом принимал у нее сумки с продуктами.

Или, к примеру, нужен был кому-то городской телефон. И вот МихМих с Роксаной как тяжелая артиллерия приезжали куда надо, просили, требовали... в общем очень эффективно помогали товарищам в получении всех «благ социализма» — машин, телефонов, квартир. А за себя попросить — да никогда. Ему говорили: «Тебя так любят. Ты даже не проси ничего, просто приходи — тебе так помогут». А он: «Да ну, не буду».

Гулять с ним по улицам невозможно. Пройти за двадцать минут, как полагается, неторопливым шагом

Старый Арбат — это утопия. Полтора, два часа! Его же узнают, здороваются, останавливают. И он со всеми поговорит. Буквально со всеми — от паренька-дворника до главы управы. Вот такой у меня второй папа!»

**Говорит Юрий Васильев, актер театра и кино,
ведущий актер и режиссер Театра сатиры, народный
артист Российской Федерации:**

«Михаил Михайлович Державин — уникальный человек и актер уникальный. Он лучше всех, с кем мне приходилось работать. Первый раз я встретился с ним в 1976 году, когда пришел работать в Театр сатиры и получил роль в спектакле «Многоуважаемый шкаф» Евгения Чебакина в постановке Марка Розовского. Я играл там такого «мальчика с содранной кожей», который всем сердцем любит животных, а Михаил Михайлович играл человека, ухаживающего за моей мамой. И у нас была сцена, в которой я дико орал, просто уничтожал маминного ухажера своим праведным криком. Помню, что именно удивительное человеческое обаяние Михаил Михайловича мне ужасно мешало кричать на него! Он смотрел на меня в это время такими добрыми глазами! Такими беззащитными! Поэтому кричать на него и выражать мало-мальскую агрессию было необычайно трудно.

Вскоре после этого мы играли с ним вместе в «Тартюфа» (постановка Антуана Витеза, французского

режиссера). Я считаю, что Тартюф вообще лучшая из ролей Михаила Державина.

А как гениально он «раскалывал»! Андрей Александрович Миронов даже вынужден был пожаловаться на Державина Плучеку, и тот выпустил специальный приказ — «категорически запретить артисту Державину раскалывать ведущих актеров Театра сатиры на сцене». Но и истинное искусство, как мы понимаем, никакой цензурой не остановить. И в очередной раз в спектакле «У времени в плену», где Миронов играл Всеволода Вишневского, а Державин белого офицера, произошла очередная феерия державинского фирменного раскола.

В этой книге, насколько я знаю, уже существует рассказ об этом случае. Но моя версия несколько отличается, точнее — привносит новые краски. Итак, МихМих надел на своего белогвардейца лысину другого персонажа — Директора цирка из детского спектакля «Пеппи Длинныйчулок», а сверху накинуд башлык. И когда я в свой черед в роли Скитальца Морей выскочил на сцену с криком, адресованным Миронову: «Всеволод! Это ты или твоя копия?!», я понимаю, что на мой вопрос никто мне не ответит, так как Михал Михалыч, уже скинув башлык с головы, вовсю сияет директорской лысиной, а Миронов бьется в смеховой истерике, повернувшись к зрителям спиной. Пришлось тянуть сцену дальше почти в одиночку, так как на реакции партнера в эти минуты рассчитывать не приходилось.

С Романом Ткачуком и Анатолием Папановым в спектакле «Последний парад» (1968)

Но как мальчишеское, дерзкое начало, так и человеческая чуткость, внимание мудреца в Михаиле Михайловиче неподражаемы. Однажды мы летели со спектаклем «Андрюша» (памяти Андрея Миронова) на гастроли в Америку. Летели долго, начались хождения по салону, кто вискарик вытащил, кто водку... Я же, единственный, кто в этот раз не выпивал, попросил у стюардессы помочь мне заполнить декларацию. Она начала мне помогать... И тут Михал Михалыч, выглядывая к нам из-за кресла, спрашивает ее: «А мне поможете заполнить?» Она с вежливой улыбкой отвечает: «Я пока заполняю господину Васильеву». И вдруг Михал Михалыч с всклобоченным, видимо, слежавшимся на спинке кресла хохолком волос ей говорит: «Мы вам, наверное, так надоели?» И это было сказано с таким неподдельным проникновением в самую суть ее проблемы, что стюардесса, позабыв всю свою эталонную сдержанность, ответила ему с искренней печалью: «Если бы вы знали как!..»

Он всегда очень тепло и нежно относился к молодым артистам. В театре ведь, когда приходит новичок, ему всегда тревожно: как примет тот или иной мэтр? А в отношении Михал Михалыча такого вопроса никогда и ни у кого не возникало. Он всегда принимал!

Еще одно драгоценное воспоминание о сотрудничестве с Михаилом Михайловичем Державиным. Лет шесть назад — на его 75-летний юбилей — мы решили поставить пьесу Вали Аслановой «До встречи в Венеции». Я ее ставил как режиссер-постановщик. К сожалению, этот спектакль так и не вышел. Михал Михалычу было уже трудно запоминать огромные массивы текста главного героя. Но репетиции были грандиозны и многообещающи! Михал Михалыч играл человека, который уже разочаровался в искусстве, в театре, в кино. Он приезжал в какое-то сибирское село и начинал там помалу спиваться... И вдруг его узнает молоденькая девушка (Маша Куликова), киномеханик в сельском клубе, и возрождает его к жизни. «Да вы что! Вы же такой артист!..» Я даже специально для спектакля сделал «игровую» афишу с фотографией молодого Державина в бабочке. Эту афишу разворачивала перед ним на сцене Маша.

И был один пронзительный момент. В одном из монологов речь шла о том, что артистов, к сожалению, помнят, лишь пока они работают, пока они живут на сцене. Очень большая, в общем, тема для каждого актера. Ведь сколько у нас даже великих актеров, которых почти уже не вспоминают. Печальный, очень длинный монолог.

И я, увидев, что Михал Михалычу уже трудно запомнить большой монолог, сказал ему: «Михал Михалыч, нам просто нужна здесь болевая точка. Может быть, здесь даже лучше своими словами... как-то... Вот представьте, что вы уже никому не нужны. Вот вы идете...»

И вдруг он подхватил: «Вот я подхожу к Дому актера. Маргоша меня Эскина пригласила на вечер. Гляжу — стоят какие-то старушки, со мной здороваются. И вдруг я узнаю... очень знакомые глаза!.. И вдруг вспоминаю, что когда-то на эту актрису в театр бегала вся Москва. Чтобы только увидеть вживую, хоть с галерки взглянуть на ее колдовскую игру!.. А сейчас? Стоит с какими-то старушками, никому не нужна, всеми забыта».

И я смотрю — на глазах у Михала Михалыча слезы! И это именно то, что мне нужно было в этом спектакле. Та самая пронзительная нота. Та самая внутренняя боль в этом, казалось бы, внешне, типажно очень благополучном герое. Я на всю жизнь запомнил это его

мгновенное понимание режиссерского замысла и мгновенную импровизацию в ответ».

Говорит Алена Яковлева, актриса театра и кино, народная артистка России, ведущая актриса Театра сатиры:

«Его любимую фразу обо мне никак не обойти. Она уже передается из уст в уста в нашем театре. Сказана она была, как только я пришла в Театр сатиры. Тогда, явно желая облегчить мое вхождение в коллектив, Михаил Михайлович всем начал объявлять, что я его родственница. Представляя меня своим коллегам, он говорил так: «Это первая дочь второго мужа моей первой жены!» Объясню: Катя Райкина была первой женой Михаила Державина, я же — первая дочь Юрия Васильевича Яковлева (от его первого брака), который стал вторым мужем Кати Райкиной. Но какую изящную формулу для определения меня придумал Михаил Михайлович! Уж не знаю, сыграли ли эти его слова решающую роль или что-то другое, но после этого меня в театре как-то сразу приняли и полюбили.

Много лет мы играли с Михаилом Михайловичем в спектаклях «Счастливец-Несчастливцев» и «Андрюша», ездили на гастроли, причем не только по стране, но и в Европу, в Америку. Тогда всю группу ожидали длительные перелеты, порою просто тягостные переезды на автобусах. Но рядом с Михаилом Михайловичем время

летело легко и незаметно. Он веселил всю группу, постоянно импровизировал, сочиняя на ходу какие-то смешные стихи, юморески... Порой это был просто поток сознания, Михаил Михайлович просто комментировал то, что видел, но это всегда было так истерически весело, что мы начинали безудержно хохотать. Видя какого-то незнакомого нам человека, Михаил Михайлович мог с ходу сочинить про него целую историю, совершенно неожиданную и уморительную. Его юмор был сравним с импровизациями Гафта, только все звучало более по-доброму.

Всегда, во всех поездках Михаил Михайлович был подтянут, бодр, открыт для общения — как с нами, так и со зрителем, всегда был готов раздавать всем свою любовь и автографы, в нем никогда не иссякала эта его лучезарность.

Александр Анатольевич Ширвиндт в тех случаях, когда Михал Михалыч чрезмерно задерживался в эпицентре какой-то толпы, раздавая автографы, даже принимался ворчать: «Нет, вы только посмотрите на этого актера. Круглосуточная жажда популярности!»

Вот тоже показательный случай. Однажды, где-то в конце 90-х, мы были на гастролях в Израиле. Поскольку там огромная часть населения — выходцы из России и бывшего СССР, нас принимали прекрасно. Русский язык там для многих остался родным, а ведущие актеры Московского театра сатиры всем хорошо знакомы по советскому кино и телевидению.

И вот однажды утром Михал Михалыч мне говорит: «Пойдем по городу побродим, выпьем водочки!» У нас был выходной день, и мы с Михал Михалычем — два «близнеца» по гороскопу (самый компанейский знак, любящий застолья, душевные беседы, популярность) — с чистой совестью выдвинулись из отеля и пошли по улице. Увидев первую же надпись над кафе по-русски, мы туда зашли, сели за столик, взяли по 50 грамм.

Михаил Михайлович здоровается с хозяевами этого кафе, вот, говорит, мы к вам приехали. Те отвечают: ну и хорошо. И я вижу — как-то не так реагируют эти ребята на нас. Кажется, не узнают Державина. Я начинаю ненавязчиво подсказывать им: вот, мол, наш дорогой Михаил Михайлович Державин, приехал со спектаклем, помните чай «Кабачок 13 стульев»? Те пожимают плечами: «Не, не помним». — «Как?!.. А дуэт знаменитый

их с Ширвиндтом?...» — «Не знаем, что за дуэт». — «А фильмы?! «Трое в лодке, не считая собаки»? «Бабник»? «Моя морячка»?...» Тогда они нам говорят: «Да вы знаете, мы тридцать лет назад, детьми еще, уехали в Германию, а потом и сюда переехали. Так что вашего советского кино и телевидения практически не знаем».

А у нас-то с Михал Михалычем всегдашний расчет был на то, что его узнают, просят автографы и угощают. Этот расчет ни разу (до этого случая) не давал сбой. Михал Михал с собой на прогулки по городу уже и денег не брал. И вот вам «здрасьте» — по водочке уже повторили, а нас не узнают! И вместо просьбы об автографах несут нам счет. Михал Михалыч тихонько меня спрашивает: «У тебя деньги есть?» Я говорю: «Есть, слава богу, взяла!» Пришлось мне заплатить, он, конечно, в тот же день отдал мне эти деньги, но сам факт, что Михаил Михайлович уже так привык к популярности, что не допускал и мысли, что его могут не узнать, весьма и весьма показателен. Его, действительно, повсюду узнавали, зазывали в гости, угощали, во всех магазинах, на всех рынках... Я с ним очень любила гулять.

Михал Михалыч обожал меня разыгрывать по телефону — то меня вызывают на пробы в Голливуд, то хочет взять интервью армянское радио, и я всегда «покупалась», хотя вскоре, конечно, понимала, что это был розыгрыш.

Однажды, в начале 90-х, когда кино в стране почти перестало существовать, ни у кого на это попросту не было средств — ни у государства, ни у телевидения, ни у киностудий, — мне вдруг раздается звонок со студии Горького. Говорят: «Здравствуйте, вот мы снимаем фильм «Антология оргазма». Мы приглашаем вас на очень ответственную роль, проб не будет, вы уже утверждены. Надо будет вам приехать завтра, сняться. Нам нужен один съемочный день. Вы проститутка». Я опешила, говорю: «Спасибо, конечно, но как-то странно. Вот так, без сценария...» Они отвечают: «Ну, по сценарию там слов у вас немного. Мы вам распечатку перед съемками дадим. Вашим партнером по сцене будет Александр Ширвиндт. Вам в 9.00 нужно быть на съемках». Я говорю: «Ну раз так, если уж Ширвиндт, то ладно...» Мой отчим, слушавший наш диалог по параллельному телефону, потом мне говорит: «Слушай, что за странное название — «Антология оргазма»? А я ему: «Да ладно, что б ты

понимал в кинематографе?» И вот я приезжаю на студию Горького, в окошечко бюро пропусков протягиваю свои документы, быстро говорю служащей: «Мне в «Антологию оргазма!»» Та смотрит растерянно в ответ: «Что, простите?» Я повторяю громче: «Антология оргазма!» Народ в холле уже заинтересованно прислушивается. «Ой, девушка! — начинаю торопить сотрудницу студии. — Давайте быстрее! Сейчас уже Ширвиндт придет!» — «А вам в какой кабинет?» И тут я понимаю, что пропуск на меня не заказан, и сама я не знаю ни номера комнаты, ни фамилии режиссера, просто студия Горького — и все!.. Сжалившись надо мной, меня все же пропускают: «Ладно, девушка, мол, идите, поищите сами это самое, ну что вот вам надо...», и я начинаю бегать по всем этажам пустынной студии, спрашивать редких встречаемых — где тут группа «Антологии оргазмов»?... Все только плечами пожимают — кто испуганно, кто весело.

Только тут закрадываются у меня сомнения, что это, может быть, какой-то дикий розыгрыш! Выскакиваю на улицу, хватаю такси, приезжаю в театр и... натыкаюсь в коридоре на Ширвиндта. Тут же, хотя уже с некоторой осторожностью, задаю ему вопрос: «Александр Анатольевич, а вы сейчас не были на студии Горького?» — «Что, ты меня там видела?» — «Нет, просто понимаете, мне позвонили, сказали, что в фильме «Антология оргазма» я — проститутка, а вы — мой партнер». Он мне целует руку, говорит: «Идиотка» — и проходит дальше по своим делам.

В этом розыгрыше Михал Михалыч очень долго не сознавался, но потом, когда я уже его приперла к стенке, сказал: «Ты мне еще спасибо должна сказать». — «За что же это?» — «За то, что это была не Свердловская киностудия и не Узбекфильм!» Действительно, подумала я, туда я бы еще несколько часов летела, Михал Михалыч фактически меня пожалел».

**Говорит композитор, продюсер, радиоведущий
Владимир Матецкий:**

«Есть замечательное актерское слово — органика. Именно это слово первым приходит на ум, когда думаешь о Михаиле Державине.

Его улыбка, его голос, его жест: во всем ощущается часть единого целого — большого и немного стеснительного «я». И это органика не только актерская, но и человеческая — умение следовать своей жизненной линии, умение отделять главное и существенное от промежуточного и наносного — это тоже немаловажные качества, составляющие суть этого удивительного характера.

Конечно, у зрителя не может не быть ощущения некой «недоигранности», недосказанности, в его актерской судьбе — и в первую очередь в кинематографической ее части, — но это, пожалуй, имеет и свою положительную сторону, так как работает на трогательный образ ранимого «большого маленького человека», образ, который, как мне кажется, так к лицу этому замечательному актеру.

Конечно же, актер Державин в первую очередь — человек театра. И именно здесь, в театре, его таланты раскрылись в полной мере, так что неудивительно, что он постоянно излучает некое ощущение «актера в театральном пространстве», актера с большим

театральным «бэкграундом». Это, несомненно, является, говоря музыкальным языком, — доминантой его творчества. Любовь к театру, как мне кажется, может быть сравнима в жизни Михал Михалыча только с любовью к очаровательной супруге — Роксане Бабаян. И театр, и Роксана, надо отдать им должное, всегда отвечали и отвечают взаимностью, служа надежной жизненной опорой и давая не только ощущение тихой гавани, но и обеспечивая работу неисчерпаемого творческого аккумулятора.

Михаил Михалыч с внуками

Мне посчастливилось работать с Михал Михалычем, записывать песни для спектаклей и ТВ, и я могу сказать, что его музыкальность, его точное понимание песни, ощущение ее фактуры и деталей были для меня приятным сюрпризом. Я уже не говорю о том, каким сюрпризом было

его глубокое знание музыки в целом, будь то Прокофьев, деревенские нецензурные частушки или каталог стандартов в исполнении Фрэнка Синатры».

**Говорит Мамед Гусейнович АГАЕВ, директор
Московского академического театра сатиры:**

ВСЕГДА В ЦВЕТАХ

«Я познакомился с ним, когда пришел в Театр сатиры в 1979 году стажером-руководителем театра. В те годы вокруг театра вылась огромная очередь в билетные кассы, и вдоль очереди стояла конная милиция. Когда сегодня рассказываешь об этом, люди не верят. Думают, «конная милиция» просто красивая легенда. Но это действительно было! Очередь стояла от кассы до Военной академии, дальше поворачивала к служебному входу Концертного зала Чайковского, а хвост ее терялся в глубине дворов. И конная милиция, зачастую усиленная дружинниками и даже военными патрулями, помогала нам поддерживать порядок при покупке билетов на наши спектакли. Впрочем, так было около всех лучших театрах Москвы — около Театра на Таганке, Ленкома, Вахтанговского, еще нескольких театров. Ажиотаж был страшный. Простому москвичу или гостю столицы в театр попасть было невероятно сложно. Поэтому я, отправляясь на день рождения кого-то из хороших знакомых, просто брал с

собой два билета на спектакль, где играл Михал Михалыч Державин, и это был лучший подарок!

После своей стажировки я стал главным администратором, потом заместителем директора театра, потом директором, но уже в первые годы моей работы в театре я начал потихонечку общаться с Михал Михалычем, и так потихонечку мы с ним дошли до очень тесной, крепкой дружбы. Сегодня я просто считаю Михал Михалыча своим аксакалом. Это может быть единственный человек в истории советского театрального искусства с такой душевной щедростью и чистотой. Бывает, я, как директор, после разговора с каким-то артистом или членом группы приду в раздражение, разволнуюсь, рассержусь на его необязательность или что-то еще, что создает мне или театру проблему, и вот, если после этого человека заходит в мой кабинет Михал Михалыч и у меня возникает мгновенный порыв Михал Михалычу пожаловаться: «Вот, заходил только перед тобой Иванов...», а Михал Михалыч уже перебивает: «Чудный человек! Просто чудный!..» — и тут же расскажет что-то настолько хорошее об этом человеке, что у меня в течение минут вдруг меняется точка зрения на этого человека и на всю возникшую проблему. Думаю, и что это я на такого замечательного человека рассердился?

Я вообще ни разу в жизни не слышал, чтобы он про кого-то хоть что-то плохое сказал. Он — прирожденный миротворец и объединитель! Он просто какой-то живой генератор гармонии и доброты вокруг себя. Я всегда старался научиться у него этому изумительному качеству, старался хоть малую его толику вместить в себя.

Большинство актеров очень ревнивы друг к другу — очень следят, кому больше славы и любви досталось, кому меньше. Вплоть до того, что на сцене во время поклонов посматривают — кому больше цветов подарили, кому меньше, кому вообще ничего. А Михал Михалыч настолько неревнив, независлив, так светло и открыто несет себя зрителю... что кажется, ему даже не надо и цветов дарить, он словно и так всегда в цветах! Он так держится, так ясно улыбается, так естественно счастлив, будто самый большой букет подарен именно ему. А бывает ведь, что и нет цветов. Или их сегодня принесли вдруг мало — тогда Михал Михалыч так

выстраивает выход на поклон, что эти немногие цветы дарят вдруг тому, кому они в этот вечер действительно нужнее. А этот незримый «самый большой букет» все равно остается у него!

Всегда, в любой день жизни, в будни или в праздники Михал Михалыч со всеми вокруг — с ребенком, с монтировщиком, с уборщицей — разговаривает, как с равными, без малейшей «звездности», несуетно, неторопливо, уделяя каждому столько времени, сколько тому необходимо. В этом чувствуется и характер человека, и его воспитание, и высочайшая культура русского интеллигента! Среди артистов это удивительная редкость. А уж я их много повидал, дай Бог им всем здоровья. И сегодня (хотя общий уровень, конечно, снизился, все об этом говорят) появляются прекрасные артисты, но такой высокой планки человеческой культуры уже я не встречал.

При всем его огромном обаянии, и актерском, и человеческом, и тончайшей культуре, он в своей непосредственности и чистоте остается ребенком. Поэтому сказать о нем, что он мой второй отец, язык не поворачивается. Он словно мой младший брат, хотя и на шестнадцать лет старше.

В гастрольных поездках по приезду в очередной город мы всегда с Михал Михалычем вместе гуляли. Любимые слова Михал Михалыча сразу после завтрака: «Ну что, Мамедик, теперь по магазинам?» Однажды во время наших первых гастролей в Америке мы вдруг потерялись на прогулке. Я ищу его, ищу и не могу найти!.. Наконец вижу — русскоязычный (судя по обрывкам фраз, что я слышу вокруг) народ устремляется куда-то в одном направлении. Я бегу туда же. И что я вижу? В одном из русских магазинчиков он, покупая обновки для Роксаны, подзывает женщин с параметрами фигуры, сходными с Роксаниными, и примеряет на них самые красивые платья и костюмы в магазине. Что же касается подарков для сестер, он на себя их примерял. Этим, видимо, и вызван был такой зрительский интерес к этому магазинчику в русском районе — Державин приехал, да еще примеряет одно за другим женские платья!..

Такой радостью было с ним по улицам ходить. Все, все его узнавали. Буквально каждые три секунды раздавалось: «Ой, Михал Михалыч...» И он никогда никого не обижает, с каждым переговорит, всем даст

автографы. Просто невозможно с ним было куда-то дойти, невероятно медленно осуществлялось движение, но как же радостно!

Есть артисты, которые не очень любят раздавать автографы, общаться со зрителем, это и Шура Ширвиндт, и Геннадий Хазанов, а Михал Михалыч это делает всегда с удовольствием. Если четыре секунды никто на него не смотрит, не бежит к нему, он начинает нервничать. Был даже случай, когда после активного общения с целой толпой случилось так, что следующие несколько метров улицы к нему никто не подходил. Тогда он уже сам начал говорить встречным прохожим: «Здравствуйте...» Как бы сигнал подавал: мол, я здесь.

А как он любил розыгрыши, как импровизировал! Не только на сцене, но и в жизни поминутно. Вот идем мы с ним по улице. Навстречу человек, торопится, аж запыхался: «Скажите, пожалуйста, я правильно иду?...» Не успевает закончить вопрос, Михал Михалыч ему — так же быстро: «Да-да! Вам прямо и направо!» Мы потом долго смеялись. И ведь оказалось, Михал Михалыч угадал — метро именно там и располагалось. Очень может быть, у него еще есть и дар телепата.

Очень жаль, что лет пять он уже не выходит на сцену. А зритель, не зная того, идет в Театр сатиры, думая, что здесь играет Михаил Державин. На афишах всех спектаклей, где он был занят, по-прежнему — его фамилия. Это лучшая реклама для спектакля, но в этом нет лукавства, ведь у каждого спектакля — два состава. Пусть он сегодня не играет, на афише обозначен и его состав. «Первый», «основной» состав спектакля. Вот статус постановки невольно и поднимается. Даст Бог Михал Михалычу здоровья — и он еще выйдет на сцену.

Но, даже не играя, он до сих пор помогает театру. А как помогал в свое время всем и каждому, кому только мог. Когда я еще работал администратором, надо было хлопотать, чтобы кому-то поставили телефон, кому-то дали квартиру, кого-то положили в элитную больницу или отправили в санаторий, я всегда просил его: «Михал Михалыч, надо бы сходить...» — «Конечно, ходим, договаривайся». И в любой высокий кабинет заходит так, что через несколько минут все, что нам надо, подписывалось. Любые редкие лекарства для наших коллег не было проблемой достать, стоило только с Михал Михалычем зайти в аптеку.

В спектакле «Бешеные деньги» (1981)

Вот еще показательный момент: наш театр в 80-е, 90-е годы отличался тем, что выходящих из театра после спектакля актеров у служебного входа ждали зрители, которым важно было получить их автографы. Так вот, Андрея Миронова ждало около пятидесяти человек, Александра Ширвиндта — человек сорок, но Михаил

Михалыча Державина ожидало не менее семьдесят благодарных зрителей. В чем тут секрет? Казалось бы, у тех популярность была, как минимум, не меньше. Но дело в том, что зрители уже знали: Михаил Михайлович пропустит к себе всех, будет работать своей авторучкой столько, сколько потребуется. Хоть целый час. Андрей Александрович «работал выборочно», Александр Анатольевич порой просто прятался, только Михал Михайлович стоял до конца со всей ответственностью.

Я невероятно горд, что дружу и сотрудничаю с этим удивительным человеком».

**Говорит Федор Добронравов, актер театра и кино,
народный артист России:**

«Я пришел в Театр сатиры в 2003 году и сразу ввелся в спектакль «Швейк, или Гимн идиотизму», где и встретился на сцене с удивительнейшим, самым замечательным партнером по сцене, какой только может быть, — с Михал Михалычем Державиным.

Но первое мое знакомство с этим актером состоялось, как ни странно, много раньше. В Таганрог, где я родился и учился в школе, приехал в рамках юбилея Антона Павловича Чехова Московский театр сатиры (ведь Таганрог, как известно, родина этого великого писателя и драматурга). О приезде такого театра в мой небольшой городок в другие годы можно было лишь

мечтать. Театр сатиры давал «Вишневый сад», где Михал Михалыч изумительно, очень неожиданно и самобытно играл Епиходова. Помню, как мы, таганрожская пацанва, дежурили у служебного входа местного драмтеатра, угадывали в сумерках знакомые до боли силуэты, иногда только их тени. «Ой, ой, Державин прошел! Ой, Ширвиндт прошел!.. А вон — Папанов с Мироновым идут!.. Ой, а с той стороны — Аросева! Спартак Мишулин!..» Силуэты и тени великих людей в двух шагах от моего дома! Около нашего Театра драмы им. Чехова был ресторанчик — вот они туда-сюда и ходили. А мы их высматривали.

Помню, мы с другом исхитрились просочиться в театр без билетов. Пробрались на самый верх, выше галерки, и среди огромных и горячих осветительных приборов (еще старые, ламповые, прикоснешься — загореться можно!) притаились и смотрели с этой верхотуры спектакль, глядя практически в макушки актеров.

Именно тогда у меня укрепилось окончательно желание стать актером!

С Александром Ширвиндтом в спектакле «Ревизор» (1972)

Потом, уже будучи студентом Воронежского института искусств, я с другом приехал на выходные в Москву из Воронежа в надежде попасть на какой-то спектакль. И мы, уже не вспомнить, какими правдами или

неправдами, попали на «Самоубийцу» Эрдмана в Театр сатиры. Это было незабываемо! Там снова блистал Михаил Державин... Мог ли я тогда представить, что буду когда-то играть в одних спектаклях с ним!..

А сколько нитей, сколько поводов к фантазии дают современным юмористам юморески дуэта Ширвиндт — Державин, которые все выложены сегодня в Интернет, и у них миллионы просмотров. Во многих современных репризах просто очевидны торчащие уши выступлений Ширвиндта — Державина 70-х, 80-х или 90-х... А ведь какими они были молодыми, когда только начинали вдвоем выступать и уже выступали перед великими людьми той эпохи — на юбилеях, концертах, в театральных капустниках, в «Голубых огоньках» — и мы сейчас видим, прокручивая эти старые пленки, как великие тех лет — и Леонид Утесов, и Ростислав Плятт, и Олег Ефремов, и Михаил Ульянов, и писатели, и космонавты, и многие, многие, по которым скользит камера, — как они хохочут, буквально сползая со стульев, как они благодарны двум этим молодым парням за их смелость, дерзость, талант, за их раскованность, свободу, которые едва ли не впервые такими большими, роскошными порциями вносятся в пространство регламентированных советских праздников!

А «Кабачок «13 стульев»? Какая это была сказка. Я помню, маленьким-маленьким еще был. Телевизора у нас в середине 60-х еще не имелось, отец купил телевизор только в 1969-м. Да и во всем нашем восьмиквартирном двухэтажном доме (мы жили на окраине) только один «КВН» был, с приставлявшейся к его экрану линзой, в которую надо было предварительно налить воду. Мы всем домом собирались на квартире у его счастливых обладателей по вечерам. А уж в те вечера, когда шел «Кабачок «13 стульев», собраться у экрана — дело святое. И так было в каждом доме. Ни одного человека не оставалось на улице!

Пани Тереза и пан Ведущий «Кабачок 13 стульев»

И когда Михаил Державин на экране раздвигал перед собой эти блестящие висюльки: «Открыт наш кабачок...» — думаю, не будет преувеличением сказать, что вся страна замирала. И обмирала. Точно не скажу как где, но уж у нас в Таганроге точно переставали ходить автобусы. И весь народ, рассредоточившись по тем квартирам, где были эти маленькие телевизоры, смотрел как зачарованный на Пана Ведущего и на представленных им панов-шутников и их красавиц, певших иногда чужими голосами.

Но что самое поразительное — с детства у меня ничуть не умалилось восхищение этим человеком. Мы давно работаем в одном театре, вместе не раз выходили на сцену, а мое восхищение им, и как актером, и как человеком, только возрастает. И входит в какое-то новое качество. Ведь в таком богатом и духовно, и душевно человеке все время открываешь новые черты.

Больше всего изумляет, что и по сей день МихМих — настоящий гусар, балагур, хулиган, причем хулиган столь изысканный и благородный, что возмутиться или обидеться на его розыгрыши никому не приходит в голову. Все его шутки не в цель, но — пронзая — они почему-то

никому не причиняют боли. Я раньше думал, так вообще не бывает!

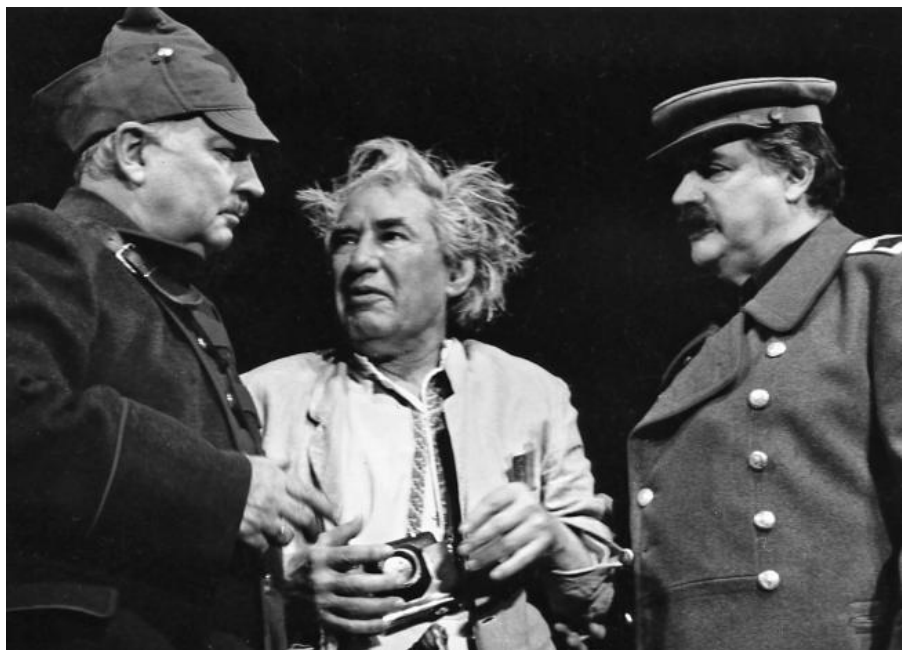
Знаете, есть люди, которые до определенного возраста гусарят, а затем все-таки успокаиваются. А он нет, он — гусар до конца. Пусть и здоровьечко уже не то, и ноги болят, но... Все равно спина прямая! И глаз горит мальчишеский!»

Говорит Марина Ильина, актриса Московского театра сатиры, заслуженная артистка России:

«Хотя я пришла в Театр сатиры в начале 90-х, первую совместную с Михал Михалычем серьезную работу мне довелось сделать только в 2002 году. Это был спектакль по А.Н. Островскому «Таланты и поклонники». Михал Михалыч там играл Нарокова, а я играла Негину. У нас сложились потрясающие отношения на сцене, которые я долго предчувствовала, потому что в жизни замечательные отношения с Михал Михалычем сложились уже давно...

Я часто ловила себя на той мысли, что за МихМихом можно ходить и записывать. Эти его постоянные импровизации, остроты, мысли вслух. Увы, записывать мешало, как ни странно, его же дивное обаяние — в эти моменты хотелось смотреть только на него, а не в какие-то блокноты, которых, впрочем, как назло, не оказывалось под рукой.

Со Спартаком Мишулиным и Александром Ширвиндтом.
Сцена из спектакля «Счастливицев — Несчастливицев» (1997)

Любые появления Михал Михалыча в театре были озарены каким-то необыкновенным светом, чудесными шутками и какой-то космической его доброжелательностью. Не помню ни одного случая, когда хоть кто-то про него сказал плохое слово. Как не помню и такого, чтобы он отозвался неллицеприятно о ком-то. Это был и есть «сосуд любви и света».

Поэтому работать с ним было всегда весело и легко. Было даже ощущение (конечно, кажущееся), что он даже не старается, не работает «в поте лица» над ролью, потому что играет самого себя, свое внутреннее состояние в предлагаемых обстоятельствах. А он просто играл свое отношение к миру.

Эта его легкость бытия, его удивительная самоирония, на мой взгляд, говорила о большой его жизненной мудрости. Хотя внешне он был похож на персонажей с Запада и играл их часто, сам он — по своему мироощущению, бесконфликтному, несуетному, безмятежному даже в сложнейших ситуациях — был персонажем с Востока.

Теперь это не просто Актер-легенда, это Человек-легенда».

Глава четвертая

Кабачкисты

Счастливое несчастливое число

Работая в Театре на Малой Бронной, я начал участвовать в знаменитой передаче «Кабачок «13 стульев». Придумал ее Александр Белявский. Он снимался в Польше в фильме «Четыре танкиста и собака» и увидел там телепередачу «Кабаре Старых Панов». Она ему понравилась. Он знал польский язык, привез подборку скетчей из польских юмористических журналов, кое-что перевел, написал сценарий и подал идею режиссеру Театра сатиры Георгию Зелинскому сделать небольшие телеминиатюры вроде варшавского телепредставления «Кабаре Старых Панов».

Первоначально эта развлекательная программа называлась «Добрый вечер». Действие происходило в маленьком польском ресторанчике с одноименным названием, гости и работники которого пели, плясали и попадали в нелепые ситуации. Польских героев играли советские актеры и актрисы.

Вначале рассчитывали сделать всего три передачи, но после первой же передачи в Останкино пошли мешками письма на тему «Хотим еще!». Программу решили продолжить.

Сначала ведущим был сам Белявский. Но у него начались съемки в кино, и он из передачи ушел. После него две передачи вел Андрей Миронов. Однако зрители засыпали редакцию программы письмами с требованиями заменить ведущего, так как он «подавляет своим темпераментом остальных участников, а мы хотим смотреть всех». Стали искать нового ведущего. И когда мне предложили опереться в работе на образ пана Ведущего, уже созданный Сашей Белявским, его решение во многом совпало с моим видением этого персонажа, мы с Сашей были чем-то похожи.

В то время на нашем телевидении работали знаменитые ведущие — Виктор Балашов и Игорь Кириллов. И знаете, мы немножечко их играли, я лично иногда подглядывал за ними. Все герои «Кабачка «13 стульев» были вроде бы поляками, а пан Ведущий для меня являлся таким связующим звеном между советскими зрителями и воображаемыми панами и пани, которые отдыхали в «Кабачке». Образ моего героя был интернационален.

Роль пана Ведущего на телевидении стала для меня настоящим счастливым билетом. Ты сразу становился

популярным среди миллионной аудитории. Доброжелательные наши зрители нас в основном хвалили, давали дружеские советы. Это была первая народная телевизионная передача с постоянными героями, с единством места и стиля. Для большинства телезрителей наши дурашливые, порой наивные сценки и репризы служили своего рода отдушиной в их зарегламентированной жизни.

Аромат какого-то «ненашего», большинству незнакомого уюта и комфорта. «Кабачок» для советских зрителей был маленьким «окном в Европу», словно тяжелый «железный занавес» превращался в бамбуковую занавеску, легко раздвигаемую руками...

«Кабачок «13 стульев» (1977)

Название сериала придумали не сразу. Оно появилось лишь на выходе восьмой серии программы. Новое имя проекта выбирали всей страной. Даже конкурс объявили. Награда — ящик чешского пива. Среди вариантов были «Голубой попугай», «Клуб чудаков», «Забегаловка», «Подвальчик», «Корчма», «Кафе «Улыбка»... Победителем конкурса стал Виктор Заявлин, работавший на проекте переводчиком с польского: «Ну, можно назвать «Кабачок «13 стульев», — предложил он руководителям проекта. Почему 13? Потому что в студии тогда оказалось 13 стульев.

Авторами «Кабачка» стали Анатолий Корешков и Рустем Губайдулин. Они читали польские, югославские и чешские юмористические журналы. Из них черпали идеи и писали миниатюры. Так в «Кабачке» появились паны и пани.

Что касается содержания, то уже через два года после того, как «Кабачок» вышел на экраны, были сыграны все миниатюры иностранных авторов, взятых за основу программы. Поэтому сценарий стали писать наши корифеи юмора: там были и Григорий Горин, и Аркадий Арканов, и, естественно, Марк Анатольевич Захаров, который иногда был и постановщиком, и автором миниатюр.

Шутки в сериале разбавляли зарубежными песнями и мелодиями. Так авторы «Кабачка» знакомили своих зрителей с новинками западной эстрады. Правда, пели паны и пани под фонограмму. А чтобы точно попадать в песню, артисты учили тексты на языке оригинала. Они так же подражали и в танцах.

Это был глоток свежего воздуха с Запада. В то время страна жила за железным занавесом. Советские женщины одевались, по остроумному высказыванию Вячеслава Зайцева, в серые саркофаги, а дамы «Кабачка...» демонстрировали экстравагантные наряды, дерзкие прически, яркий, непривычный макияж. Причем актрисы подбирали все сами, каждый раз ломая голову над тем, в чем выйти в кадр. Здесь простой советский человек мог увидеть и современные тенденции моды, и посмотреть, как живут на буржуазном Западе, и даже послушать зарубежные хиты, которые не передавались ни по нашему телевидению, ни по радио.

В передаче было то, что начинало активно внедряться в повседневный советский быт: бар, высокие бокалы, чашечки, кофе, прически. Старались соответствовать этому и в своих домах. В то время Польша во многом была образцом для СССР. Варшаву называли «Восточным Парижем».

Так я стал участником знаменитой передачи, и на нас обрушилась невиданная популярность, о которой мы и подумать не могли, когда это все начиналось. Развлекательных программ на телевидении тогда практически не было, а в нашей передаче был довольно-таки смелый и острый по тогдашним временам юмор. Это была маленькая хитрость — дескать, все не у нас, а у них, в Польше, происходит. Кроме того, это была и музыкальная передача. А музыкальные передачи, да еще с такими зарубежными шлягерами, тогда и вовсе отсутствовали. Мы открывали рот, а за нас пели сначала знаменитые польские

артисты — Ежи Полонский, Марыля Родович, а потом потихонечку мы стали петь голосами Тома Джонса, группы «АББА».

В то время у нас на экране не принято было показывать, как люди проводят свое свободное время: отдыхают за чашечкой кофе в баре или ресторане, при этом обсуждая свои личные проблемы, неприятности. Однако в «Кабачке» все это происходило в атмосфере трогательной наивности и добрых взаимоотношений. Мы старались создать симпатичных героев, милых и добрых по отношению друг к другу. Что касается их внешнего вида, явно нессоветского, то, конечно же, наши актрисы стремились соответствовать очаровательным пани, подражая им и в нарядах, и в прическах. Я помню, как Наташенька Селезнева в любом городе, где мы бывали на гастролях, всегда покупала что-то оригинальное, например, в комиссионных магазинах. Не всегда телевидение нас снабжало костюмами и вечерними платьями!

«Кабачок «13 стульев» (1978)

Создавая заграничную иллюзию, мы как бы невзначай критиковали и себя. Это был такой универсальный для того времени собирательный образ социалистического лагеря. Ведь во все времена взаимоотношения между людьми — мужем и женой, любовником и любовницей — строятся примерно одинаково...

Жизненные коллизии наших героев, конечно же, волновали зрителей. Это вызывало потом очень живые эмоции,

обсуждалось в обществе. Зрители узнавали наших героев у себя на работе, дома, в компании.

«Кабачок»-то будет?»

В начале программа была черно-белой и записывалась в режиме реального времени, актеры работали по обычному секундомеру, и если кто-то из актеров ошибался, то приходилось записывать все сначала. На выпуск одной программы (с учетом репетиций) уходило до полутора месяцев. Текст жестко редактировался, вернее будет сказать — «цензурировался», и «на усмотрение» актеров оставался лишь выбор мимики, интонации и жестов.

Даже одежда для съемок, выглядевшая для тех «совковых лет» шикарно, регламентировалась — так первая пани Катарина (Наталья Селезнева) была оштрафована за появление в мини-юбке. После переезда студии в Останкино «Кабачок» стал «цветным» и, к радости исполнителей, вечно спешащих на свои вечерние спектакли, начал выходить в записи.

Главные роли достались в основном тогдашним артистам Театра сатиры. Всего в съемках были занято около 50 актеров. Блистательная Татьяна Пельтцер сыграла ворчливую старушку пани Ирену. А великолепная Ольга Аросева — пани Монику, чьи шляпки покорили модниц того времени. А неподражаемые Спартак Мишулин (пан Директор), Зиновий Высоковский (пан Зюзя), Юрий Волынцев (пан Спортсмен), Рудольф Рудин (пан Гималайский), Роман Ткачук (пан Владек), Виктор Байков (пан Вотруба)? А кроме них, еще и Екатерина Васильева (пани Эльжбета), Георгий Вицин (пан Одиссей Цыпа), Владимир Долинский (чудаковатый пан Пепичек), Борис Рунге (пан Профессор), Валентина Шарыкина (пани Зося)... — поистине звездный состав задействованных артистов, признанных мастеров юмористической миниатюры.

Передача «Кабачок «13 стульев», актеры, снимающиеся в ней, имели огромную популярность и были любимы народом, а телезрители чаще называли артистов по именам их телевизионных персонажей, нежели по их собственным. Герои сначала становились хорошими знакомыми, а потом и родными. В чем же секрет популярности «Кабачка»? Обычные посиделки в уютном кафе, где и на самом деле было 13 стульев, беседы у барной стойки, добрые шутки милых и чудаковатых персонажей «Кабачка» и популярные песни. Но артисты сумели создать главное, что хотел видеть и ощущать советский зритель, —

атмосферу беззаботности, ощущение легкой и прекрасной жизни и даже некоторой беспечности. Создатели передачи дали зрителю именно то, что он хотел, и зритель искренне полюбил «Кабачок». Спартак Мишулин шутил, что даже если он выйдет из дома голый, босой и без копейки денег, то его пана Директора напоят, накормят и дадут денег практически в каждом доме страны. И он был абсолютно прав.

Передача «Кабачок «13 стульев», конечно, была необыкновенно популярна. После репетиции в театре мы мчались на студию, записывали какие-то фрагменты, а потом спешили обратно в театр. Однажды мы со Спартаком Мишулиным, сыграв утренний спектакль, спешили в «Останкино». Я первый вышел из театра и увидел, что рядом с машиной Спартака в луже лежала кукла — оторвалась от свадебной машины. Привязал ее быстро к бамперу. Спартак прибежал, сел за руль, куклу не заметил. Мы ехали по Москве, и люди показывали на нас пальцами. Спартак, довольный, сказал: «Вот что значит популярность передачи». Я ему поддакнул, хотя на самом деле из-за этой куклы на нас все смотрели как на сумасшедших.

Неотразимый для женщин СССР пан Ведущий «Кабачка «13 стульев»

И все же передачу любила вся страна. Когда мы выходили на сцену в театре, зрительный зал приветствовал нас по именам наших персонажей из «Кабачка»: я — пан Ведущий, Спартак Мишулин — пан Директор. Плучек был очень недоволен и называл нас «кабачкистами». Критическое отношение Валентина

Николаевича к передаче можно понять. Какому режиссеру понравится, когда его артисты из-за съемок опаздывают на спектакль или когда в актере, выходявшем на сцену в серьезной драматически-сатирической роли, зрители изначально видели слегка придурковатого «пана» и в этом качестве бурно его приветствовали. Он нам в глаза говорил, что это пошлейшая передача. Но мы старались относиться к этому спокойно, ведь понимали — он просто ревнует.

Я помню, мы играли пьесу Федора Михайловича Бурлацкого «Бремя решения» — это о Карибском кризисе. Андрей Миронов играл президента Кеннеди, я играл, как ни смешно это может показаться, министра обороны Макнамару, начальника Объединенных штабов армии США играл Спартак Мишулин, и множество других участников «Кабачка» там играло. Конечно, Плучека бесило, когда я выходил на сцену, а зал шептал: «О! Пан Ведущий!» Потом появлялся Спартак Мишулин — в данном случае начальник Объединенных штабов генерал Томас, — а зал шумел: «Ооо! Пан Директор!»

Но Валентин Николаевич извлекал для театра и кое-какие преимущества с помощью нашей популярности. Помню, как-то перед очередным юбилеем Театра сатиры артистов во главе с Плучеком пригласил тогдашний министр культуры Петр Демичев. И вот мы чинно поднимаемся по ступеням министерства. Впереди наш режиссер, за ним остальные. И тут дежурный, приметив артистическую группу, как крикнет: «Товарищ Державин, когда «Кабачок»-то будет?» Валентин Николаевич вмиг изменился в лице. Показывая на Плучека, я прикрыл ладонью рот, мол, тише, тише, не сейчас.

И вот вошли в кабинет к Демичеву. Плучек рассказал, как складывается репертуар, очень интересно поведал о многолетней судьбе театра. И вот в какой-то момент наступила пауза. Демичев внимательно окинул взглядом артистов и вдруг спрашивает: «А когда «Кабачок»-то будет?» Все расхохотались, наступила разрядка. Этот эпизод помог получить для театра какие-то послабления, что было крайне важно в те времена...

От простых телезрителей мы получали письма мешками. Слава передачи опережала развитие телевизионной техники, и, когда по «Орбитам» началась трансляция на далекие регионы, миллионы людей уже знали, что смогут попасть в знаменитый «Кабачок». Зрители нас в основном хвалили, давали дружеские советы, просили спеть ту или иную песню, которую потом стремились записать на магнитофон. Люди дорожили атмосферой «Кабачка». Они ощущали, что в нем тепло и мило.

Как-то Леонид Ильич приехал на Останкинскую студию, где

снималась передача. Я переодеваюсь, и вдруг меня кто-то из коллег толкает: «Пойди и погляди, какие гости!» Я вышел, смотрю: стоит толпа. А в центре ее — Брежнев. И вдруг слышу: «Леонид Ильич, а какие у вас любимые передачи?» Он отвечает: «Программа «Время», спортивные программы...» И вдруг увидел меня (а я в костюме пана Ведущего, в гриме) и добавил: «И «Кабачок «13 стульев!»» После этих его слов, несмотря на разного рода трудности, мы продержались еще немало лет...

Каждый выпуск перед записью мы сдавали комиссии из 10 человек. Мы шутили, пели, танцевали, а перед нами сидели люди с постными, мрачными лицами. Когда заканчивалась эта экзекуция и мы с не менее мрачными лицами выходили из павильона, Зелинский каждый раз кричал нам вслед: «Веселее!»

Как мы репетировали? Помнится, каждый выпуск — по месяцу-полтора. Когда начинали, электронного-то монтажа не было. Работали по секундомеру, тютелька в тютельку. К тому же запись должна была заканчиваться незадолго до начала вечернего спектакля в театре. Цейтнот создавал и нервные, и комические ситуации, когда мы лихорадочно украдкой поглядывали на часы, а Зелинский, выглядывая из-за камеры, со страшным выражением лица зловещим шепотом призывал: «Веселей, еще веселей!..»

А веселиться можно было только в рамках сценарного текста. Импровизации исключались: цензура не дремала. Но интонации, мимика, жест — это было в нашем подчинении. И многим из нас, наверно, казалось, что мы ловко обходим цензоров вокруг пальца, намекая чисто актерскими средствами на те пороки и политические типажи, которых авторы миниатюр вовсе не имели в виду. Впрочем, некоторые как раз имели. Но это проявилось позже, когда польских журналов стало не хватать, и все чаще использовали миниатюры и рассказы наших сатириков и юмористов...

По мнению уже постсоветских обозревателей, «каждая программа была отражением нашей жизни того времени в миниатюре». Так, в пане Спортсмене многие, как в зеркале, видели советских спортивных горе-чиновников, бывших когда-то образцово-показательными спортсменами. А любимый народом пан Директор идеально отражал советскую номенклатуру, которая «была и не злая, и не добрая» и иногда была способна и «поруководить». Одежды пани Моники были для многих советских женщин единственным окошком в мир далекой и загадочной моды. «Кабачок» смело можно назвать и «первыми ритмами зарубежной эстрады» на советском телевидении: в этой программе впервые прозвучали не только ведущие артисты польской эстрады (Анна Герман), но и песни Мирей Матье и Тома

Джонса. Поэтому пана Ведущего в многочисленных письмах вежливо просили «не заниматься переводами текстов», а дать возможность без помех записать песню на магнитофон. Кстати, в первых выпусках «Кабачка» его посещали вживую звезды — та же Анна Герман, Барбара Брыльска и другие, но потом все выступления заменила фонограмма. Актеры лишь открывали рот, иногда попадая не в такт, — часто новую песню, которую им приходилось «исполнять», они слушали перед самым эфиром.

Когда мы выходили на сцену в спектаклях Театра сатиры, особенно на гастролях, по залу прокатывалось: «Ой, ведь это пан Директор, пани Моника, пан Ведущий!» Валентин Николаевич Плучек говорил, что это пошлость, что актеры зарабатывают себе дешевую популярность. Но по сравнению с современными юмористическими программами наш «Кабачок» выглядит вполне достойно. Что же касается популярности, то что в ней плохого? Когда я сейчас иду по Арбату и у меня берут автографы, просят разрешения со мной сфотографировать своих детей, то я вспоминаю себя — маленького Мишу, который жил в актерском доме и с восторгом смотрел на людей, его окружавших.

Когда «Кабачок» закрыли, мы даже не пытались что-то выяснить наверху — ведь там всегда были знатоки объяснить ситуацию. Его просто не возобновили на следующий месяц без объяснений, несмотря на то, что он входил в число любимых передач Леонида Ильича Брежнева. Но есть такое предположение, что закрытие связано с политическими событиями, которые происходили в Европе в соцлагере. Тогда случились какие-то волнения в Польше, профсоюз «Солидарность» начал забастовки докеров Гданьска, грозившие перерасти во всеобщие волнения. Кстати, кое-что мы узнавали раньше других. Вдруг нам говорили цензоры: «Не надо упоминать в миниатюре про студентов». А через несколько дней в газетах печатали, что произошло студенческое восстание где-то в Варшаве... Одним словом, польская тема сделалась крайне болезненной. «Кабачок», конечно, не касался политики, но есть такое слово «аллюзия» — говоришь об одном, а зритель думает о другом. И если люди Леха Валенсы требовали выборности заводского руководства, то всякие шутки над паном Директором выглядели прозрачным намеком. В общем, в 1980 году председатель Гостелерадио Мамедов распорядился закрыть «Кабачок», как было сказано, «до лучших времен». Они так и не наступили. Декорации распилили на дрова, а все тринадцать стульев «Кабачка» растащили по студиям...

Александр Белявский — пан Ведущий.
Андрей Миронов — пан Ведущий.
Михаил Державин — пан Ведущий.
Даниил Каданов — пан Директор.
Спартак Мишулин — пан Директор.
Виктор Байков — пан Вотруба (счетовод).
Валентина Шарыкина — пани Зося (первая официантка кабачка).

Ела Санько — пани Ванда (вторая официантка кабачка).
Евгений Кузнецов — пан Юзеф (первый бармен кабачка).
Владимир Козел — пан Беспальчик (второй бармен кабачка).
Ольга Аросева — пани Моника.
Борис Рунге — пан Профессор (старый знакомый пани Моники).

Ольга Викландт — пани Птушек (заклятая подруга пани Моники).

Елена Облеухова — пани Ева (племянница пани Моники).
Зоя Зелинская — пани Тереза.
Роман Ткачук — пан Владек (муж пани Терезы, экономист треста).

Наталья Селезнева — пани Катарина (дочь пана Вотрубы).
Юрий Волынцев — пан Спортсмен (жених пани Катарины).
Виктория Лепко — пани Каролинка (дочь пани Птушек).
Виктор Зозулин — пан Анджей (муж пани Каролинки).
Ирина Азер — пани Ольгица (дочь пани Моники).
Зиновий Высоковский — пан Зюзя (прозаик).
Рудольф Рудин — пан Гималайский (руководитель трестовского театра).

Владимир Долинский — пан Пепичек.
Владимир Кулик — пан Регулировщик.
Юрий Соковнин — пан Юрек (таксист).
Георгий Вицин — пан Одиссей Цыпа (критик).
Юрий Авшаров — пан Кошон.
Вячеслав Шалевич — пан Поэт.
Нина Корниенко — пани Муза.
Татьяна Пельтцер — пани Ирэна.
Наталья Богунова — пани Гелена.
Виктор Рухманов — пан Изобретатель.
Борис Новиков — пан Специалист.
Георгий Тусузов — пан Пепусевич (руководитель оркестра).
Георгий Менглет — пан Мамонт Маломальский (директор кинообъединения).

Антонина Жмакова — пани Беата (актриса из театра пана Гималайского).

Олег Солюс — пан Пузик (владелец гостиницы в тресте).

Юрий Сагьянц — пан Трепыхальский (страховой агент).

Лилия Юдина — пани Люцина (невеста пана Директора, бывшая цирковая артистка).

Лидия Савченко — пани Марыля (невеста пана Директора).

Екатерина Васильева — пани Эльжбета (жена пана Директора).

Татьяна Жукова-Киртбая — пани Ядвига (сестра пани Эльжбеты).

Георгий Шахет — пан Марек (муж пани Ядвиги).

Готлиб Ронинсон — пан Станислав (дядюшка пани Эльжбеты).

Олег Вавилов — пан Збышек (племянник пана Станислава).

Александр Галевский — пан Войцех (кузен пани Эльжбеты).

Татьяна Горностаева — пани Ева (секретарша пана Директора).

Екатерина Богунова — пани Кристина.

Эдда Урусова — пани Данута.

Инна Ульянова — пани Крапидловская.

Добро пожаловать в «Кабачок»!

* * *

Пани Ирэна: Мне, пожалуйста, банку сардин.

Пани Зося: А вам каких: испанских, португальских или марокканских?

Пани Ирэна: Мне все равно, я не собираюсь с ними разговаривать.

* * *

Пан Руководитель: *«Молодой человек, вас надо бы записать на пластинку, а пластинку разбить!»*

* * *

Пан Директор: Пан Юзеф, чем это вы занимаетесь?

Пан Юзеф: Грущу...

Пан Директор: Так веселее надо грустить, пан Юзеф!

Пауза.

Пан Директор: А чего это вы грустите, пан Юзеф?

Пан Юзеф: Я сегодня должен был встретить свою жену, но в поезде ее не оказалось.

Пан Директор: Боюсь, что она уже дома... Со вчерашнего вечера.

* * *

Пани Тереза: Владек, с некоторых пор ты стал разговаривать во сне!

Пан Владек: Ну вот, уже и во сне поговорить нельзя.

Тереза: Ты говорил о Рошфоре так, как будто бы это вино!

Владек: А разве нет?

Тереза: Конечно, это сыр!

* * *

Пани Тереза (пану Владеку): Дорогой, я сегодня прочитала в газете, что в Африке есть страны, где мужья продают своих жен. Скажи, милый, ты мог бы меня продать?

Пан Владек: Что ты, дорогая, только подарить!

* * *

Пани Зося: О, я вижу у тебя кольцо с бриллиантом.

Пани Катарина: Да, это подарок жениха!

Пани Зося: Постой, он ведь обещал подарить тебе автомобиль?

Пани Катарина: Видимо, он не нашел фальшивого автомобиля.

* * *

Пани Тереза: До свидания, я ухожу. Иду позировать художнику.

Пан Ведущий: А для какой картины?

Пани Тереза: «Клеопатра и змея».

Пан Ведущий: Да? А с кого же он пишет Клеопатру?

* * *

Пан Юрек: Вот, осваиваю, раньше я на барабане играл, а теперь решил на трубу переключиться.

Ведущий: А барабан куда дели?

Юрек: Сменял на автомобиль.

Ведущий: И кто же тот ненормальный?

Юрек: Мой сосед.

* * *

Пан Директор (пану Юреку): *Я хочу вас внедрить в наш оркестр. А то я давно его хочу разогнать, да публика не дает, он пользуется популярностью.*

* * *

Пан Гималайский: *В первом акте вашей душераздирающей драмы есть такой эпизод: «По широкой улице нового микрорайона идет мрачный пережиток прошлого, пьяница и дебошир».*

Пан Зюзя: *Это написано кровью сердца! И — честно скажу — с натуры.*

Пан Гималайский: *В это я верю. Но что он за птица? Когда родился? Где?*

Пан Зюзя: *Когда он родился, я не знаю — было еще темно. Но я твердо знаю, что родился он в сорочке. И потом эту сорочку пропил!*

Пан Гималайский: *А что он делает?*

Пан Зюзя: *Дебоширит и пьянствует!*

Пан Гималайский: *И все?!*

Пан Зюзя: *А вам этого мало?! Знаете, ничего не делать — это тоже надо уметь!*

* * *

Пан Директор: *Да вы у нас вундеркинд, пан Спортсмен. На всех инструментах играли — и на пианино, и на рояле, и на органе. А на скрипке не играет?*

Пан Спортсмен: *А вот со скрипкой, пан Директор, ничего не получилось.*

Пан Директор: *Это почему же?*

Пан Спортсмен: Она маленькая, покатая. Карты с нее соскальзывают.

* * *

Пан Профессор: Видите ли, пан Директор, употребление иностранных слов — дело счастливого случая. Иногда удастся сказать верно!

* * *

Избранные афоризмы «Кабачка»:

Кто работает на совесть, а кто и на другого заказчика.

Чем давать слово, лучше сразу сказать правду.

Берегите женщин! Кто, кроме них, побережет мужчин?

Будьте увереннее — хотя бы в своих сомнениях.

Выходя из себя, оставляйте дверь открытой — чтобы иметь возможность вернуться.

Не будьте одиночками. Делитесь с ближним и своими горестями, и его радостями.

Старайтесь все усложнять, чтобы в результате все оказалось простым, а не упрощать, чтобы в результате все оказалось сложным.

Если хотите, чтобы ваше имя сверкало, — повесьте на дверях медную табличку.

Имейте в виду: если вы не можете найти себя — адресный стол вам не поможет.

Следите, чтобы будущее не прошло мимо вас равнодушно. Это раньше было колесо истории. Сейчас она мчится на четырех!

Если в старом году вы нарушили слово — дайте в новом... другое!

Чтобы вас должным образом оценили — в вашем молчании должен чувствоваться решительный отказ говорить.

Поздравляйте с Новым годом по телефону — так вы избежите орфографических ошибок.

Ей надоело сплетничать об одних и тех же соседях — поэтому она сменила квартиру.

Несмотря на то, что она так долго уверяла мужа, что ей не нужно никакого подарка, — он все-таки забыл ей что-нибудь купить.

В среднем все часы на улицах города показывают совершенно

точное время.

Он считает, что неплохо разбирается в музыке, поскольку ничего не смыслит в живописи.

— После вашего спектакля я не смогла уснуть всю ночь!

— Он так сильно взволновал вас?

— Просто я прекрасно выспалась в зрительном зале.

Переходный возраст у девушки — это когда она удивляется, как у такой глупой матери могла появиться такая умная дочь.

Их семейные ссоры всегда заканчиваются боевой ничьей.

Правду говорить выгодно — по крайней мере, не нужно помнить, что ты говорил раньше.

Старается не думать о том, что думают о нем товарищи по работе: знает, что это приводит к одиночеству.

Глупости говорить можно. Но не торжественным тоном!

Попробуй, докажи, что ты не верблюд.

Он ходит на службу с портфелем, а говорит, что несет тяжелый крест.

В последнее время переживает трагедию: ненавидит без взаимности.

Обладает удивительным свойством: как бы ни был завален работой, ему всегда удается ее развалить.

Не люблю повторять сплетни, но что с ними еще делать?

Трех вещей нельзя прощать женщине. Правда, никто не знает каких.

Крайне осторожный человек, ничего не берет на свою ответственность, даже когда говорит, что Земля вращается — обязательно добавляет: «По словам Коперника».

Усилиями «Кабачка»

Уже после того, как передача перестала существовать, Валентин Николаевич Плучек поставил спектакль «Бремя решений» по пьесе Федора Бурлацкого о Карибском кризисе. Джона Кеннеди играл Андрей Миронов. Я играл министра обороны Роберта Макнамару, Шура Ширвиндт — пресс-секретаря Белого дома Пьера Сэлинджера, Спартак Мишулин — генерала Максвелла Тэйлора. Играли мы все в костюмах болгарского пошива и обуви венгерского производства. У Спартак Мишулина

был небольшой монолог — рапорт Президенту США. Текст очень простой: «На 16-е число назначена бомбардировка Кубы» и так далее. Но он не мог выговорить слово «бомбардировка». Он говорил то «брамбардировка», то «бырбырдировка». В зале смеялись, с нами вообще случалась истерика, и дальше играть было просто невозможно. Андрей — Джон Кеннеди — всегда на него очень сердился: «Ну, ты можешь в конце концов четко сказать «бомбардировка»! Напиши текст и просто читай свой отчет по бумажке!» И вот Спартак написал свой текст, но почему-то в обыкновенной школьной тетрадке, зелененькой такой, в клеточку, за две копейки. Свернул ее в рулончик и вышел на сцену. Подошло время его монолога, а генерал Тейлор все никак не мог развернуть эту тетрадку, она все время опять в рулончик сворачивалась. Он бросил эту возню с тетрадкой и четко так произнес: «На 16-е число назначена...» Мы все напряглись. «...назначен... бомбовый удар по Кубе». И ушел. Мы сразу забыли все свои тексты, Андрей стал растерянно смотреть на свой кабинет. А впереди была очень большая сцена, которую должен был закончить вице-президент Линдон Джонсон — Владимир Ушаков словами: «Я тоже поддерживаю решение президента!» Возникла гробовая тишина. И Андрей почему-то набросился на Ушакова-Джонсона: «Линдон! А вы-то что молчите!» Ушаков растерялся: «А почему я должен что-то говорить, у меня фраза только в конце сцены!» «Члены кабинета» стали давиться от смеха, зрители сидели в полном недоумении. С очень большим трудом мы как-то выкрутились и быстренько свернули эту сцену. На следующий день один критик написал в газете: «Вчера усилиями «Кабачка «13 стульев» был предотвращен бомбовый удар по Кубе».

Глава пятая

Роксана

Джезказган

Была такая программа на радио много-много лет, называлась она «После полуночи», я ее вел. В этой передаче я рассказывал о молодых эстрадных исполнителях, и часто мне попадалось завораживающее какой-то особенной своей энергетикой и музыкальностью имя — Роксана Бабаян. Ведь зачастую при записи передачи я не слышал исполнителей и записывал только свой текст, а режиссер потом при монтаже уже вставлял нужные фонограммы песен. И только у себя на даче, включив приемник, я услышал — такую-то песню поет Роксана Бабаян. Мне так понравилась песня! Потом еще несколько раз услышал Роксану в разных передачах. Но с ней лично долго не был знаком. Слышал от друзей, что интересная певица, участвовала в музыкальных конкурсах, побеждала, а по телевидению мне как-то все не удавалось на нее взглянуть.

И вот однажды в один прекрасный день во время отпуска я полетел на концерты в Джезказган на тамошний День города. Группа артистов театра, кино, эстрады собралась утром в аэропорту Домодедово, и я обратил внимание на стройную черноволосую девушку в больших затемненных очках, с сумочкой, в джинсовом костюме. А надо сказать, что у меня какое-то пристрастие к черненьким. Наверное, потому, что я сам светленький. Знаете, по принципу притяжения противоположностей. А потом Вадим Тонков (наша замечательная старушка Маврикиевна) и Борис Владимиров (знаменитая Авдотья Никитична и мой зять — муж моей младшей сестры Тани) нас познакомили, сказали, что «это певица Роксаночка Бабаян, наша любимица». Я говорю: «Ну, так я же вас давно знаю!» Она тоже: «И я вас давно знаю, видела в спектаклях, и в кино, и в «Кабачке «13 стульев!»» Так и разговорились.

Мы летели до Караганды, а от Караганды пилили до Джезказгана на поезде, сколько там часов, уже не вспомнить. Там нас встретил совершенно комедийный персонаж, очень маленького роста, но невероятного апломба человечек с вечной сигаркой вместо двух отсутствующих зубов, которую он нервно курил. Оказалось, администратор Театра киноактера. Он поселил нас в отель и тут же куда-то исчез. И полная тишина на десять

дней. Трехразовое питание, никто нас не беспокоит. Никаких начальников и никаких концертов... Представляете, сто пятьдесят человек, включая народных и заслуженных артистов, звезд кино и театра, туда приехало.

После оказалось, что это была просто какая-то «химия», придуманная местными великими комбинаторами, даже непонятно кем, концов, конечно, не найдешь. В итоге целых десять дней мы были предоставлены самим себе. Нас неплохо кормили-поили. Потом все-таки был проведен один концерт в каком-то кинотеатре человек на триста. Но мы были не в обиде — все это время в нашей артистической компании царило такое веселье, мы сдружились все невероятно, порассказали друг другу сотни баек, анекдотов, да и выпито было немало. Ночами ходили купаться на какое-то роскошное озеро. За эти пустые, казалось бы, дни в Джекказгане сложилось абсолютное братство брошенных артистов.

В итоге этот человечек с сигаркой вместо зубов, хоть и появлялся еще пару раз, так денег никому и не заплатил! Два раза он замечен был нами в кустах возле гостиницы, чуть не пойман, но... чуть не считается. При каждой нашей попытке его изловить он молниеносно скрывался.

Зато (после единственного нашего концерта) нам устроили банкет. Там, естественно, присутствовали все местные начальники.

Одна дама, не могу сейчас припомнить, какой она занимала пост, сидела в самом центре. Явно какая-то большая начальница, и как дама тоже очень крупная. Да еще в белой кофте. Размер, наверное, 58-й, колоссальная грудь. И огромная хала на голове. Все в отношении этой дамы очень услужливы и обходительны...

А над ней — на стенке — этакое ажурное крепление, металлическое, к нему были подвешены горшочки с цветами.

И вот все мы сидим, едим, произносим тосты, местные нам что-то о городе своем рассказывают, снова тосты, выпивание... А у Бори Владимирова была одна особенность, кстати, нередко встречающаяся на Руси. Он, если выпил, обязательно должен был как-то проявиться, что-то яркое сделать.

Боря и так уже, поглядывая на эту начальницу, с самого начала банкета все повторял: «Какая женщина! Какая женщина!..», а после очередного тоста он просто встал и отправился к ней. Встал на одно колено и замечательным баритоном запел: «Руки — вы две большие птицы...» При этом он взмахнул рукой, видимо, показывая, какие примерно бывают еще руки-птицы, ишибанул по этому ажурному креплению так, что горшок с цветами грохнулся ей точно в халу на голове.

У всего застолья просто началась истерика, все тряслось от хохота. Роксаночка просто сползла под стол. Абсолютно чаплинская ситуация!

Боря красный от стыда... Потом он говорил, что как чувствовал: чем-то таким и должна была завершиться вся эта наша идиотская гастроль!

Но для нас с Роксаной гастроль эта оказалась совсем не идиотской, а, напротив, судьбоносной, и ее завершение дарило мне чудесные надежды... Я был уже влюблен в Роксану безоглядно. Всячески старался проявить себя — и надо сказать, делал это с большим успехом, чем Боря Владимиров перед джезказганской дамой.

Говорит Роксана Бабаян:

«Когда мы летели обратно в Москву, у Михал Михалыча был просто сольный концерт. Самолет сотрясаясь от нашего смеха... Я еще раз убедилась, что у него просто фантастическая способность импровизации, легкости и точности стиля. Самолет дрожал так, что летчики к нам выходили из кабины: «Ну, ребят, нам надо вести самолет, а мы просто обзавидовались».

Вот так вот мы с Мишей и познакомились. Так совпало, что и у него прежние отношения были уже на излете, и у меня.

Думаю о нем?

Конечно, перед этим приятным событием мне самой еще пришлось развестись. Но я сделала это мгновенно. Так как и ко мне, и к Михал Михалычу в ЗАГСах отнеслись с пониманием».

Снова слово берет Михаил Михайлович:

«Кажется, Роксана была несколько изумлена той скоростью, с которой я сделал ей предложение, да и сам я не ожидал от себя такой прыти. Как и никто, даже мой ближайший друг Александр Анатольевич Ширвиндт. Помню, уже после возвращения Роксаны я сказал ему: мол, знаешь, Шура, случилась со мной необыкновенная вещь — любовь. «Ну что ж, — говорит он, — давай устраивать смотрины!» И вот на его знаменитом громадном, утопающем в цветах балконе, который больше, чем квартира, и где у нас отмечались всякие торжества, Шура устроил очередной прием, придумав какой-то смешной повод. Пришли и Эльдар Рязанов, и Зиновий Гердт, и Андрюша Миронов, и многие другие, в том числе и мы с Роксаной. Шутили, выпивали, а в середине вечера Шура отозвал меня и говорит: «Надо брать!»

Совместную жизнь начали буквально с нуля. Пока у нас не было своей квартиры, мы с Роксаночкой жили у моей мамы. Поначалу Роксана пыталась настоять на том, чтобы нам снять отдельную квартиру. Но с мамой трудно было спорить — сказано, будете жить у меня, значит, будете жить у меня. И мы прожили год в двухкомнатной родительской квартирке. Потом получили и свою жилплощадь. Сегодня живем в доме на улице Вахтангова, построили дом в Еськино. Строились долго...»

Снова говорит Роксана Бабаян:

«Наш дом это в полном смысле «каша из топора». Когда-то нам по благу удалось купить страшный, серо-пегого цвета дощатый дом. Жить в этом ужасе было нельзя. Стали обустраивать его со всех сторон. Первое, что надо было сделать, — обложить дом кирпичом. А кирпича не достать. Это

было самое начало девяностых. Мы приехали в Алексино на кирпичный завод — это рядом. Жуткая очередь, машины стоят ночами. Мы сразу прошли к начальству, на которое улыбка Михал Михалыча произвела свое обычное неотразимое действие. Директор попросил Мишу пройти в один из цехов: «Вас встретит там главный прораб, я сейчас ему позвоню, вы с ним обо всем договоритесь, и вам привезут кирпич». Миша отправился в цех, а я осталась у начальства, чтобы высчитать приблизительное число кирпичей, которое нам было нужно. Вот когда пригодилось наконец мое образование инженера-строителя.

Тем временем Миша встречался с главным человеком в цехе, производившим кирпич. Вернулся он уже вместе с ним — оба хохочут. Оказывается, когда Михал Михалыч вошел в этот цех и начал объяснять людям, зачем он туда пришел, к нему подошел маленький человек и сказал:

— Бабаян!

— Нет, — замотал головой Миша, подумав, что произошла путаница с нашими фамилиями во время звонка от дирекции. — Я — Державин.

А человечек опять за свое:

— Нет! Это я Бабаян!

И этот Бабаян нам не просто кирпичи доставил, а каждый блок кирпичей был упакован в целлофан, ни один кирпичик не был поломан, вот что значит Бабаян-блат.

В результате множества подобных приключений нам удалось построить дом в то непростое время. В еще недостроенном доме встречали и новогодние праздники, и принимали гостей, заводили домашних животных — сначала кошку, потом и собаку. Этот дом сразу стал местом нашего отдохновения от городских хлопот».

Вновь слово Михал Михалычу:

«Как-то знаменитый конференсье Лев Шемелов, выходец из Баку, сказал мне: «Ты женился на армянке, это потрясающие жены! Ты поймешь это, когда заболеешь. Они так ухаживают!» Я, к счастью, редко болею, но когда это случается, то, действительно, Роксана проявляет максимум заботы.

У меня были жены разных национальностей, но должен сказать, что именно восточным женщинам, кроме необыкновенного темперамента, и гражданского, и женского, присуща какая-то особая нежность. Чехов как-то сказал о такой женщине: «Это не женщина, это петарда!» Очень подходит к Роксане. При всей строгости, детальной осмысленности всех

своих действий, у нее очень горячая натура, если она за что-то берется, то бросается в дело, как в бой. Она — идеальное воплощение моих представлений о восточной женщине.

А самый домашний, уютный зритель — в Ереване. Когда мы во время совместных гастролей гуляли с Роксаной по ереванским улицам, меня называли «наш армянский зять». А недавно мне на глаза попала книга «Люди, которые или замужем за армянами, или женаты на армянках», и моя фамилия там тоже фигурирует.

Из армян я был дружен с Грачиком Капляняном. Будучи еще совершенно молодым актером, вместе с Шурой Ширвиндтом играл в спектакле, который Каплянян ставил в Театре Ленинского комсомола.

Дружил (правда, мы нечасто виделись) с Леней Енгибаровым. Со мной как-то произошла поразительная история. Это было в начале 60-х. Я снимался в Киеве в кинофильме «Сон». И одна художница, жена оператора картины, пригласила меня к себе домой на настоящие украинские вареники.

И вот я прихожу, поднимаюсь на нужный этаж, нажимаю кнопку звонка и замечаю, что дверь приоткрыта. В прихожей возятся какие-то люди, выясняется, что вырубili свет, и мастера работают. Я вхожу — полутемная комната, стол с яствами, зелень, вкусно пахнет, на столе горят свечи в подсвечниках, все очень красиво. Хозяйева меня ласково принимают: «Пожалуйста, проходи, садись вот сюда. Ничего, в темноте не в обиде, а чтоб не было скучно, послушай скрипичный концерт». И вот в полумраке в комнату входят две фигуры. Я вижу, что ни у кого в руках нет никакой скрипки, а только линейка и палочка. Один из них подкладывает линейку под подбородок и палочкой в темноте, при свечах начинает водить по этой линейке, а второй, такой широковатый, приземистый, открывает створку старинного шкафа из красного дерева, и эта створка издает страшный скрипучий звук. И тут я понимаю, что все это какая-то мистификация. Вдруг зажигается свет, и я вижу: у створки стоит Сережа Параджанов, а на этой линейке играет Леня Енгибаров. Вот такой был потрясающий номер. Получилось так виртуозно и запомнилось на всю жизнь!

Театром Вахтангова одно время руководил Рубен Николаевич Симонов. Я помню один из грандиознейших спектаклей, в котором Сирано де Бержерака играл Симонов, а Роксану — Цецилия Львовна Мансурова. И вот как-то много лет спустя, узнав, что я женился на Роксане Бабаян, сын Рубена Николаевича — Евгений — сказал: «Слушай, ты совершил вахтанговский поступок. Во-первых, ты женился на армянке, во-вторых, ты откопал вахтанговское имя — Роксана, одна из самых знаменитых

героинь вахтанговских спектаклей, к тому же у нее совершенно потрясающее отчество — Рубеновна!»

Роксана и Михаил. 1990-е

С театром я был много раз в Ереване, где всегда с успехом проходили наши спектакли. После того как произошло катастрофическое землетрясение в декабре 1988-го в Спитаке, в котором погибло по меньшей мере 25 тысяч человек, вышла из строя чуть ли не половина промышленного потенциала Армянской ССР, и все по мере сил тогда пытались Армении помочь, мы тоже решили внести свой посильный вклад — провести благотворительные концерты для Фонда помощи жертвам землетрясения. Подтянули и состыковали все свои графики и поехали работать в Ереван, в другие города, даже в Спитак. В огромном ереванском Дворце спорта, расположенном на высокой горе, сыграли около десяти концертов. Были там Шура Ширвиндт, я, Роксана, Володя Матецкий, Михаил Шабров... Именно в это время Матецкий с Шабровым написали для Роксаны песню «Ереван — это больше, чем город». Как это пронзительно звучало в тот момент. Были организованы телемосты с зарубежьем. Мы старались хоть как-то поднять людям настроение, поддержать их, отвлечь, как это делали наши предшественники, артисты театров, во время войны.

В Спитак мы поехали с Шурой, Володей и Мишей, Роксану уже не взяли с собой. Зная, как близко к сердцу она принимает чужую боль, мы решили ее побережь. Она оставалась в Ереване.

Мы видели, как разбирали страшные завалы, доставали погибших и полуживых людей... Вернулись в Ереван совершенно потерянные. Такой это был ужас.

Но это было время необыкновенного единения народов, по которому так мы скучаем и ностальгируем сегодня. Мы все были одной большой семьей, все советские республики сплотились, чтобы помочь Армении, которую постигла страшная беда. Возможны ли подобное единство и бескорыстная взаимопомощь сегодня? Трудно сказать, хотя и очень хочется верить в то, что мы не растратили еще ту нашу братскую любовь, несмотря на разделившие нас границы».

Говорит Роксана Бабаян:

«Мне повезло с первого дня жизни: моя мама — композитор. С детства, еще совсем крохой, сколько себя помню, я пела. Накидывала на себя скатерть с красивой бахромой, вставляла на подоконник... У нас были огромные окна, выходящие на замечательный сквер, по которому всегда гуляли люди — главным образом девушки, юноши. И когда мамы не было дома и я оставалась вечером одна, я открывала наши широкие высокие окна, взбиралась на подоконник и пела. Арию Чио-Чио-сан, Тоску... Я знала все эти вещи. Мама — блистательная певица и композитор. И я все время словно жила в образе. Музыка была моей естественной средой.

Но рядом с нашим домом находилось здание консерватории, и оттуда зачастую неслись такие звуки, что одолевали сомнения — стоит ли мне выбирать этот жизненный путь. А в семнадцать лет у меня, увы, не было такого голоса, по которому можно было бы понять, что человек этот стопроцентно создан для большой сцены. Но, учитывая то, что желание петь у меня было, мама все-таки повела меня к знаменитому профессору. Договорилась с ним о моем индивидуальном прослушивании. Профессор после этого сказал моей маме: «Седочка, ну что ты? Какая она певица? Да у нее нет ни голоса, ни...» Дальше не будем продолжать. Он меня обидел.

После этого совершенно смиренно приняла решение отца отправить меня учиться на инженера — на факультет промышленно-гражданского строительства в ТашиИТ (Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта). Сегодня я уже не слишком расстраиваюсь по этому поводу, так как огромное количество состоявшихся музыкантов в Москве — моих друзей — и Володя Матецкий, и Слава Малешик, и мн. др. по первому образованию были инженерами.

Впрочем, уже к концу первого курса я отчетливо понимала, что мое призвание — музыка. Уже на первом семестре, сидя в лекционном зале, я смотрела в окно и думала: что я здесь делаю?

Только когда я начала петь в эстрадном оркестре ТашиИТА, все встало на свои места. Мы даже зарабатывали своей музыкой деньги — на свадьбах, на институтских вечерах и на других мероприятиях. А на первомайских демонстрациях, идя впереди всех, я даже была в литавры. Начала писать свои песни...

Когда приехал Эдди Рознер, я упросила маму отвести меня к нему. В то время я уже писала диплом по архитектуре, и, прослушав меня, Эдди Игнатьевич сказал: «Как только защитишься, прилетишь ко мне — прямо в оркестр». Так все это и произошло.

С Эдди Игнатьевичем и его джаз-бендом мы поехали на гастроли во Львов. Мне казалось, что я совершенно не готова к гастролям с таким знаменитым коллективом. Но Рознер буквально вдохнул в меня силы и уверенность в себе. И после единственной репетиции, накануне вечером, я пела во Львове «За окном пляшет снег». «Холера! — удивился Эдди Игнатьевич польски. — Даже не споткнулась!»

Затем мы поехали в Кисловодск, и случилось так, что мой папа именно в это время приехал в Кисловодск отдыхать. (Папа был уже в разводе с мамой, у него была уже своя семья.) И в афише джаз-бенда Рознера папа вдруг прочитывает мое имя! А у него, видимо, к тому времени уже и душа успокоилась насчет меня —

диплом дочка защитила, вышла в жизнь «верной дорогой». И вдруг такой сюрприз! Папа бросился в отель, где мы остановились, устроил Рознеру скандал. А Эдди Игнатьевич в ответ ему совершенно спокойно сказал: «Если вы отказываетесь от своей дочки, я ее удочерю». Папа был в шоке.

А у меня же распределение! Я же архитектор в архитектурной мастерской ГИПРОТРАНСа, я обязана была там отработать три года.

Какие это люди были, Эдди Рознер, Константин Орбелян, — они молодым делали судьбу!

И когда к нам приехал Константин Орбелян, которого мама тоже знала, с Государственным эстрадным оркестром Армении, мама повела меня к нему. И «Котик» меня сразу взял! (Конечно же, снова в тайне от папы.) Я была ошеломлена и счастлива.

Войдя в мое положение, зная, что папа буквально меня принудил к этой профессии, меня отпустили из архитектурной мастерской, дали открепительное удостоверение в большую неведомую жизнь.

Роксана — в своем «звездном полете». Запись новой песни «Курс на Забвение». Александр «ЧаЧа» Иванов (группа НАИВ)

И я отправилась с оркестром Орбеляна в Ереван, и вскоре вышла замуж за музыканта нашего оркестра.

Почти пять лет с оркестром Орбеляна я гастролировала по нашей стране и за рубежом, в Европе, Африке. Репертуар

разнообразный: национальные мелодии, джаз, поп-арт, оригинальные аранжировки классики... Старалась испытать себя во всех жанрах.

В 1976 году — на международном конкурсе в Дрездене получила первую премию и Специальный приз жюри. Тогда я пела «Дождь» Игоря Гранова, руководителя «Голубых гитар», с которыми в тот момент выступала.

Затем стала петь с собственным ансамблем, которым руководил Эдуард Едигаров. Участвовала в международных концертных программах (например, первый мой сольный концерт состоялся на Кубе), записывалась на радио, телевидении, выиграла конкурс «Премия Народа» (г. Гавана) Куба.

Центральное телевидение записало получасовую передачу «Поет Роксана Бабаян». Это был плод сотрудничества с «Мелодией» и ансамблем Георгия Гараняна. Принимала участие в концертах эстрадно-симфонических оркестров под управлением Александра Михайлова и народного артиста СССР Юрия Силантьева.

Но вот что еще примечательно для того этапа моей жизни, когда мы встретились с Мишей. В тот день, прилетев из Братиславы, я узнала, что на следующий день рано утром вылетаю в город Дзезказган для выступления перед шахтерами. Там и состоялась моя встреча с МихМихом, определившая всю мою дальнейшую судьбу. Наше положение облегчалось тем, что и Миша, и я были уже практически в состоянии развода.

С детства меня сопровождало желание что-то изменить в жизни, пойти по новому пути, попробовать себя в разных направлениях и профильно близких профессиях.

Тогда, при театроведческом факультете ГИТИСа, открылось административно-экономическое отделение. Там начали готовить продюсеров. Тогда они назывались, конечно же, не продюсерами, а директорами театров, главными администраторами и так далее. Учитывая, что у меня уже было высшее техническое образование, я хотела просто уйти в административную работу в области театра. А театром я всегда была увлечена.

Перед выходом на сцену

Тогда я уже писала диплом — по десяти театрам города Москвы. Делала подборку репертуара и его всестороннюю характеристику. Тема диплома звучала так: «Зависимость посещаемости от репертуарной политики театра». Это была довольно кропотливая работа.

Мой руководитель диплома, бывший вахтанговец, профессор

Михаил Сергеевич Зилов, очень многому меня научил. Не будет преувеличением сказать, что Зилов «драл три шкуры» со своих студентов, в общем, сачковать не приходилось. Поэтому, когда мы встретились с Мишей, я смотрела на него и на все то, что было связано с ним в театре, глазами человека, отчасти погруженного уже в специфическую театральную среду и причастного, как мне хотелось верить, великому таинству театрального искусства. Во всяком случае, мне уже были ведомы многие тонкости организации этого невероятно интересного мира.

Поэтому в общении с Мишей у нас невольно возникали общие темы. В его мире я уже как бы чуть-чуть присутствовала изнутри. Мы разговаривали на одном языке. При этом Миша меня многому еще и доучил. Вскоре я уже смотрела на театр и все связанные с ним вопросы, которые мне приходилось изучать, словно Мишиными мудрыми и добрыми глазами. Поэтому работа над дипломом, несмотря на всю ее трудоемкость и высочайшую требовательность Зилова, стала для меня чудесным праздником.

Когда я защищала диплом, мы уже были женаты с Мишей. Так как нашими преподавателями были директора московских театров, после защиты у меня был даже выбор — в какой театр пойти работать. Сначала администратором, и дальше — по всем ступенькам иерархической лестницы.

Но к этому времени, уже став Мишиной женой, я понимала, что театральное администрирование — все-таки не мой конь. Конь красивый, белый, с пушистым хвостом, но не мой. Без музыки, без сцены я не смогу.

Тогда-то невероятно приятным открытием для меня стало, что Миша стоически терпит все мои «зигзаги судьбы». Никогда не брюзжит «зачем тебе это надо...» и так далее, не хочет развернуть в другую сторону. Только поддержка, только его крепкое плечо во всех житейских и профессиональных ситуациях. И искренняя радость всем моим удачам.

В загородном доме

* * *

За годы семейной жизни я пришла к важному выводу. Женщина выходит замуж не за мужчину, а за всю его семью. Да, собственно, и мужчина тоже женится на всей семье. И лучше это понимать сразу, быть к этому готовой, тогда и адаптироваться легче. Мне поначалу нелегко было к этому привыкнуть. Если бы я понимала то, что знаю сейчас, с самого начала, многих ошибок можно было избежать. Дело в том, что для Миши его семья всегда была очень важна. Оставшись рано единственным мужчиной в доме, он всю жизнь испытывал гиперответственность перед мамой и двумя сестрами. Они все крепко связаны друг с другом, словно приросшие. Я понимаю: с одной стороны, это крайне важно, но с другой — не всегда оправданно. Мне все-таки кажется, что каждый должен жить своей жизнью. Тем не менее, пусть и не сразу, но я поняла, что мне надо принять тот образ жизни, к которому привык Миша. К счастью, с Мишиными родными у нас сложились хорошие отношения.

МихМих даже седеет красиво и весело

...Я благодарна Мише и за всегдашнюю его поддержку, и за сорадование, и за переживание на всех взлетах и изломах моей музыкальной карьеры, и за то, что МихМих понял меня, когда в 1997 году я решила сделать паузу, многое переосмыслить — резко, в один день. Многие тогда считали, что я сошла с ума, уходя на пике карьеры: у меня же концерты были расписаны на полгода вперед. Но я поняла: наступает другое время, звучит другая музыка, на телевидении начинают действовать другие условия игры... Это был самый тяжелый период в моей жизни. Ведь я с детства пела и знала: сцена — это моя жизнь.

И вот через двадцать лет в один день я прикрыла эту страницу и оказалась в вакууме... Уход из профессии помогли пережить новые дела: я получала образование психолога, закончила Московский городской педагогический университет и параллельно с головой ушла в создание Российской лиги защиты животных. Стала телеведущей — на ОРТ вела «Завтрак с Роксаной», работала в программе «Сегоднячко» на НТВ, снималась в кино. А потом «дебютировала» в театре в очень успешном и громком спектакле «Ханума»...

Как-то раз приехали мы в Израиль с Мишей и Александром Анатольевичем — мы иногда ездили вместе: в одном отделении я с сольной музыкальной программой, в другом — они с юмористическими миниатюрами. И всегда это проходило очень весело и ярко. Так вот, концерт в Иерусалиме. Жара дикая, но

огромная толпа народу стоит у входа в зал — встречает.

Администратор неожиданно говорит: «Вы обязательно должны сыграть «Суфлера»!» А эту безумно смешную пародийную сценку на троих, называвшуюся «Суфлер, или Женитьба (почти по Гоголю)», где Суфлер подсказывал текст не знающим роли актерам, блистательно разыгрывали Державин, Менглет и Мишулин. Ее все время показывали по телевизору. И всегда в ней участвовали трое мужчин.

Шура говорит: «Простите, но мы не можем ее здесь играть — у нас же нет Суфлера». Но устроитель тверд как камень, настаивает категорично. Шурик вздыхает: «Мы должны это обдумать». Заходим в гримерку, и он с порога обращается ко мне: «Так, решено: Суфлера будешь играть ты!» У меня глаза полезли на лоб: «Шурик, ты в своем уме?! Мало того, что я певица, в театре никогда в жизни не играла, так в сценке еще должны быть заняты трое мужчин, о чем всем известно, а я все-таки женщина». — «Ничего, разберемся, все будет в порядке, я все оформлю, — заверил Шура. — Читай пока текст...»

Выйдя к зрителям, он сказал: «Сейчас мы вам представим миниатюру «Суфлер», которую приготовили специально для вас. Это наш сюрприз. (Аплодисменты.) Конечно же, вам известно, что роль Суфлера обычно играет мужчина, однако, покопавшись в архивах, мы выяснили, что именно в Иерусалиме впервые Суфлером стала женщина. Ее звали Сара Моисеевна Шлиц! Поэтому у нас сегодня эту роль сыграет Роксаночка Бабаян!» И зал взорвался овациями. Я глаза вытаращила, буквально давлюсь от ужаса и смеха. Какие уж рецепторы включились, что не захохотала в голос, не знаю. Но все-таки «сработала» этого Суфлера. Откуда чего взялось! На адреналине играла... После концерта Шурик говорит: «Ну вот видишь, все получилось. Теперь можешь двигать дальше в этом направлении».

Мы очень много ездили втроем — мое первое отделение, их второе. В финале пели втроем общую песню «Мужчина и женщина», написанную специально для нас Володей Матецким и Михаилом Шабровым. Много ездили и за рубеж — в Канаду, Австралию, Израиль, Германию...

В сущности, мы были независимы — если наши графики совпадали, с огромной радостью ехали куда-то втроем, если нет — по отдельности.

Но я невероятно многому научилась у Миши и Шуры — и за время совместных поездок и посиделок то у нас, то у Таточки (Шуриной жены, которую я очень уважаю и люблю), когда Миша и Шура придумывали и тут же актерски «пробовали» свои юморески, придумывали новые — и все это на импровизациях, полутонах,

тонких психологических штришочках, нюансах интонаций... Вот они пробуют так, сяк, плетут свои «плетухи», и вдруг сцена оживает, начинает искриться, сверкать, мы с Таточкой хохочем уже как сумасшедшие...

У Миши всегда были удивительные, уникальные отношения с Шурой. Несмотря на то великое тепло, которое они чувствуют друг к другу с детства, их отношения всегда были предельно тактичны и деликатны.

Они давали мне такие мастер-классы по части актерской профессии, что я практически на воздушной подушке приземлилась на сцену драматического театра. Хотя, врать не стану, когда получила абсолютно, на мой взгляд, авантюрное предложение — играть главную роль в спектакле «Ханума», чувствовала себя совершенно беспомощной. Здесь надо было все делать по-другому. Полностью менять себя и внешне, и внутренне. Но Миша сказал: «У тебя получится». И постепенно вроде стало получаться...

Кстати, в «Хануме», играя роль подвыпившего князя, МихМих постоянно что-то выдумывал. Половина самых выигрышных реприз — его сочинения. У него к этому настоящий талант. Зал ревел от восторга. Мы с ним вместе сыграли в спектакле «Ханума», выходили на сцену больше 300 раз! Работать на одной сцене с Михал Михалычем — сплошное удовольствие.

А в семейной жизни мы гармонично дополняем друг друга: Миша — лирик, художник и созерцатель, а я — практик с мозгами инженера. Но такой практик, который не устает учиться у художника его великой мудрости! А еще я до сих пор учусь у Миши его тонкому искусству — быть счастливым человеком.

Глава шестая

Держаширвинтов

Григорий Горин когда-то написал, что на самом деле фамилия Державина Державиндт, а Ширвиндта — Ширвинов. Он всегда смеялся над этим. И какое страшное совпадение: в день моего рождения, 15 июня, Гриша умер. Потом мы играли памяти Гриши спектакль «Счастливлцев — Несчастливлцев»...

А про фамилии у нас полно историй. Как-то в один из первых приездов в Нью-Йорк, когда мы гуляли с Шуриком по Бродвею, ко мне подбежал человек: «Мы вас знаем, мы так вас ценим». Потом отвел меня в сторону и говорит: «Только я никак не могу правильно выговорить фамилию вашего друга, товарищ Держинский».

Александр Ширвиндт и Михаил Державин

Обычно всегда коверкают фамилию Ширвиндта, пишут ее без «д» или просто «Ширвин». Один раз горничная в гостинице назвала его Шивердин. А однажды мы выступали в палаточном госпитале для раненых на границе с Афганистаном, и там висело потрясающее объявление: «Сегодня у нас в гостях артисты Московского театра сатиры, народные артисты республики — Дарвин и Равенглот». Видимо, связь была дикая с этим Ашхабадом, и пока художник шел писать гуашью плакат, он окончательно все перепутал.

Всходы «капустного поля»

Это «капустное поле» особого сорта. Речь идет о «капусте», подаренной еще знаменитым Михаилом Семеновичем Щепкиным всем богемным людям. Именно он ввел традицию собирать после спектаклей актеров на посиделки за столом, угощая их домашним капустным пирогом, и проводить время за приятным общением, спорами, чтениями.

Эту «капустную» традицию возродили в XX веке — во время политической «оттепели», когда казалось, что вот он — свежий глоток свободы, вот оно — время какого-то нового слова, хотелось произносить это слово громче и резче, не оглядываясь на последствия от сотрясенного воздуха. Никто еще не знал такого страшного клейма, как «диссидент», никто не уезжал из страны, не оглядываясь на «такую» родину. Думалось, что теперь можно творить, вершить и ваять все, что душе угодно, не опасаясь за свою безопасность. Хотелось немедленно преобразить этот обветшалый и заштампованный мир и собственную серость, расцветить чем-то ярким, радужным. Люди верили, надеялись, были полны энтузиазма, а главное, были молоды, даже обладатели солидного багажа лет и негативного опыта казались вдруг помолодевшими. В домах интеллигенции, и в частности в Московском доме актера, собирались молодые актеры — дети своего времени, которое окрестят шестидесятыми, а тех бесшабашных юнцов — нынешних старцев и старушек — шестидесятниками.

Знаменитый дуэт на одном из концертов

В буфете у знаменитого заведующего по прозвищу Борода подавали все, в том числе и пироги с капустой, но вкуснее они были все-таки несколькими этажами выше, там, где одухотворенная молодежь затевала свои собственные «капустники». Именно на запах тех «пирогов» сходилась вся артистическая элита — выпустить пар, выговориться, сбросить накопленное внутри, но не высказанное, ибо хоть и оттепель, а все ж таки не стоит быть наивным дурачком... И именно оттуда помимо замечательных актеров вышел и наш дуэт с Александром Ширвиндтом.

Мы даже родились с Ширвиндтом в одном роддоме — знаменитом арбатском родильном доме имени Грауэрмана. Правда, я появился на свет двумя годами позже Шурика. А еще через пять лет там же родился Андрюша Миронов. Дом этот и сейчас еще существует, но родильного отделения в нем больше нет. И очень жаль, потому что это был настоящий «актерский дом». Если бы повесили на нем мемориальные доски — просвета на фасаде не осталось бы.

Наши родители знали друг друга по работе. Мама Ширвиндта работала редактором в «Москонцерте», дружила со всеми знаменитыми актерами из МХАТА, Малого театра и театра им. Вахтангова. Она организовывала многочисленные концерты. И их семья тоже жила недалеко от Арбата — в Скатертном переулке, что у Никитских ворот. На первом этаже нашего дома жил Дмитрий Николаевич Журавлев — замечательный чтец, народный

артист СССР, тоже вахтанговец. По традиции праздники отмечали сообща. В семье Журавлевых, где росли две дочери, взрослые устроили детям елку. Шура тут был своим, его родители (папа — замечательный скрипач, о маме уже было сказано) дружили с хозяином. Тот Новый год помню прекрасно. Святослав Рихтер импровизировал на рояле и, представляя нас, спрашивал: «Кто это?» Все хором кричали: «Это — Мишка, а это — Шурка». Так и познакомились. Нина Дорлиак тоже принимала участие в игре, пела с нами, мы танцевали, а потом — пир с домашними пирогами. В нашем творческом дуэте Шура — главный режиссер, а я — главный актер.

«Капустная» закуска — это не эстрадный опыт, а скорее театральная импровизация. Именно благодаря миниатюрному театрику на эстрадной сцене состоялся наш дуэт.

Его история началась, как я уже сказал, с самостоятельных остроумных капустников в стиле веселых обозрений, скетчей, реприз, диалогов и миниатюрных сценок на остросоциальные темы, где полагалось критиковать, смеяться, и шутить без фиги в кармане и о метрополитене как переходе от социализма к коммунизму, и о тук-туке, который всегда со мною, и о стриптизе по-советски, и обо всем таком, после чего люди в сером приглашали общественного директора Дома актера Михаила Ивановича Жарова на ковер, где он и оправдывался, и защищал ребят, искренне сокрушаясь: что я могу поделать, они же дебилы!!! Веселенькое было времечко. Правду говорили вечерами на кухнях при включенном водопроводном кране, а также в Доме актера на пятом этаже. Но зато вырабатывался свой стиль: острота без жестокости и юмор без пошлости — все было на уровне, ибо любой острый удар в режим, власть, по порокам общества должен был быть юмористическим, остроумным, интеллигентным и добрым, иначе он не имел бы смысла. Иначе это была бы простая ворчливая злобная клевета, и за это по головке не погладили бы. А так — весело и культурно и не придерешься, а даже, наоборот, когда приезжал какой-нибудь Сартр или Хикмет, который с трапа самолета тут же возмущался, что, мол, у вас застенок, а не страна, что, мол, слова нельзя сказать, его брали под белы капиталистические рученьки и вели в Дом актера на пятый этаж — вот, смотрите, какие слова кому не дают сказать.

Судьба наша с Ширвиндтом такова, что еще со времен тех капустников мы идем вместе по жизни не только как коллеги, но и как друзья, и только позже сформировались в творческий дуэт двух персонажей-антагонистов. Наша эстрада начиналась еще с театральных подмостков Ленкома, где я играл чаще всего

голубоглазого блондинчика — положительного комсомольца с озаренным лицом в стиле «Будь готов» и полубезумным идейным взглядом а-ля «Всегда готов», а Ширвиндт вечно был антиподом этого героя — асоциальным ненадежным типом, слащавеньким таким пошляком и циником-прохиндеем. Классический контраст двух противоположностей, сошедшихся в прочном единстве нового творческого пути конца 50-х — начала 60-х и освоивших далекое светлое будущее до начала XXI века. Один — скептик с сарказмом, другой — простака с наивными идеалами. Таковыми были наши Счастливец и Несчастливцев, написанные позже Григорием Гориным специально под наше амплуа, такими являются Орнифль и Маштю, а также Думающий о России и Американец из «Привета от Цюрупы».

Фазиль Искандер

Привет от Цюрупы!

Театральная фантазия Сергея Коковкина

by Fazil Iskander

Hi From Tzurypa!

Theatre Fantasy by Sergey Kokovkin

Афиша спектакля «Привет от Цюрупы» (1999)

Театр нас связал и вел. Сначала это был Ленком, потом на Малой Бронной и, наконец, Театр сатиры. Театральная линия, параллельно с которой продолжались и капустники, и просто выступления на шефских или дружеских вечерах, способствовала и нашему пониманию друг друга, и профессиональному росту как театральных эстрадников. Именно так следует нас называть, ибо

наш дуэт был единственным на эстраде тех лет, вышедшим из театральной среды. Вспомнить хотя бы Шурова и Рыкунина, Миронову и Менакера, Карцева и Ильченко, Тонкова и Владимирова или Березина и Тимошенко. Все они были чистыми эстрадниками, от нас же этим не пахло. Тут была своя драматургия, особенная интонация, театральная импровизация и своеобразная харизма, хотя Эфрос как раз видел и возмущался почему-то именно эстрадностью Ширвиндта: «Многолетнее увлечение капустниками сделало мягкую определенность характера Ширвиндта насмешливо-желчной, и ему не хватало той самой муки... ему надо было как-то растормошиться, растрезвожить себя». Но надо отметить, что как раз капустники помогли Ширвиндту избавиться от ненужной тяжести, скованности и разбавить густоту характера роли приятным, слегка сатирическим послевкусием.

Знаменитый дуэт (Ширвиндт — Державин) выступает в качестве ведущих «Утренней почты»

Появление нашего дуэта на телевидении началось с приглашений на «Огоньки» и в «Утреннюю почту» в качестве ведущих:

— Александр Анатольевич, объясните мне, чем отличается прямой эфир от записи? Ведь говорят же все равно одно и то же.

— Михал Михалыч, не прикидывайтесь. Вот что говорят ваши друзья после вашего выступления на голубом экране?

— Как тебе не стыдно!?

— В-о-о-т. И что вы отвечаете?

— Я отвечаю, что все это потому, что самое смешное и острое у меня «вырезали».

— Вот видите. А в прямом эфире сразу видно, что «вырезать» из вас нечего.

Тогдашняя цензура не пропускала пошлость, извращения и грязь на экран, но взамен требовала достойный интеллектуальный высокохудожественный материал.

Когда мы в «Утренней почте» читали письма от телезрителей, выглядело это так:

— Александр Анатольевич?

— Ау?

— Вот телезрители спрашивают: Новый год — это мужской или женский праздник?

— Конечно, женский.

— А почему?

— Потому что в этот день женщины варят, жарят, режут, шинкуют, в общем, готовят. И это для них большой праздник.

— А мужчины что делают?

— А мужчины больше сильны в теории.

— А на практике?

— А на практике они тоже больше сильны... в теории.

Вместе с телезрителями мы включались и в спортивное движение:

— Куда это вы рванули, Михал Михалыч?

— Да вот захотелось вперед, с ветерком. Правда, правая нога болит.

— Это старость.

Невозмутимые, строгие лица юмористов-джентльменов — визитная карточка дуэта

— Не думаю. Левая нога — ровесница правой, однако же не болит.

Или на фоне ритмической гимнастики:

— Кстати, Михал Михалыч, телезрители спрашивают: «Как и из чего сделать форму для ритмической гимнастики?»

— Я думаю, лучше будет перешить из формы для аэробики.

— Логично. Кстати, вы держите спортивную форму?

— Держу.

— Где?

— В чемоданчике на шкафу.

Вот так, легко и ненавязчиво. Конечно, сейчас юмор перестал быть художественным, тонким и изящным. В моде юмор тупой, тупой и еще тупее. Рассмешить любым способом — вот что стало приоритетом. Это называется оболваниванием и напоминает ситуацию с французскими комедиями с участием Луи де Фюнеса или группы «Шарло», невероятно забавлявших подростков 70-х, сегодня же того, кто надумает пересмотреть это кино, ожидает жуткое разочарование. (Фильмы же Гайдая, Рязанова, Данелии, Бирмана живы и пересматриваются с наслаждением по сей день.) Или другая крайность: обличение пороков с такой злостью, которая сокрушает помимо гнилых трухлявых деревьев и молодые перспективные саженцы. Ужасно, когда сатирик превращается в ядовитую змею, изрыгающую в зал массы желчи, тем самым ну никак не сея доброе. Публика смеется, но страшен

тот смех... Полная деградация, как в первом, так и во втором случае. И думается, что мы старались сохранить лучшее, что со времен «капустников» нас окружали добрые, веселые, сильные духом личности, такие как Михаил Жаров, Леонид Утесов, Клавдия Шульженко, Марк Бернес, Илья Набатов, Ростислав Плятт. Они не стали пошлыми по той же причине. Кто-то сверху даже говорил, что их юмор понимает только жидкая прослойка старой интеллигенции. Думаю, это и близорукость, и элементарная зависть. Мы с Ширвиндтом любим повторять: нас никто не любит... кроме народа. А это главное.

В спектакле «Привет от Цюрупы» (1999)

У нас на протяжении лет, конечно же, выработались свои собственные клише, и эти наработки мы используем с успехом. Например, наша давнишняя миниатюра еще со времен юбилеев Утесова, Жарова, Богословского, где я пою якобы по-английски, а Шура переводит. Наш добрый друг, Виктор Суходрев, личный переводчик Хрущева, Брежнева и Горбачева, как-то пригласил нас выступить на вечере, организованном для иностранных посольств, поэтому дипломатов было предостаточно.

И вот мы вышли. Ширвиндт, как всегда: «Дорогие друзья, к нам сегодня приехал...» — и т. д. И выхожу я и начинаю петь. Я не знаю ни слова по-английски, но поймал мелодику, и выглядело все это очень правдоподобно. Практически ползала дипкорпуса напрягались, безуспешно настраивая слуховые аппараты, но никто не мог понять ни единого слова. Эффект был

потрясающим. Сосед Суходрева спросил у того: «А на каком языке поет товарищ? Похоже на древнедатский диалект». Что ответил Суходрев, не помню, но для признания артиста этого было достаточно.

Потом мы часто использовали такую форму «Переводчик» для других выступлений, как, скажем, на юбилее училища имени Щукина в 1981 году, когда собрались многие бывшие выпускники разных лет и педагоги. Вели вечер тоже бывшие щукинцы — Андрей Миронов и Евгения Симонова. Шура пригласил якобы известного театроведа, приехавшего с далеких Мазарских островов, чтобы поздравить их училище с юбилеем. Этого театроведа играл я.

Ну а позднее, на юбилее Рязанова, мы драматизировали момент, и я вышел уже иностранкой, в женском облике, одним своим видом вызывая небывалый для зала «Октябрьский» фурор. Я начинал тарабарить на своем псевдоиностранным языке минуты две. Ширвиндт напряженно ждал и что-то записывал в блокнот как переводчик. Потом: «Мммм... ага...сейчас... секундочку... мммм... эээ... Дорогой Эльдар!» И это весь перевод двухминутного текста. Эффект. Я продолжаю. Ширвиндт переводит: «Я встречал ее в Шереметьево один. Нет. Я встречал ее в Шереметьево-2. Один. Один я встречал ее в Шереметьево-2».

Потом Ширвиндт переводил о казусе, произошедшем с гостьей: «Она уже три дня в Москве, но еще нигде не поселена. Ей заказали номер в гостинице «Космос», а там таксист перепутал и привез ее в гостиницу «Колос». Чистая большая комната, рядом с ней шесть оленеводов. Удобства во дворе. А двора нет».

Дополнение картины от Роксаны Бабаян:

«По-моему, Миша первый, вообще, на нашей эстраде переоделся в женщину. Я думала, что зал не откачают.

Мы это платье делали втихаря, чтобы никто ничего не знал, хотя Шура, естественно, знал об этом. Платье Миша взял в театре, парик тоже, а босоножки мы ему на Тишинском рынке подбирали.

Тогда целая толпа на Тишинском собралась — наверное, со всего рынка люди сбегались. Державин босоножки примеряет! А он еще так тщательно к вопросу подошел: «Нет, здесь немного подъем жмет. А нет ли другого размера?» Капризничал, пока босоножки идеально не подошли, да такие стильные — на широком и высоком каблуке, с замечательными блесками.

Ресницы наклеили. Клипсы надели. Сумку я ему свою впишнула.

И до самого выхода на сцену никто этого не видел: мы переодели Михаила Михайловича прямо за кулисами в одну секунду. В зале «Россия», которого уже нету, были огромные кулисы. Прямо перед выходом на сцену — тяжелые портьеры, и мы в их широких складках Мишу мигом переодели. Даже кольца успели надеть и браслет под цвет люрексowego платья.

И когда он вышел, все буквально легли — и за кулисами, и в зале. Что было с Андрюшей Мироновым, что было с Геней Хазановым, с Эльдаром Александровичем Рязановым! На сцене сидел еще Микаэл Таривердиев... И все они просто легли, как колосья».

Снова говорит Михаил Михайлович:

«Это надо было видеть. Этот номер — лишь одна из заготовок, которая начиналась подходящим фаршем для очередного события, хотя всегда это было что-то новенькое на базе старенького. И это (удивительно!) не надоедало и вызывало искренний смех в самых неожиданных местах. Как, впрочем, и в театре, ведь спектакль не может быть одинаковым всегда. Из раза в раз, а то и из сезона в сезон он растет, крепнет, наполняется живительными соками, приобретает свежие неожиданные краски. Мы не только играли, но также смеялись и над самими собой. Наш номер о создании спектакля мы старались наполнить красками эмоций, драматизма. Мы пародировали сами себя!

Так было и с другими пародиями, например на «Кинопанораму», где ведущий передачи (Александр Ширвиндт) знакомит зрителей с «хорошо всем нам неизвестным Закадром Внекадровичем Нетронутым (моя роль), который... не снялся практически на всех киностудиях нашей страны...

— Почему на всех? Я так стабильно не снимаюсь на «Мосфильме», «Ленфильме» и студии им. Горького.

— А где вы еще не снимаетесь?

— Одновременно у нескольких режиссеров...

— Скажите, а это не вы снимались...

— Нет, не я.

— А вот тот яркий эпизод, который...

— Без меня.

— Вот тут скандал был...

— Вот это со мной...»

Сцена из спектакля «Счастливец — Несчастливец» (1997)

Ведь где бы мы ни показывали эту миниатюру, невозможно было угадать, какая будет интонация в этот раз, и все было очень понятным, смешным и артистичным, с достаточной долей как критики, так и доброго юмора.

Многие дуэты распадались по многим причинам, таким как неактуальность, потеря кого-то из пары или, что чаще всего, просто надоели друг другу до чертиков. В нашем случае, слава богу, такого не случилось.

Мы старались идти в ногу со временем — делали пародии на известные передачи, на личности, такие как Кашпировский с Чумаком, на тему разрухи колхозов и на тему бизнесменов — новых русских и т. д. и т. п. Как-то у Александра Анатольевича спросили, как же так, что вы оба не поссорились за столько лет, он объяснил, что, во-первых, Державин — «патологически неконфликтный» человек, с ним просто невозможно поссориться. И если назревает со стороны Шуры какая-нибудь буря, то ему немедленно говорится такое: «Стоп, я — национальное достояние!» — «Где?» — «В нашем дуэте». — «Ааа...» И все.

И еще: если мы часто на эстраде, а иногда в кино и в спектаклях вдвоем, это совсем не значит, что мы и живем вместе. Хотя в самом начале нашей популярности у народа возникала масса вопросов самого бытового характера: где мы одеваемся, что пьем, кто наши дети и, наконец, чья жена Роксана Бабаян?

— Скажите, пожалуйста, Александр Анатольевич, та женщина, с которой вас видят все время на Арбате, это ваша жена

или та, о которой все говорят?

— Я родился в Москве в 1934 году.

— Благодарю вас. Еще вопрос: вы курите фирменные сигареты, табак. Скажите, где вы все это...

— Я родился в Москве в 1934 году.

— Когда?

— В Москве.

— Где?

— В 1934 году.

Наше долголетие заключается в том, что мы можем и умеем друг от друга отдыхать и не сильно уставать при этом вместе».

Разные характеры

Надо заметить, что Шура всегда был в лучшем положении, чем я. Ведь он старше меня на два года. Поэтому он для меня был уважаемым человеком даже тогда, когда мы только познакомились (мне было 11 лет, ему — 13). Я его слушался, для меня он всегда был прав. Так это и продолжается всю нашу жизнь.

В доме, в котором я до сих пор живу, на первом этаже жила семья народного артиста СССР Дмитрия Журавлева, знаменитого чтеца. Он всегда собирал у себя ребят на Новый год и другие праздники. К Журавлевым приходили фантастические люди — актеры, режиссеры, музыканты. И они, мэтры, участвовали в представлениях, которые ставил 14-летний Шурик Ширвиндт. В нем режиссерское начало живет с детства. Мы вместе окончили театральное училище, попали в один театр — имени Ленинского комсомола. Потом и Анатолий Папанов, и Андрюшка Миронов много лет «тянули» нас в Театр сатиры: «Ребята, переходите к нам!» И наконец-то — сначала я, а потом и Шура (хотя почему-то в народе считается, что в обратной последовательности — мы перешли в «Сатиру».

Как мы не надоели друг другу? Все-таки мы видимся не каждый день, живем не в одной квартире, и у нас совершенно разные характеры. Шура, например, всю жизнь прожил со своей супругой Натальей Николаевной. А я женился трижды. Тут я его обошел.

Со своей женой, архитектором Натальей Белоусовой, Александр Ширвиндт прожил больше 60 лет. Когда интересующиеся пытаются уточнить, почему так долго, а заодно и объяснить, что такое постоянство уже немодно, Александр Анатольевич говорит, что «жен на старости лет не меняет».

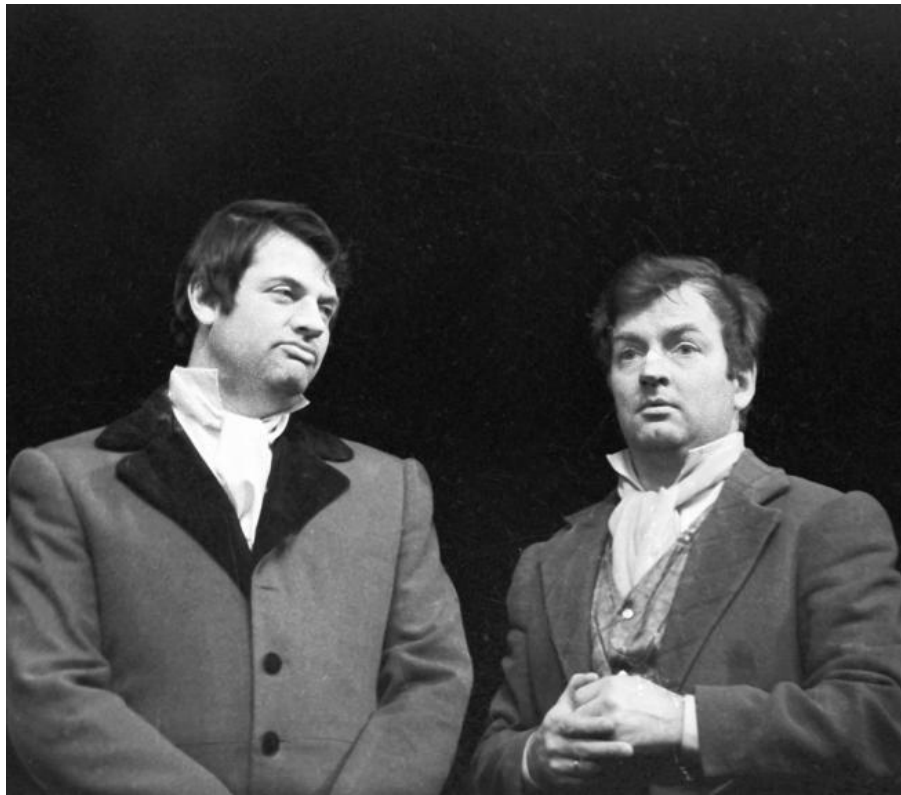
— Все эти силиконы — это химия, — говорит Ширвиндт. — А

я люблю натуральный продукт. Пусть он уже не очень свежий, зато я буду знать, что он выращен в огороде, а не в химической лаборатории. Меня покойная Люся Гурченко как-то заставила челюсть сделать — для голливудской улыбки. Мы с ней снимались в фильме «Аплодисменты, аплодисменты...».

Она сказала: «Все, я сниматься с тобой не буду, езжай делать челюсть!» А ей нельзя было ни в чем отказать — при ее-то напоре. В общем, она меня дожала. Я и поехал. Делали мне челюсть не у дантистов, а в мастерской на «Мосфильме». Залили в рот самосвал бетона — я чуть не задохнулся. А потом слепили страшную белую челюсть каких-то лошадиных размеров... Я приехал в Ленинград, воткнул ее в рот и спросил Люсю: «Ну, ты шовольна? Я шепель шкашать нишего не могу». А она: «Зато как выглядишь!»

Чувство юмора

Еще Александр Анатольевич известен тем, что великолепно умеет веселить окружающих с каменным выражением лица. Говорят, что, когда его мама потеряла зрение, Александр Анатольевич частенько говорил ей: «Мама, не переживай. Ну совершенно не на что смотреть».

В спектакле «Ревизор» (1972)

Чувство юмора Шуре помогает всю жизнь. И не только ему. Порой он своими шутками приободрял тех, у кого произошло что-то нехорошее. Откуда у него это? У Шуры были необыкновенно талантливые родители. Папа был изумительным скрипачом, а мама — урожденная одесситка, редактор филармонии. Она устраивала знаменитые концерты в Колонном зале, где участвовали великие мастера МХАТа, Малого театра, вахтанговцы. Так вот, у Шуриной мамы иногда проскальзывал тот железный взгляд, который потом усвоил и Александр Анатольевич. Он что-то говорит, не улыбается, но все чувствуют, что он переполнен юмором. Такой подход к проштрафившимся подчиненным иногда действует сильнее, чем выговор. Иногда Шура таким образом общался и с высокими чинами, чтобы обойти препоны цензуры.

Однажды, поехав на гастроли, мы решили разыграть всю труппу. Театр прибыл в один из уездных городов. Сидя в гримерке, мы с Ширвиндтом принялись громко пререкаться: «Что же мы так опростоволосились? Надо было несколько штук покупать!» — «Да это все ты, сам сказал: «Зачем?». Слово за слово, пример заинтересовался и как бы невзначай спросил артистов,

что же они не поделили.

И услышал — под страшным секретом! — что в этом заштатном городишке артисты наткнулись на магазин с контрабандными замшевыми пиджаками. Конечно, гример захотел узнать, где же дают такое добро. Мы продиктовали ему адрес. Через 10 минут уже вся труппа знала, где можно затовариться замшевой контрабандой. Но, когда покупатели на перекладных прибыли на место назначения, выяснилось, что магазин там действительно имеется, но продают в нем не заграничные пиджаки, а... керосин.

Часто отдыхали с женами, Шурка брал и внуков в астраханские места — там можно было совершенно спокойно всей семьей прожить на одной только рыбе. Под Астраханью мы все жили в палатках. Вместо электричества использовали свечи или керосиновые лампы. Шура иногда забывал погасить свою лампу, и на свет в палатку собирался рой всевозможных насекомых. А следом в палатку заползали огромные жабы, ящерицы, чтобы полакомиться этим налетевшим разнообразием. На Шурку же прыгала одна большущая лягушка. Он называл ее Розой. Мы все тоже были с ней знакомы. Шура ее никогда не обижал. Мы там жили две недели, и она приходила почти каждый день, потому что понимала: Александр Анатольевич ее накормит. Шурка с ней очень дружил. Если она у него засыпала на груди, он просыпался, брал фонарик и шел к речке, чтобы выпустить Розу на волю.

Говорит Александр Анатольевич Ширвиндт, актер театра и кино, театральный режиссер и драматург, народный артист

«Я мог бы целую книгу о Державине написать самостоятельно, но так как он уже пишет сам, да еще и помогают такие опытные, антисклеротические члены семьи, как Роксаночка и сестра Аня, а также дети, внуки и племянники, я вынужден быть очень аскетичным в своих высказываниях. Хотя это невероятно сложно. Дело в том, что наша совместная с Державиным биография уже зашкаливает за 70 лет (это устрашающие сроки!), и все труднее вычлнять «что-то для печати» из этой огромной биографии.

Конкретно же здесь и сейчас я хотел бы выразить одну очень важную для меня эмоцию. Всю жизнь, где бы мы с Мишей ни были — на эстраде, в театре, в кино, в капустниках, в застолье, на рыбалке, среди друзей или среди врагов, среди чиновников или среди президентов... — всю жизнь так или иначе Михал Михалыч всерьез или в шутку, акцентированно или походя утверждал, что именно он из нас двоих — молодой. Он никогда не забывал невзначай напомнить окружающим, что младше меня на два года. И вот эта самая история, что он молодой, а я старый, длилась 70 лет. Слава богу, сейчас, когда ему исполнилось 80, он перестал быть молодым, а стал моим ровесником. И теперь из этой вечной сноски о том, что он молодой, а я старый, как-то выветрился смысл. Мы сравнились. Никакого преимущества у Державина передо мной (в молодцеватости, голубоглазости, обаянии юношеской неискушенности и желторотости) не стало. Теперь я счастлив, потому что пребывать все время под гнетом опытности, «старчества» при молодом партнере, практически пацане, всегда было очень трудно. И чревато комплексами. Ну еще бы! С детства человек орал, что он молодой, а я старый — вот и созрело у меня такое «благодарственное посвящение» для книги мемуаров наконец-то зрелого и умудренного автора.

Благодарю тебя, Миша, за то, что ты наконец достиг моего возраста!

А если серьезно, то и поступали в Щуку, и ее заканчивали, и начинали работать в театре мы почти одновременно, вот с этим гандикапом в два года. В юности это действительно значительный отрыв. Когда ты на первом курсе, а он в девятом классе, то он действительно говно, а ты человек. В институте, когда я на третьем курсе, а он на первом, диспозиция опять же не меняется — я человек, а он говно. Когда ты уже играешь в Ленкоме, а он все еще чему-то учится, та же конфигурация фигур. И так, казалось бы, будет всю жизнь. Но постепенно, с годами, когда мы

стали выходить вместе на сцену, театральную или эстрадную, на съемочную площадку, этот гандикап несколько перевернулся в его пользу, он получил законную возможность даже бравировать своим юниорством, расцветом сил и необстрелянностью, а позже молоджавостью. Еще попозже этот гандикап начал таять, в общем-то, уже 57 лет тебе или 55, значения не имеет, но Михал Михалыч в те времена этого еще не признавал, упорно цепляясь за свою молодость. Но теперь все-таки мы, очевидно, сравнялись (хотя не убежден, что это столь же очевидно для него). Теперь все зависит только от того, кто первым добежит, первым допьет свою поллитру. Теперь это соревнование на равных!

У нас всегда был свой мини-театр — он да я. Этот театр прожил так долго, потому что мы с Мишей вовремя догадались, что в нем должно быть все дифференцированно. Я был худрук и режиссер, а он артист и парторг. Я об этом писал уже в книге «Былое без дум» (правда, чуть иначе). Насколько знаю, фрагмент из нее о Державине будет здесь использован, но, думается, подобные повторы у зрителя, который в данном случае чудесно перевоплощается в читателя, не вызовут нареканий. Ходят же люди по несколько раз на полюбившийся спектакль, значит, будут не против и прочесть различные литературные интерпретации одного и того же события.

Мы репетировали и придумывали сценки всюду, при каждом удобном случае

Еще одна особенность нашего мини-театра в том, что мы в нем работали на равных, не было никакого перетягивания юмористического каната. Как это нередко случается между партнерами и в театре, и на эстраде.

Судьбы большинства дуэтов подозрительно и зачастую трагичны. Было множество дуэтов «жена — муж», множество дуэтов конференсных, множество эстрадных куплетистов... Как правило, это бесконечное существование вдвоем, нос в нос, чреватое накоплением взаимного раздражения, усталости и тому подобное. В этом плане нам дарован был какой-то воздух — мы не круглыми сутками отирались друг о друга. У нас был театр, в нем отдельные спектакли, отдельные роли. Было кино, разводящее по разным съемочным площадкам. В конце концов, у нас были отдельные семьи, отдельные дети (тоже не всякий дуэт может этим похвастаться). Так что длительное пребывание «нос в нос» никогда не перерастало в какую-то дурную бесконечность. Ведь отчего так трудно взаимоотношаются великие шахматисты? Публика часто винит в этом их «плохие характеры», звездную капризность, болезненное чувство соперничества в борьбе за

пьедестал. На самом же деле, если сутками сидеть в 30 см друг от друга, при самых ангельских характерах можно осатанеть. Слава богу, у нас с Мишей был необходимый воздух. Этим и объясняется такое творческое долголетие нашего дуэта.

Повлияло здесь и то, что так называемых «масок» (рыжий-черный, трус-балбес и так далее) в нашем мини-театре не было. При всей кажущейся простоте мизансцен мы старались рисовать (и думается, не без успеха) психологически точные, реалистичные портреты наших современников, живых людей, за словами, жестами и общим состоянием которых угадывались судьбы. Как ни странно, это всегда работало на юмор. Зритель узнавал в наших героях себя или своих знакомых, видел сходство ситуации на сцене с той или иной ситуацией в жизни... и вдруг начинал хохотать.

Нам ведь мало кто писал. В основном то, что мы показывали, рождалось как импровизация — на бегу, в застолье, по дороге на гастроли, на рыбалку... Конечно, все наши спонтанные озарения бывали запомнены, даже записаны и тщательно отрепетированы. Но именно то, что вся эта «лабуда» изготавливалась нами лично, приводило к тому, что органика нашего дуэта была незаемная, предельно своя. Наверное, мы не достигли бы той естественности и раскрепощенности, которые столь ценит зритель во все времена, если бы просто выучивали наизусть и репетировали текст какого-то пусть даже большого сатирика.

Конечно, в пользу нашего дуэта играл и тот факт, что мы полюсно противоположны по фактуре. Это помогает создавать необходимое напряжение, «разность потенциалов» на сцене. Даже не прямой голливудский конфликт, а вещицы потоньше.

Михаил Державин на зависть разноплановый актер. Как худрук и режиссер нашего мини-театра, я мог извлечь из этого «материала» буквально все. У зрителя, знавшего Мишу в основном по киноролям, порой складывалось впечатление его совершенно определенного амплуа — голубоглазого западного аристократа, эдакого красавца-педанта. Это далеко не так. В нем было все!.. Порою это подтверждала сама жизнь. Однажды во время гастролей Театра сатиры в Израиле к нему подошла одна старая еврейка и сказала: «Скажите, Дэржавин, вы случайно не еврэй?» — «Почему вы так думаете?» — заинтересовался Миша. «Вы очень взжливый». Так что в нем было все. Кстати, после этого случая многие в коллективе нашего театра начали посматривать на Мишу как-то... чуть иначе.

Мне давно было ясно, что социально-типажный подход советского кино очень обеднил Мишину фильмографию. Ведь он мог стать просто нашим Аленом Делоном. Но требовались иные

типажи (по крайней мере на роли главных героев) — в 50-е нужны были Рыбников, Белов, Юматов на роли рабочих парнишек, в 60-е — Смоктуновский, Баталов, Лазарев на роли интеллектуалов-физиков... Державин не вписывался ни в каких «кубанских казаков», что бы они там ни оседлали — племенных рысаков, атомное ядро или монтажниц-высотниц.

Уже, так сказать, под занавес появился режиссер Анатолий Эйрамджан. Вот он начал снимать Мишу много, да все в главных ролях, стал буквально Мишиным домашним режиссером, зачастую в его фильмах появлялась и Роксаночка. Эти кинокомедии зритель помнит до сих пор — это и «Бабник» (где мы играли с Мишей вместе), и «Импотент», и «Моя морячка», и «Жених из Майами», и многие другие.

Теперь уже не вспомнить, где это было? В каком городе гостиница «Малахит»?

Помню, меня все спрашивали: «А почему вы не снялись за компанию с Державиным после «Бабника» и в «Импотенте»?» Я отвечал: «Повторяться не хочется. Старый бабник и начинающий импотент — это практически одна и та же фигура».

К счастью, наши «Трое в лодке, не считая собаки» удались на славу. Там у нас был даже не дуэт, а терцет, или трио. Солировал наш замечательный друг Андрюша Миронов. Один из секретов успеха этого фильма, я думаю, в том, что режиссер Наум Бирман предоставил нам полную свободу импровизации. Он понял, что

нас можно смело «отпустить», ведь у нас были уже сыгранные в сценических дуэтах пары — у Миши со мной, у меня с Андреем. И с московской сцены на берег Немана (по сюжету Темзы) телепортировались те самые раскрепощенность, чувство партнера, общее в нюансах и оттенках для всех троих чувство юмора...

Сейчас я понимаю, что на славу нашего дуэта с Мишей работал и тот простой факт, что в советские времена подача юмора на телевидение осуществлялась очень порционно (тем более мы старались держать марку!). Это сегодня — «во всех подворотнях». Казалось бы, нынешним молодым сатирикам и юмористам можно только позавидовать! Полное отсутствие цензуры! Но оказалось, вседозволенность хуже любых цензурных рамок. Когда человеку без вкуса, без элементарной художественной грамоты, но с полным набором пошлостей все разрешено... начинается кошмар. Это уже не «свободное творчество», не «антицензура», это не творчество вообще. Это антиискусство.

Что касается партнерства на сцене Театра сатиры, мы тоже немало там сыграли с Мишей вместе. «Привет от Цюрупы» по произведениям Фазиля Искандера. «Счастливых — Несчастливых», пьеса Гриши Горина, написанная специально для нас... «Ревизор», «Андрюша»... Как партнер по сцене Михаил Державин — очень чуткий, я бы сказал даже — органично чуткий актер. При этом он просто не способен врать на сцене! Ни в чем! При всей его острохарактерности. Это мне представляется важным отметить именно сейчас, когда все просто обожают кривляться на сцене, всех тянет наиграть с три короба, прокричать что-нибудь «нечеловеческим голосом», испытать «нечеловеческие чувства»...

Тем-а-тем

Нашему дуэту более полувека. Но редко удастся уединиться, отвести душу в душевной беседе — репетиции, спектакли, гастроли. Но вот наконец удалось поговорить с глазу на глаз.

Михаил Державин: Знакомы мы очень давно, спорить глупо. Помню тебя, тогда еще мальчика Шуру, приезжающим в наш двор на потрясающем велосипеде. Ты появлялся на улице Вахтангова, ныне Николопесковском переулке, и все пацаны тебе дико завидовали. Но давал покататься! Был добрым мальчиком.

Александр Ширвиндт: Все ты врешь. Ничего я не давал.

Михаил Державин: Неужели? Шура не только добрый, но честный и принципиальный... Нет, ты не разрешал даже пылинки с велика сдувать. Хотя я как-то все же прокатился. Но брючина намоталась на цепь, цепь слетела, и Шура орал благим матом.

Александр Ширвиндт: Страшно боялся, что велосипед сломают, а я этого не переживу и умру от разрыва сердца. Трехскоростной «ЗиЧ», собранный на заводе имени Чкалова, долго оставался главным моим сокровищем.

Михаил Державин: Пока ты не разжился «Победой» и опять не прикатил к нам во двор. Единственная машина на всю округу! Дикая роскошь! Сколько лет прошло, но до сих пор ее номер помню — ЭВ 44–51...

Александр Ширвиндт: Я уже был артистом Театра имени Ленинского комсомола, начал сниматься в кино... В 1957 году сыграл в картине «Она вас любит» и купил у актера Станицына поддержанное авто. В складчину с родителями. Полсуммы — мой гонорар, вторая часть — привет от папы с мамой. В салон влезали девять человек, мы даже на рыбалку ездили. Помнишь? Девять!

Да, тогда машины выглядели покрепче и поосновательнее. Что, впрочем, не мешало им ломаться. Однажды в самый неподходящий момент отвалилась спинка водительского сиденья. Управлять автомобилем, не имея упора и держась только за руль, невозможно. За мной в салоне сидел актер Театра Ермоловой Любецкий, он коленями придерживал спинку, а я пытался рулить. До сих пор не понимаю, как мы не угодили в аварию...

Еще помню случай. Как-то зимой опаздывали на концерт к труженикам села, и вдруг машина заглохла — в ней замерзла вода. Тогда ведь антифриза не было, точнее, мы о нем не слышали. И вот картина: ночь, голое поле, ветер, 25 градусов мороза, занесенная дорога и пять мужиков, рискующих околоть в этой глухомани... Спасались при помощи подручных средств: вся наша банда будущих народных артистов по очереди помочилась в радиатор, машина отогрелась и поехала за милую душу...

Михаил Державин: Да уж, были мы тогда помоложе, а моча посвежее, струя посильнее. Помню, помню это незабываемое зрелище.

Александр Ширвиндт: А ты ведь долго не решался сесть за руль, предпочитая использовать супругу в качестве водителя. Помню, как ты покровительственно обнимал ее за плечи, делая вид, будто учишь... Я с трудом заставил тебя купить первые «Жигули».

Михаил Державин: Как ни крути, а по нашим биографиям можно изучать историю страны. Скажем, для всех нормальных людей Семен Буденный — герой Гражданской войны, а для меня

еще и бывший тесть. Сколько раз мы с тобой организовывали новогодние утренники на даче у Семена Михайловича! Дети заранее знали, кто будет играть Деда Мороза, и следили за нами, карауля момент переодевания. Но однажды ты решил устроить сюрприз, загримировав Нину Семеновну, мою жену. Наклеил ей красный нос, налепил бороду, вывел через черный ход на крыльцо, где уже стояла запряженная тройка. И вот кульминация: Семен Михайлович заиграл на баяне и торжественно объявил: «Встречайте Деда Мороза!» Проектор осветил въезжающие в ворота дачи сани и... Вдруг повисла тишина. Дети в недоумении смотрели на нас с тобой: если эти дяди здесь, кто же в санях? Словом, фокус удался...

Александр Ширвиндт: Но самое интересное по обыкновению то, что остается за кадром. У этой истории был трагический финал. Когда утренник закончился и дети разошлись по домам, началась страшная пьянка. В итоге меня, едва живого, в четыре часа ночи отбуксировали домой на выделенной маршалом правительственной машине. Жена встретила классическим вопросом: «Где был?» — и услышала честный ответ, произнесенный сильно заплетающимся языком: «На елке у Буденных». Я говорил и параллельно раздевался, стремясь поскорее добраться до кровати. Снял пиджак, рубаху, штаны, опустил взгляд вниз и — о ужас! — увидел на белых семейных трусах большое красное пятно, оставленное губной помадой. Ровно по центру! Реакция супруги была предсказуема: «Это ты называешь елкой у Буденных?!» Самое ужасное, я не мог вразумительно объяснить происхождение пятна. Путем невероятного напряжения воли вспомнил, что помадой разрисовывал нос Нинке, гримируя ее под Деда Мороза. Потом сходил кое-куда, забыв смыть краску с рук...

Михаил Державин: Утром Таточка все же позвонила моей жене и аккуратно поинтересовалась, как, что и чем красил ей Шурик...

Кстати, у истории с трусами было продолжение. На гастролях в Загребе нас предупредили, что на спектакле ждут югославского лидера маршала Тито. Из-за этого в театре усилили меры безопасности, выдав артистам спецпропуска с нарисованной пчелкой. Разумеется, ты потерял бумажку. Мы с Андрюшей Мироновым прошли кордон, а тебя задержали. «Низззя!» Тогда ты расстегнул ширинку, приспустил штаны и показал строгой охраннице уголок трусов с точно такой же пчелой, как на пропуске.

Александр Ширвиндт: Случайно нужный фасон оказался!

Михаил Державин: Женщина, оценив твою находчивость,

расхотелась и выпустила тебя.

Александр Ширвиндт: Гастроли — отдельная песня. Спартак Мишулин отличался тем, что всегда брал с собой работающую на сухом спирте плитку и в гостиничном номере готовил полноценный обед, а потом нас подкармливал. Помню, однажды сварил уху из консервов и заправил ее сладкой сгущенкой, чтобы побольше получилось. И что ты думаешь? Котелок выхлебали за минуту!.. А вообще, если говорить серьезно, настоящим стимулом к существованию служит дефицит. Он возбуждает желания — и творческие, и все прочие.

Еще Райкин просил: «Пусть все будет. Но чего-нибудь не хватает». Сегодня трубочный табак в любой лавке лежит, а раньше я сам делал его по особому рецепту — смешивал, добавлял для аромата дольки яблока и картошки, сушил на солнце... Когда-то для покупки «Жигулей» приходилось на протяжении месяца еженочно отмечаться на пустыре под городом Химки. Один прогул — и вылетаешь из списка. Зяма Гердт, Эльдар Рязанов, Андрюша Миронов и я создали команду для дежурств. В последнюю ночь выпала моя очередь... Посмотрел я на собравшуюся в Химках публику и, заподозрив неладное, позвонил Гердту: «Зяма, это не запись на «Жигули», а провокация КГБ. Перепись евреев! Тут же одни наши!»

Михаил Державин: Раз уж затронули тему... Однажды меня вызвал главный режиссер Театра сатиры Валентин Плучек: «Хочу рекомендовать вас, товарищ Державин, в члены КПСС». На мой вопрос: «А почему не Папанова?» — Валентин Николаевич ответил: «Анатолий Дмитриевич сказал, что может напиться и потерять партбилет». Я не сдавался: «Хорошо, ну а Шура с Андрюшей?» Плучек опустил глаза: «Вы, Михал Михалыч, единственный русский в театре...»

Александр Ширвиндт: Мы ведь почему прошлое вспоминаем? Тогда и могло, и хотелось. А сейчас осталось лишь ностальгически вздыхать: ах, театр, ах, кино! Хотя, конечно, действительность не столь трагична. Но раз уж мы с тобой выбрали привычную ироническую интонацию, надо всеми силами в ней удержаться...

А помнишь, как хорошо кормили артистов праздники. Народ отдыхал, а мы пахали. Играли перед детворой в клубе МГУ, на правительственной елке во Дворце спорта в Лужниках. По три концерта в день! Изображали роту полубухих мушкетеров. То есть, по сценарию, мушкетерам полагалось быть трезвыми, но кое-кто из актеров успевал принять на грудь...

Михаил Державин: Как не помнить! В нашем первом с тобой Театре имени Ленинского комсомола новый год начинался с

утренника по узбекской народной сказке «Чудесные встречи», где я играл заколдованного коня Карагуша. Спектакли шли в 11 утра и в час дня. Так что хошь не хошь — приходилось оставаться как стеклышко.

Александр Ширвиндт: Однажды я заменял на этом утреннике загулявшего накануне актера. От меня требовалось выйти на сцену и протрубить в узбекскую дуду, название которой, извини, забыл. Самым же ужасным было другое: на спектакль пришла ближайшая подруга мамы с внуком. Тетя Роза удобно устроилась в первом ряду и приготовилась наслаждаться актерской игрой. Тут появился я в пестром халате и пропердел в эту дурацкую трубу... Потрясенная тетя Роза позвонила маме: «Рая, я видела Шуру. Это трагедия!» Второй раз она попала в наш театр на спектакль Эфроса «В день свадьбы». А у меня опять роль без слов! Я сидел на авансцене, изображая перепачканного навозом крестьянина, гостя со стороны жениха...

Михаил Державин: А помнишь, как на гастролях в Петербурге нас возили в огромном «Линкольне», который при каждом повороте перекрывал движение, увеличивая уличные пробки? Попытка объяснить, что мы согласны на более скромное, но маневренное транспортное средство, не встретила понимания у организаторов. Видимо, звезды шоу-бизнеса, закатывающие истерики по любому поводу, окончательно запугали питерцев. Мы же на гастролях ведем себя скромно, права не качаем, икру с шампанским в гримерку и машину к трапу самолета не требуем. Хотя спецрейсами иногда пользуемся. Помню, как-то летали в Магнитогорск на концерт по случаю выплавки юбилейной тонны стали. Цехов на комбинате было много, и мы ходили из одного в другой, выступая перед металлургами. Везде нам дарили именные каски и к вечеру увесили ими, как елку игрушками. Оставлять подарки в гостинице было вроде бы неудобно, и вся наша «фронтальная» бригада заявила с касками на посадку, уже в самолете распахив их под кресла. И тут обнаружилось, что с нами в Москву полетят два случайных попутчика. Я взял у стюардессы микрофон и сделал объявление: «Просьба ко всем пассажирам пристегнуть привязные ремни и надеть каски, находящиеся под сиденьями». Шура, Андрюша и остальные артисты радостно включились в игру и с каменными лицами нахлобучили на головы каски. Два бедолаги, дико озираясь по сторонам, сделали то же самое. Так мы и летели. Только уже в Москве я разрешил снять головные уборы...

Александр Ширвиндт: Как же, как же, помнится...

Михаил Державин: А история с костюмом!? Начало гастролей за рубежом. Первый концерт. Публика фешенебельная. И вдруг ты

говоришь: «Я носки забыл». А жара страшная, и мы пришли в новых смокингах, но в туфлях на босу ногу. Я рвусь у кого-нибудь носки выпросить, а ты: «Подожди, это еще не все». И достает... детские подтяжки. Оказывается, твоя Тата по ошибке сунула тебе подтяжки внука. Ну ладно, кое-как перевязался, опустил брюки пониже, сыграл. Но в следующем городе... забыл в гостинице концертные ботинки. Пришлось одолжить у рабочего сцены, а у того оказались мальчиковые, с бахромой и помпонами: это под смокинг-то!

Ну а в столице государства случился прокол у меня: забыл... брюки. То есть брюки были, но пляжные, цвета хаки, мятые жутко. Шура мне: «Ты делай вид, будто в Москве так и носят». В общем, сыграли.

Александр Ширвиндт: А ты помнишь, какой-то журналист в ответ на твое воспоминание о вечере Игоря Губермана, где тебе пришла в голову идея сочинять нам, в подражание «гарикам», свои «шурики» и «мишки», попросил привести пример?

Михаил Державин: Естественно. Лучший «шурик» — твоя фраза на юбилее «Современника»: «Театр — это террариум единомышленников». А лучший «мишик»?

Александр Ширвиндт: «Жизнь потрясающая! От нее трясет нас всех...»

Михаил Державин: Напоследок, по традиции, по анекдоту?

Александр Ширвиндт: Идет митинг. Рядом с площадью стоит милицейская машина.

Старший милиционер проходящему:

— Ты с митинга?

— Да.

— Быстро в машину!

Идет следующий.

— Ты с митинга?

— Да.

— Быстро в машину!

— Ты с митинга?

— Да.

— Быстро в машину!

— Ты с митинга?

— Нет.

— Быстро на митинг и в машину!

Михаил Державин: На лекции бабушка спрашивает у лектора:

— Скажите, а кто придумал рыночную экономику — ученые или политики?

Лектор отвечает:

— Конечно, политики.

Бабушка:

— Я так и думала. Ученые сначала на собаках бы проверили.

В гостях у «Кинопанорамы»

Ведущий — Александр Ширвиндт

Закадр Некадрович Нетронутый — Михаил
Державин

Ведущий. Каких только артистов не интервьюировала «Кинопанорама» за этот период! И очень видных, и не очень видных. Но вот я счастлив, что сейчас вам могу представить, так сказать, совсем невидного «Кинопанораме» артиста. Вот, значит, это всем нам хорошо неизвестный Закадр Внекадрович Нетронутый...

Что бы мне хотелось, так сказать, узнать у Закадра Внекадровича? Ну, во-первых, мне пришла щас мысль... Щас, где она... Значит, интересно, что всем нам он хорошо неизвестен по ряду картин. Что примечательно, что Закадр Некадрович практически не снялся на всех студиях нашей страны...

Нетронутый. Что значит на всех! Я так стабильно не снимаюсь на «Мосфильме», «Ленфильме» и студии Горького.

Ведущий. Так, так, если в прошлом году вы не снялись в...

Нетронутый. В восьми картинах!

Ведущий. То в этом году он уже не снялся в 16-ти. Так что рост какой-то налицо...

Нетронутый. Да...

Ведущий. Вот вы знаете, к нам, в наш адрес кинопанорамы, приходит масса писем от телезрителей, от любителей кино. Примечательно, что ни в одном из этих писем совершенно не интересуются вашей биографией. Я думаю, что имеет смысл поблагодарить...

Нетронутый. Ну конечно...

Ведущий. ...наших телезрителей за то внимание, которое они вам, в общем, не уделяют. Скажите, а где вы сейчас не снимаетесь?

Нетронутый. Одновременно у нескольких режиссеров. Надо сказать, у меня есть преимущество перед другими актерами, я знаю моих коллег. Меня не снимают без проб!

Ведущий. А...! Вас не пробуют, чтобы снимать, я так понимаю.

Нетронутый. Не пробуют, чтобы не снимать.

Ведущий. Интересная мысль... Еще интересно, ваша ближайшая, какая все-таки киностудия вам ближе всего?

Нетронутый. Ну, «Мосфильм», конечно.

Ведущий. «Мосфильм» ближе?

Нетронутый. По магистрали. Я живу на Арбате в Москве, и значит...

Ведущий. А!.. Арбат близко... А Горького?

Нетронутый. Далековато...

Ведущий. Ближе все-таки «Мосфильм»...

Нетронутый. Да, «Мосфильм».

Ведущий. А с кем из кинорежиссеров, так сказать, вам приходилось встречаться?

Нетронутый. Ну, в этом году, просто буквально на днях, мне удалось столкнуться с Эльдаром Рязановым...

Ведущий. Приятно...

Нетронутый. ...в кондитерском отделе булочной.

Ведущий. Интересная мысль...

Нетронутый. Мысль интересная.

Ведущий. Вот тут мне пришло в голову... Скажите, это не вы снимались...

Нетронутый. Нет, не я.

Ведущий. А вот тот яркий эпизод...

Нетронутый. Без меня.

Ведущий. А тот скандал был...

Нетронутый. А тот со мной!

Ведущий. Спасибо, интересная мысль. Скажите, пожалуйста, вы много смотрите «Кинопанораму», знаете «Спутник кинозрителя», как вам как зрителю уже, а не как артисту, как вы считаете, что легче — задавать вопросы или отвечать?

Нетронутый. Ну, как говорится, вам карты в руки. Вы же их задаете, вы же на них и отвечаете.

Ведущий. Интересная мысль...

Нетронутый. Мысль интересная.

Ведущий. Мысль эта интересная... Скажите, пожалуйста, а вот о коллегах...

Нетронутый. О коллегах всегда легче говорить, чем о себе.

Ведущий. О коллегах да, легче, конечно...

Нетронутый. Потому что... Сейчас вот такая теория, теория такая возникла, мелькание на экране, одни мелькают чаще, другие мелькают реже, мелькают, мелькают... Возьмем, к примеру, Армена...

Ведущий. Чего?

Нетронутый. Лучше Жана Поля.

Ведущий. Как?

Нетронутый. Бельмондо.

Ведущий. А, Бельмондо? Возьмем, давайте...

Нетронутый. Он снялся в 186 картинах!

Ведущий. Интересная мысль, да...

Нетронутый. Ему никто не говорит, что он мелькает.

Ведущий. Нет, никто...

Нетронутый. Я не снялся в 186 картинах!

Ведущий. Да.

Нетронутый. Мне говорят: «На-до-ел!»

Ведущий. Интересная мысль, в общем...

Нетронутый. Мысль интересная...

Ведущий. А вот хобби, знаете, такой тривиальный вопрос, вот хобби...

Нетронутый. У меня на хобби нет времени. И хобби нет.

Ведущий. Интересная мысль. Но вы же поете...

Нетронутый. Да. Ну вот, к примеру... Ле-тя-т у-т-к-и...

Ведущий. Интересная мысль...

Нетронутый. ...ле-тя-т у-т-к-и и два гуся.

Ведущий. Животные...

Нетронутый. Да, животные. Вообще-то, я приверженец документального кино.

Ведущий. Интересная мысль...

Нетронутый. К нему я вообще никакого отношения не имею.

Ведущий. Понятно...

Нетронутый. Вот, к примеру, волки... Задрипанные, кинематографические волки... Знаю, они в вольерах. Их посылают сниматься...

Ведущий. Они снимаются...

Нетронутый. Меня не снимают. Вот белочка...

Ведущий. Белочка, маленькая...

Нетронутый. Маленькая... белочка...

Ведущий. А мысль интересная...

Нетронутый. Интересная мысль...

Ведущий. А вот такая проблема вечная, так сказать... Это вопрос музыки в кино.

Нетронутый. Музыка... Я, знаете, считаю что физическая форма актера, как он выглядит, это главное...

Ведущий. Вот я думаю, фильмы, которые уже давно с экрана сошли, а музыка жива...

Нетронутый. Вот, допустим, актер полный, он каким-то образом худеет...

Ведущий. Вот, интересная мысль. Знаете, актеров многих уже нет, фильмы, где они, а музыка — в народ.

Нетронутый. ...меня не волнует, как он худеет. Но если он скачет сам на коне, то как бы его ни гримировали...

Ведущий. Симфонист... или песенник, все равно...

Нетронутый. ...Физическая форма...

Ведущий. Ну, а как все-таки... какие основные принципы вашего актерского и человеческого существования?

Нетронутый. Так ведь девиз: «Не изменять самому себе».

Ведущий. Правильно, хорошая мысль.

Нетронутый. Вот вы знаете, я стабильно, умышленно двадцать лет не снимаюсь в кино...

Ведущий. Прекрасно...

Нетронутый. ...и вот результат — я на юбилейной «Кинопанораме».

Роли в дуэте максимально разведены — один говорит, другой смотрит

Ведущий. А я со своей стороны, пользуясь случаем, должен сказать, что сейчас на очень серьезном фестивале в Атлантиде под девизом «Кино — зрителям, фильм — людям» Закадр Внекадрович получил специальный приз...

Нетронутый. Очень приятно...

Ведущий. ...за лучшую несыгранную мужскую роль года. Думаю, что я прямо сейчас и вручу этот элегантный, хорошо выполненный призок. Пожалуйста.

Нетронутый. О, это чудный трофей.

Ведущий. Да... Думаю, что в вашей коллекции призов он будет не последним.

Нетронутый. Благодарю.

Ведущий. Осторожно, не разбейте. До новых встреч.

<i>Редактор и Автор</i>

Редактор — Александр Ширвиндт.

Автор — Михаил Державин.

Автор. Можно?

Редактор. Вы кто?

Автор. Автор.

Редактор. Господи! Ходят и ходят. У меня уже, как у Бориса Годунова: все авторы кровавые в глазах... С чем пожаловали?

Автор. Вот, написал народные сказки.

Редактор. Хорошие?

Автор. По-моему, гениальные.

Редактор. Посмотрим... (Берет один листок, читает, начинает смеяться, смеясь, дружески толкает в бок Державина, утирает слезы смеха. Глядя на него, Державин тоже «заражается» весельем. Дочитав сказку, Ширвиндт моментально делает безразличное лицо и возвращает листок автору.) Не смешно!

Автор. (Продолжая смеяться, забирает сказку.)

Редактор. Еще есть?

Автор. (Все еще смеясь.) Можно... Ой, не могу... Можно, я сам... почитаю?

Редактор. Валяйте.

Автор. Жил-был у бабушки...

Редактор. Фамилия?

Автор. Державин.

Редактор. Бабушкина фамилия.

Автор. Не знаю.

Редактор. Как же вы пишете сказку, а фамилии героини не знаете?

Автор. Пусть будет Ширвиндт.

Редактор. Значит, бабушка Ширвиндт? Интересно... И кто же у нее жил?

Автор. Серенький козлик.

Редактор. Минуточку! «Серенький» — это нехорошо. «Серенький» было у Пушкина и у этого... Как его? (Щелкает пальцами.) У Лермонтова было! Зачем же у классиков воровать? Классиков трогать не надо. «Серенький» убрали! Кстати, как зовут козлика?

Автор. Александр Анатольевич.

Редактор. Кто же козлам дает человеческие имена? Давайте

назовем его... мэ-мэ-мэ. Михал Михалыч. Очень хорошее имя для козлика. Дальше.

Автор. Бабушка козлика очень любила...

Редактор. Стоп! Все-таки думайте, что говорите.

Автор. Думаю.

Редактор. Сомневаюсь. Любовь — самое прекрасное чувство на свете. Ромео любит Джульетту. Руслан любит Людмилу. И вдруг — бабушка любит козла! Дескать, любовь зла — полюбишь и козла?

Автор. Ну, пусть не любила, пусть уважала.

Редактор. Пусть... Дальше.

Автор. Сеном кормила и вкусно поила.

Редактор. Что значит «сеном»? На что вы намекаете?

Автор. На сено.

Редактор. А кроме сена, что, в доме есть нечего? У бабушки, наверное, хорошая пенсия, внуки помогают. Она может себе позволить угостить близкое существо чем-нибудь повкуснее. Исправьте... Значит, кормила и... что?

Автор. Вкусно поила.

Редактор. Ну, это вы, знаете, хватили. Надо же придумать такое — «поила»!

Автор. Поила, в смысле водой.

Редактор. Я-то понимаю. И верю, что вы понимаете. Но нас могут не понять. Давайте обойдем это неприятное слово. Скажем так: спасала от жажды.

Автор. Исправил... Вздумалось козлику...

Редактор. Михал Михалычу.

Автор. Да, да, спасибо. Вздумалось козлику Михал Михалычу в лес погуляти...

Редактор. Ну, зачем в лес? Ведь это, я понимаю, интеллигентный козел, наш современник. Пускай идет на овощную базу.

Автор. Напали на козлика серые волки...

Редактор. Опять серые? Что-то вас все на серость тянет.

Автор. А можно — «местные волки»?

Редактор. Местные волки на овощной базе — это хорошо. Это образ.

Автор. Остались от козлика рожки да ножки.

Редактор. И все?

Автор. Все.

Редактор. Чего-то не хватает... Сами посудите: жил козел, работал, дружил с другими козлами. Любил коз, коров разных. И вдруг — рожки да ножки.

Автор. Но ведь — съели!

Редактор. Неважно. Всегда остаются близкие, друзья-козлы, кооперативные стойла. Теплые вещи... Поправьте. И прочитайте сначала.

Автор. Жил-был у бабушки Ширвиндт козлик Михал Михалыч. Чтобы не быть похожей на Ромео и Джульетту, бабушка козлика не очень любила, хотя уважала и регулярно пускала в огород. Кормила комплексными обедами из ресторана «Сеновал» и спасала от жажды. Вздумалось нашему современнику, козлику Михал Михалычу, погуляти на овощную базу. За два отгула. Напали на бедного местные волки. Списали на него усущку и утруску. Осталась от козлика только дубленка. Сорок четвертый, первый рост... Все!

Ужасно хочется нормальной жизни, кушать, спать... — но приходится держаться. Сцена есть сцена

Редактор. Ну?

Автор. Что «ну»?

Редактор. Это же бред! (Оттягивает пальцами нижние веки, смотрит белки глаз.) Больной, скажите: «А-а-а!»

Автор. (Агрессивно.) Не скажу!

Редактор. Тогда скажите: «До свидания!»

Автор. До свидания!

Редактор. И вам — до свидания!

«...Наш дуэт с Державиным возник издревле: сначала мы просто родились в одном роддоме имени Грауэрмана, что ныне выполз на Новый Арбат, а при нашем появлении скромно стоял возле уютной Собачьей площадки. Была такая удивительная площадка в прошлой Москве, с памятником собаке, старинным особнячком, где размещался Институт Гнесиных, деревянными пивными ларьками, где пиво закусывали бутербродами с красной рыбкой и не менее красной икрой, где зимой в ледяное пиво доливали его же из большого чайника, подогретого почти до кипения, чтобы жаждущие аборигены не простудили горлышко, а на фасаде заведения было большое воззвание: «Требуйте долива пива после отстоя пены!» Потом мы «дружили домами» — Державин жил и живет в доме, где помещается Театральное училище им. Щукина, которое мы с ним впоследствии окончили (он позднее, как молодой, я раньше, как старый), а в детстве часто собирались в миниатюрной двухкомнатной квартирке на первом этаже этого же дома, где жила семья Журавлевых, где было весело и шумно, где вокруг младших Журавлевых, Маши и Таты (наших подруг и почти ровесниц), устраивались балы, вечера шарад и импровизаций, где пели, читали и танцевали под аккомпанемент Святослава Рихтера, думаю, мало кто может похвастаться тем, что имел в своей биографии такого «тапера».

Страсть к «эстраднему» пребыванию родилась у нас с Михаилом Михайловичем с «капустников» еще в первом нашем совместном театре (а мы их вместе поменяли в своей жизни три, включая, надеюсь, последний — Театр сатиры), в Театре имени Ленинского комсомола, куда мы попали со студенческой скамьи и где прожили разную, но веселую и молодую актерскую жизнь. У нас с Мишей есть одна эстрадная зарисовка, которая сопутствует нам уже более тридцати лет и, как нам кажется, не стареет. Долгожительство ее предопределено формой. Державин (не владеющий, к сожалению, впрочем, как и я, ни одним зарубежным языком) имеет патологическую способность к имитированию мелодики разных иностранных языков на словесной абракадабре... Номер строится как интервью с приехавшим иностранным гостем со всеми нюансами советского перевода, где говорится явно одно, а переводится явно другое. Где гость говорит в течение двух-трех минут, а перевод звучит как «Здравствуйте, друзья!». Эта форма проверила себя десятилетиями и не стареет, ибо «резиновая». В каждой ситуации, в каждой аудитории, в каждый данный момент она наполняется секундным содержанием, что приводит публику в некое

ошеломление. Действительно, приезжая на какой-нибудь провинциальный завод, мы до концерта расспрашиваем местных об острых проблемах производства, узнаем об одиозных фигурах данного предприятия, и когда на сцене «иностранец» говорит, что он потрясен женщинами номерного завода, после этого закатывает глаза и с вожделенным вздохом произносит: «О! Григорьева», а я «перевожу»: «Он без ума от Камзолкиной», — зал встает в едином порыве, ибо никак не может понять, откуда заезжие столичные артисты могут знать фамилии главного бухгалтера предприятия и начальника ВОХРы (военизированной охраны).

Миниатюра «Рост спектакля»

Работать и существовать вдвоем многие годы довольно сложно. Недаром, очевидно, так долго проверяют космонавтов на совместимость перед полетом, недаром распадалось столько дуэтов на сцене и в жизни. Мы пока держимся. Почему? Очень разные! Как только накапливается взаимное раздражение, тут же возникает неожиданная разрядка, чаще всего из-за удачной шутки, а также сложилась негласно внутренняя субординация нашего «коллектива», которую Державин формулирует так: «Я парторг и артист, а Ширвиндт худрук и директор».

Один атрибут у Державина в силу обстоятельств, от него не зависящих, отпал, и он остался только артистом, но артистом

замечательным. Кроме Михаила Михайловича я работал на эстраде с Андреем Мироновым. Предательства здесь не было, ибо, как известно, театральные актеры работают на эстраде урывками, между спектаклями, а Державин всегда был, есть и будет одним из самых репертуарных актеров театра. Злой, но вполне замечательный Валентин Гафт, сочинивший много точных стихотворных гадостей в наш адрес, писал:

Державин Ширвиндта заметил,
Благословил, но в гроб не лег,
Им равных не было в дуэте...

Дальше — хамство:

Ушел Державин в «Кабачок»,
Но Ширвиндт пережил разлуку.
Ему Миронов протянул
Свою «брильянтовую руку».

...Очень много бывало на нашей «капустнической» сцене гостей столицы. Тогда был довольно знаменитый номер, сделанный после очередной декады национального искусства в Москве. Он так и назывался — «Участники ненады в Доме актера», где Всеволод Ларионов, в стеганом халате нараспашку, с голым пупком, приветствовал московских коллег.

Выходил и Державин — молодой, голубоглазый, лучезарный, с венком на голове, и я представлял его...

«Уважаемые коллеги! Вы, вероятно, знаете, что у нас в столице по приглашению знатных скотоводов узбекского филиала ВТО гостит один из древнейших богов Греции — Аполлон. На Внуковском аэродроме почетного гостя, покровителя муз, встречали представители Музгиза, Музфонда, Музпроката, Музик-Холла и Серафима Бирман.

Бог и сопровождающие его лица побывали на Выставке достижений народного хозяйства, в Музее изящных искусств и в Юго-Западном районе столицы.

Во второй половине дня Бог посетил Клуб воинствующих безбожников и оставил памятную запись в книге почетных посетителей. Бог присутствовал на лекции бывшего церковнослужителя Осипова «Зачем я порвал с религией?».

Редакцию журнала «Октябрь» Бог не посетил, несмотря на просьбу журналистов дать дополнительные сведения о Теркине на том свете.

Почетный покровитель искусств посетил старейшие академические театры Москвы — МХАТ, Малый, встречался с руководителями этих театров и после прослушивания оперы Держинского «Судьба человека» в Большом театре возложил венок у подножия своего памятника на фронте здания.

Златокудрый Бог Света сейчас находится у нас в гостях. Мы попросили его рассказать о легендарных свершениях жителей Олимпа. Аполлон, не помню отчества, пожалуйста!»

Искусство искусством, а рыбалка это святое

И Аполлон рассказывал: «Славными трудовыми подвигами встречают жители горы Геликон приближающиеся Олимпийские игры. Кто не знает прославленные имена героев производства Алкиноя, Патрокла, Главка и Иракла Андроникова. Мы, скромные труженики Олимпа, дали обязательство в честь богини Мельпомены очистить Авгиевы конюшни на два месяца раньше срока. Всего запланировано убрать 4000 га. Это на 800 пудов больше, чем в прошлом театральном сезоне».

Григорий Горин

Из книги «208 избранных страниц» (1999)

О Михаиле Державине

«У Миши Державина нелегкая актерская судьба — о нем почему-то не сочиняют сплетен. Это вам не Гафт, не Козаков... Не Ширвиндт, наконец, хотя они появляются на экранах телевизоров почти всегда вместе. Но про Ширвиндта сплетничают, про Державина нет — вот такая загадка зрительской психологии.

Даже в зените своей славы, когда Миша был Ведущим популярнейшего «Кабачка «13 стульев», о нем не сочиняли слухов и анекдотов. Про пана Директора — да (женился на пани Монике), про пана Гималайского — пожалуйста («У Гималайского родилась тройня. Все три матери чувствуют себя хорошо...»). Про пана Ведущего ничего подобного никто не припомнит.

Просто — симпатичный Ведущий и песенка «Закрыт... закрыт кабачок...» Мало! Непростительно мало для известного артиста, каким Державин и является на сегодняшний день.

Пора исправлять превратности судьбы. Пора посплетничать о Державине, тем самым переведя его из разряда «широкоизвестных» в разряд «знаменитых», где ему и приличествует быть соответственно таланту и заслугам.

При этом ничего и не надо выдумывать. Здесь подойдет грибоедовское: «...Я правду о тебе порасскажу такую, что краше всякой лжи...» Итак, Михаил Державин — сын известнейшего вахтанговского актера Михаила Державина — с детства был окружен знаменитостями и популярнейшими личностями (Щукин, Симонов, Целиковская, Максакова, Завадский...). Список, который иному хватит на целый том мемуаров и интервью, Миша скромно умолчал, не сделав друзей отца своими покровителями...

Ну, ладно. Это можно как-то понять и простить. Но, выйдя из знаменитой семьи, он, женись неоднократно, попадал в еще более знаменитые семьи... И снова — никакого резонанса в обществе.

Сообщаю любопытным: первый тесть — Аркадий Райкин.

Не ахайте! Да, об этом не писали... Да, вы не знали! А как вы могли знать, если Михаил никогда не стоял на сцене рядом с великим родственником и никогда не сообщал журналистам, что, мол, «вот тут... как-то с женой Катей и с... Аркадием Исааковичем мы пьем чай на кухне... и он меня спрашивает... Миша, а в чем смысл жизни?» Не было таких интервью. И, естественно, народ не знал ни дня свадьбы, ни часа развода... Что, конечно, не способствовало славе Михаила Державина.

Второй тесть был еще более знаменит... Легендарная личность. Герой Гражданской войны. Фольклорный персонаж... Что вы говорите? Чапаев?! Почти угадали... — Буденный!

И опять никакой утечки информации. Про то, что Миша

Державин — зять легендарного маршала, знали лишь очень близкие люди, да еще, может быть, «классные следопыты». Это их мужественные отряды, бредущие по запутанным маршрутам Первой Конной, добирались наконец до поселка Переделкино, где располагалась маршальская дача и где их рапорт должны были принять сам Семен Михайлович, или его жена, или член его семьи, которым обычно и оказывался, к их изумлению... Ведущий «Кабачка».

Походы Первой Конной заставляли их любить учителя. «Кабачок» они любили сами, со всей страстностью чистых пионерских сердец. Поэтому, когда выяснялось, что после многодневного бессмысленного перехода по болотам и топям надо салютовать и рапортовать пану Ведущему из «Кабачка», они понимали, что труды и лишения были не напрасны, и счастливое детство, которое обещало государство, уже наступило.

— ПИОНЕРЫ! — говорил им Державин, поднятый охраной с постели и потому застенчиво запахивающий полы домашнего халата, из-под которого выглядывали пижамные штаны. — ЗА ДЕЛО ПАРТИИ БУДЬТЕ ГОТОВЫ!

— ВСЕГДА ГОТОВЫ! — отвечали пионеры и тут же, без паузы:

— ПИОНЕРСКИЙ ПРИВЕТ ПАНУ ЗЮЗЕ! УР-РА!!!

Седой маршал наблюдал эти сцены с балкона, прислушивался к раскатному «ура» и смахивал скупую слезу...

Он, вообще, очень любил зятя-артиста. Часто играл для него на гармонике и давал ему творческие советы типа:

— В театре, Миша, я думаю, как в бою... Надо доверять первому решению. Увидел человека — и руби его к ядрене матери! А то, Миш, он тебя зарубит!

Советы тестя впрок не пошли.

Михаил никого не порубал из своих коллег, никого не оттолкнул, даже локтем.

С А. Ширвиндтом и Григорием Гориным за кулисами театра

Так и жил, обходя сплетни и скандалы. Поэтому настоящая слава обходила его...

И сегодня он выгодно женат, с точки зрения прибавки популярности. Его жена — популярная певица Роксана Бабаян, но поет с ней почему-то нахальный эстонец Урмас Отт, а Миша даже не аккомпанирует...

К чему я все это рассказываю?!

К тому, что мы равнодушны и нелюбопытны... И судьбой артиста не интересуемся, пока он не запьет, не повесится или в отчаянии не начнет публично перетряхивать постельное белье...

Я смотрю на Мишу Державина, на те роли, какие ему достаются в театре и кино, и с горечью думаю:

— Господи! Как бы он сыграл Чичикова?! А мистера Пиквика? А какой это мог бы быть Несчастливцев?!!

Ау, режиссеры, где вы?!

Ну что ему, убить кого-нибудь или банк грабануть, чтоб заинтересовались?...

Не может он в силу застенчивого характера. Поэтому я и стремлюсь привлечь к нему внимание, как умею...

Кстати, говорят, он приватизировал Московский ипподром имени Буденного... И в связи с распадом Великой державы свою роскошную фамилию сократил и отзывается на кличку Держик...

Ну, что еще? Остальное сами придумайте...»

Как я уже писал, Александр Ширвиндт, несмотря на сложность своей фамилии и анкетных данных, явление удивительно русское, почвенное. Недаром он так тянется к земле. Купил в деревне Синцово дом, завел корову по имени Фира (в девичестве — Ночка). Я побывал в этой деревне, встречался с селянами — ширвиндчанами. Они очень гордятся своим земляком. Рассказывают о нем байки и анекдоты. Причем в байках переименовывают его трудную фамилию на Ширвиндов, как бы чувствуя в нем своего смекалистого мужика.

В отличие от Михаила Державина, который (вероятно, оттого, что в интермедиях часто играет зарубежного гостя) в народе именуется по-чужеземному — «Державиндт». Вот парочка коротких сказок, которые мне удалось записать...

Как Ширвиндов с Державиндтом кайф ловили...

Собрались раз Ширвиндов с Державиндтом на рыбалку кайф ловить.

Державиндт взял удочки, Ширвиндов — закуску. Пошли.

Ширвиндов как пришел, так сразу на бережок сел, выпил, закусил и кайф словил.

А Державиндт вдоль реки бегают, руками машет, дорогие блесны в воду бросает, но кайф никак поймать не может.

Подбегает к Ширвиндову, а тот уже сидит в кайфе, трубку курит. Державиндт и спрашивает:

— Ширвиндов, на что кайф ловишь?

— Не скажу! — говорит Ширвиндов. — Сам догадайся!

Побежал Державиндт еще вдоль речки, спиннинги побросал, возвращается, а Ширвиндов уже столько кайфу словил, что даже прилег и одним глазом смыкает... Заплакал бедный Державиндт, взмолился:

— Ну, будь другом, Анатолич! Скажи, на что кайф ловишь?

— Ладно, как другу скажу, — говорит Ширвиндов ласково и нецензурно. — На тебя, Державиндт, и ловлю... Если б ты только знал, какой кайф на тебя смотреть, как ты вдоль реки туда-сюда бегаешь и ничего не ловишь...

— Вот оно что?! — ахнул Державиндт. — Я тоже так хочу...

С тех пор его часто на реке одного видят: побегаёт-побегаёт, в воду на себя посмотрит... Кайф словить пытается...

Приезжала к нам тут недавно аглицкая королева. Поздоровкалась она за руку с Ельциным, походила туда-сюда с Черномырдиным да с Лужковым, закручинилась.

— Я, — говорит, — не могу долго на эти лица смотреть... Они на меня действуют хуже английской соли. Неужели нет здесь личности, чтоб хоть малость на лорда смахивала? Чтоб и стать была, и аромат, и вообще, чтоб был джентльмен?

— Есть! — обрадовался Лужков. — Есть, Ваше величество, и именно такой. Ширвиндов — фамилия! И статный, и трубку курит, и лицом даже красивей меня...

— Ах! — обрадовалась королева. — Позвать его скорей ко мне! Надеюсь, он «спик инглиш?»

— Не совсем! — отвечает Лужков. — Это Державиндт по-аглички действительно «спик»... А Ширвиндов нет; но в остальном полный «ферштеен»...

— Ладно! — вздохнула королева. — Хрен с вами! Зовите обоих!

Ну, вот! Срочно кличут Ширвиндова с Державиндтом во дворец.

Надели они, согласно этикету, чистое белье, сверху — смокинг и предстали перед королевскими очами.

Королева как Ширвиндова увидела, так затряслась:

— Ах, — говорит, — хау ду ю ду, мистер Ширвиндов. Ай'м глет ту миг ю! Найс ту си ю!

Ну, Державиндт начал губами шевелить, перевод слов искать...

А Ширвиндов сразу понял и отвечает:

— Спасибо, Ваше величество! Не откажусь!..

Наливают им по полной, все выпивают, королева продолжает:

— Хау ар ю, мистер Ширвиндов? Вери вел?

Державиндт к словарям бросился, а Ширвиндов все сразу понял и говорит:

— Ваше величество! В любое удобное для вас время!

Тут королева совсем расплылась, говорит:

— Да! Это джентльмен так джентльмен! Я желаю его наградить и делаю почетным членом палаты лордов!

— Спасибо, Ваше величество! — говорит Ширвиндов. — Но я для этой должности уже староват. Поэтому, ежели такая Ваша царская воля, то сделайте меня по четным членом, а по нечетным — Державиндта!

— Ладно! — засмеялась королева. — Хрен с вами! Гуд бай!

Тут и Державиндт все понял и тоже сказал по-английски:
«Гуд бай!» Сдуру!

А Ширвиндов, как и положено, ушел по-английски — не попрощавшись!..

Глава седьмая

Мое кино

От дебюта до Темзы

1956-й — год, ставший точкой отсчета моей работы в кино. Практически одновременно на экраны вышли «Разные судьбы» (киностудия им. Горького), где у меня был эпизод — роль Кости на собрании, и «Они были первыми» той же киностудии. Название этого фильма стало для меня символичным, поскольку роль студента, поэта, «гимназера» Евгения Горовского стала и для меня первой полноценной киноработой. Из-за съемок, как я уже говорил, пришлось даже пропустить год учебы в училище.

Это историко-революционный фильм. За основу сценария была взята пьеса Юзефа Принцева «На улице Счастливой». 1918 год. Тревожно в Петрограде. Все теснее сжимается вокруг революционного города вражеское кольцо. Уходят на фронт рабочие полки. Борьба с врагами советской власти идет не только на подступах к городу, но и в тылу. В это суровое и трудное для революции время по воле партии большевиков на рабочих окраинах создаются комсомольские организации. Первыми в комсомол вступают молодые рабочие — Степан Барабаш, Саня Чижик, Глаша, Кузьма. После некоторых колебаний и раздумий комсомольцами становятся крестьянский паренек Федор, приехавший из глухой деревни на заработки в Питер, и мой герой, студент Женя Горовский. В дни напряженных боев молодые патриоты вместе с отрядами рабочей гвардии отправляются на защиту Петрограда...

Кадр из фильма «Они были первыми» (1956)

Да, те, сегодня уже непредставимые первые комсомольцы, — верили в бесконечное будущее своей молодой страны, в комсомол.

Работать было чрезвычайно интересно. Какой актерский ансамбль! Георгий Юматов, Марк Бернес, Михаил Ульянов, Лилиана Алешникова, Нина Крачковская... Все молоды, полны надежд, время «оттепели»...

Говорит Юрий Леонидович Арзуманов, доктор медицинских наук, профессор:

«Моя первая встреча с Михаилом Державиным произошла в зрительном зале кинотеатра, где я, 12-летний подросток, смотрел фильм «Они были первыми». Как это часто бывает в кино, лучшие роли у актеров бывают первые. Странно, ведь нет еще опыта, мастерства, не хватает умения распределять эмоции и общаться с партнером. Примеров тому много: Т. Самойлова в фильме «Летят журавли», И. Извицкая в «Сорок первом», В. Ивашов в фильме «Баллада о солдате» и т. д.

М. Державин в своей первой кинороли был поразительно органичен, обаятелен и на редкость достоверен. Присутствие рядом таких замечательных партнеров, как М. Ульянов, Г. Юматов, абсолютно не снизило впечатление от игры юного М. Державина. Чистота его героя, вера в замечательную жизнь, его интеллигентность, образованность создавали особую остроту роли. Когда я сейчас пересмотрел фильм, у меня были те же чувства, те же ощущения, даже появилась боль за этого очень хорошего, очень чистого мальчика, которому по задаткам было отпущено яркое и счастливое будущее, но судьба, как и у миллионов его сверстников, оказалась трагичной».

Говорит Михаил ШАБРОВ, поэт-песенник, драматург:

«Мне с детства очень нравились фильмы о революции. В 1956 году мне было 12 лет, когда на экраны вышел фильм «Они были первыми» о комсомольцах Петрограда, защищавших советскую власть. В фильме снимались такие маститые актеры, как Михаил Ульянов, Марк Бернес, Георгий Юматов, но на меня самое большое впечатление произвел артист, который играл гимназиста Женю Горовского (до сих пор помню этот персонаж). Его играл Михаил Державин, в ту пору еще студент театрального училища, и это была его первая роль в кино, что символично в параллели с названием фильма. Мог ли я предположить тогда, что через 30 лет, можно сказать, кумир моего детства будет исполнять песни, написанные

на мои стихи. Лучшая из них, на мой взгляд, «Короткий год», давшая впоследствии название диску. Музыку написал Владимир Матецкий.

Конечно, надо было сочинить для МихМиха специальный цикл песен. Он замечательно поет. У него хороший слух, он не фальшивит, а удивительно мягкий тембр голоса никого не оставляет равнодушным, особенно женщин. А это чуть ли не главное условие популярности песни. К тому же Державин умеет быть в песне проникновенным, и он одинаково хорошо чувствует жанровую особенность песни. Редкая способность, которой могут похвастаться далеко не все профессиональные певцы. К сожалению, она оказалась до конца нереализованной еще и потому, что Михаил Державин — это пример артиста безоглядно преданного театру, и отвлечь его хотя бы на короткое время от сцены было практически невозможно. Да и на концертной эстраде ему хватало работы в блистательном дуэте с Александром Ширвиндтом. Тут уже было не до песен. А жаль, ведь «Морячка» в его исполнении сразу стала всенародным шлягером.

Вспоминается, как летом мы жили на Пахре, в Плесково. А рядом с Плесково была деревня Лужки. И когда фильм вышел на экраны, в деревне висели самодельные плакаты: «Сегодня в Плесково будет показан кинофильм «Они были первыми», где в одной из главных ролей снимался Мишка Державин (Тарзан)». И вот вся деревня шла в клуб дома отдыха. А в Тарзана я играл года два на заросших и обрывистых берегах Пахры, летая, как на лианах, на веревках, привязанных к верхушкам деревьев, поэтому меня так и прозвали местные.

В 1961-м я сыграл главную роль в замечательном фильме «После бала», хоть и короткометражном, зато по хрестоматийному рассказу Льва Толстого. Это была моя первая роль в экранизации литературной классики. Эту роль сейчас мало кто помнит, но я очень ею дорожу.

В исторической картине «Сон» о поэте Тарасе Шевченко я сыграл знаменитого русского художника Карла Брюллова, к сожалению — роль второго плана. Шел уже 1964-й. В этом весьма для меня урожайном на киноработы году мне довелось сыграть еще одну очень интересную драматическую роль в одном из первых советских психологических триллеров. Назывался этот фильм «Лушка». Он производился той же киевской киностудией имени А. Довженко. В этом фильме я играл обаятельного

молодого преступника. Влюбившаяся в меня девушка, таксистка Лушка, узнав, кто я такой (то есть мой персонаж), на самом деле не отступается ни от меня, ни от своей любви, а проявляет советский характер — решает меня изменить.

К сожалению, подобные фильмы (и тогда, и сейчас) хоть и смотрятся на одном дыхании своими современниками, но вскоре забываются.

Около десяти лет я пробавлялся небольшими ролями в таких вот быстро забываемых зрителем кинокартинах. Зато всюду снимался в так называемых фильмах-спектаклях, то есть в телевизионных версиях спектаклей с моим участием — и они транслировались по центральному телевидению на многомиллионную аудиторию СССР. Это и «Когда море смеется» по роману «Короли и капуста» О'Генри, и «Маленькие комедии большого дома» по пьесе Арканова и Горина, и «Швейк во Второй мировой войне» по комедии Брехта, и многое другое. Участвовал в телевизионных бенефисах Ларисы Голубкиной и Савелия Крамарова.

А в 1979-м при колоссальной театральной занятости удалось сыграть одну из трех главных ролей в двухсерийной комедии режиссера Наума Бирмана «Трое в лодке, не считая собаки». Эту картину до сих пор любят миллионы зрителей. И неудивительно. Фильм в добавление к отличной литературной основе собрал звездный актерский состав — Андрея Миронова, Александра Ширвиндта, Зиновия Гердта, Татьяну Пельтцер, Ларису Голубкину, Алину Покровскую, Ирину Мазуркевич, Виктора Ильичева и многих других.

Это кино о том, как в старой доброй Англии три холостяка решили отправиться в путешествие по Темзе, прихватив с собой собачку Монморанси. В пути их ждет немало приключений и интересных встреч, самой главной из которых станет встреча с тремя женщинами. Дамы так же, как и они, решили совершить путешествие по реке и отдохнуть от противоположного пола.

В основу сценария была положена юмористическая повесть английского писателя Джерома К. Джерома 1889 года, по жанру представляющая собой остроумный отчет о лодочной поездке по реке Темзе между Кингстоном и Оксфордом.

Литературный материал великолепный. Вот, к примеру, описание реки: «Река — когда солнце пляшет в волнах, золотит седые буки, бродит по лесным тропинкам, гонит тени вниз со склонов, на листву алмазы сыплет, поцелуи шлет кувшинкам, бьется в пене на запрудах, серебрит мосты и сваи, в камышах играет в прятки, парус дальний озаряет — это чудо красоты.

Но река в ненастье — когда дождь холодный льется на

померкнувшие воды, словно женщина слезами в темноте одна исходит, а леса молчат уныло, скрывшись за сырым туманом, словно тени, с укоризной на дела людей взирая, — это прозрачные воды мира тщетных сожалений».

Всю натуру режиссер решил снять за один месяц август. На большее, если честно, он рассчитывать и не мог, потому что загрузка Миронова, Ширвиндта да и моя была в остальные месяцы расписана буквально по дням на год вперед: съемки в различных проектах (и кино-, и теле-), юбилейные концерты, репетиции и репертуарные спектакли Театра сатиры, плюс гастроли... А тут — август. У артистов Театра сатиры — отпуск.

Играя трех закадычных друзей, мы, приятели по Театру сатиры, чувствовали себя как рыба в воде. Нам не надо было особо мудрствовать, потому что все, что от нас требовал режиссер, — это приблизительно помнить текст и быть самими собой.

По сюжету, действие фильма происходит на Темзе. Для съемок нужна была очень специальная натура: река со шлюзами. Подходящую местность долго искали. И нашли в итоге в Калининградской области на границе с Литвой небольшой город Советск, сейчас он называется Тильзит. В местной реке Неман оператор картины увидел ту самую туманную Темзу. Тихий, спокойный городок нашей съемочной группе пришелся по вкусу.

Киногруппу поселили в гостинице. До съемочной площадки, то есть до реки, было рукой подать. И каждое утро мы с Ширвиндтом ходили на работу с удочками. Не потому, что так полагалось по сценарию, — просто как заядлые рыбаки не хотели упустить ни малейшей возможности порыбачить.

Но если мы с Ширвиндтом знали толк в большой рыбалке, то Андрей Александрович Миронов в этом вопросе был полным профаном.

И очень комплексовал, переживал на самом деле, что, дескать, у партнеров клюет, а у него — ничего, ни одной рыбки. Видя его страдания, мы решили его поддержать. Уговорили дежуривших на картине водолазов принять участие в одной авантюре. И вот сидим мы, ждем поклевки, а водолазы нацепляют Андрюшке на крючок огромного сазана... И вдруг Андрюшка: «У меня поклевка!» Ширвиндт, как всегда, невозмутимо: «Вынимай». И Андрюша вынул из воды сазана и стал во все горло орать: «Это я, это не они, это я поймал! Это не они, это поймал я! Это не они...» Была у него жуткая истерика...

Прохладная погода и теплая дружеская компания. Мы большей частью снимались, сидя в лодке в купальных костюмах. К лодке был подвязан тросик, за который ее незаметно тянул

катер, а мы делали вид, что гребли. Съёмочная группа стояла на берегу и следила за нами через многочисленные стереообъективы. Кроме того, нас страховали водолазы, сидевшие в воде за лодкой, чтобы их не было видно. Водолазы менялись каждые два часа. Когда у них заканчивалась смена, они выходили на берег совершенно синие. А мы так и сидели в лодке без перерыва.

И очень мерзли. Вдали от берега нам приходилось проводить каждый день по 5–6 часов подряд. Там же, посреди реки, коротали паузы между дублями. А как коротали? Ну, а как вы думаете?

Водолазам нас было жалко, и они в пересменку под водой потихонечку привозили нам какой-нибудь согревающий напиток. В основном хорошую литовскую водку. В полиэтиленовом мешочке мы им опускали деньги за борт, деньги брали заранее... Мы ее тихо переливали в большой медный чайник. И в перерывах между дублями пили понемножку из носика и так согревались. «Что вы там все время пьете?» — кричал с берега Бирман. «Кипяченую водичку», — кричали мы в ответ. Все было в меру, мы никогда не напивались. Кстати, мне кажется, что никто из группы так ни о чем и не догадался.

У всех участников воспоминания о съёмочном процессе остались приятными еще и потому, что компанию из трех главных героев украсили три очаровательные партнерши: Миронову «досталась» его жена Лариса Голубкина; Ширвиндту — еще одна москвичка, Алина Покровская; а мне — Ирина Мазуркевич, единственная девушка из Ленинграда.

Когда съемки были уже в самом разгаре, выяснилось, что Ирина Мазуркевич просто незаменима. Обратите внимание: из всех трех барышень на веслах — только она. Изнеженные москвички грести не умели и учиться этому ремеслу не желали.

Идея фильма «Трое в лодке, не считая собаки» возникла спонтанно. Режиссер Наум Бирман, известный по таким серьезным картинам, как «Авария», «Хроника пикирующего бомбардировщика», «Мы смерти смотрели в лицо», решил отвести душу на комедии. Жанр ему был, в общем-то, знаком. Режиссер одно время работал в театре у Аркадия Райкина, потом снял замечательную кинокомедию «Шаг навстречу» с Людой Гурченко, Андрюшей Мироновым, Евгением Леоновым, Львом Дуровым, Владимиром Басовым и другими звездами. Там на одну сюжетную линию нанизано несколько веселых новелл. Да и героическая «Хроника пикирующего бомбардировщика» с гениальным Олегом Далем — по сути трагикомедия, там много фронтового юмора, неповторимой далевской иронии,

великолепных комедийных сценок про «кооператив извозчиков», «ликер-шасси» и так далее.

Наум Борисович остался в памяти коллег как режиссер-либерал. От его крика никогда не сотрясались стены павильонов, в отличие от большинства коллег он никогда не унижал, не оскорблял актеров, давал им полную свободу действий. И более того, всячески поощрял импровизации.

Многие любимые зрителями сцены в фильме — результат не остроумного сценария, а удачного экспромта. Например, так родилось эффектное падение из лодки всех троих, не считая собаки. Во время съемок этого эпизода в шлюзе я стоял босыми ногами на плечах Андрея Миронова, и тот стал незаметно меня щекотать. Я дернулся, и мы все трое полетели в воду. Потом этот трюк мы так и не смогли повторить, поэтому его выполняли каскадеры. Но эффект уже был не тот, поэтому в фильм вошел тот самый, случайный актерский дубль.

Четвертым джентльменом в лодке был фокстерьер Монморанси. В фильме у него полноценная роль, причем сложная. Кроме сообразительности, ловкости, пес должен был демонстрировать доброту и коммуникабельность, а это очень редкое для фокс-терьеров сочетание. Именно поэтому на роль утвердили не одного, а двух фокстерьеров — Герцога и Греха, — которых в зависимости от настроения сцены и снимали.

Герцог был злым псом. Но он беспрекословно выполнял все команды — тащил зубами лодку, доставал из воды ботинок... А Грех, напротив, был добрым и очень глупым. Александр Ширвиндт его невзлюбил и частенько скидывал пса в холодную воду. Закончилось все тем, что Грех простудился, начал чихать и кашлять. Тогда сердце Александра Анатольевича смягчилось. Более того, он даже пригласил ветеринара и на собственные деньги вылечил Греха...

Их все время заменяли и на крупном плане: где без актеров, там красивый Герцог, а где-то там, издалека, вместе с артистами — это вот Грех.

В этом фильме Андрей Миронов сыграл несколько ролей — Джерома К. Джерома, Джи, миссис Байкли, трактирщика, пьяницу и дядюшку Поджера.

Наум Бирман снял в этой картине в эпизодической роли своего сына, ныне известного актера — Бориса Бирмана.

Во время съемок мы с Ширвиндтом жили в гостинице «Россия». Именно там Ширвиндта серьезно цапнул за палец один из двух фокстерьеров, попеременно игравших в картине «несосчитанную собаку».

Как-то на съемках я закинул свой английский складной

спиннинг и тут же выловил за хвост... бобра! Дежуривший на съемках водолаз подплыл, вытащил крючок, и бобренка отпустили.

Премьерный показ фильма «Трое в лодке, не считая собаки» прошел в ленинградском Доме кино. Но даже наш замечательный актерский состав не спас картину от гнева киноведов. «Где вы видели таких англичан?» — восклицали критики. «Как можно — эти глупые пошлые песенки. А где же советский патриотизм?»

Но все по своим местам расставило время, причем очень быстро: как только картину несколько раз показали по телевидению, то отдельные крики недоброжелателей просто растворились в море народного восторга. Сегодня этот фильм Наума Бирмана — признанная классика нашего кино.

А раз это классика, то классику принято цитировать. Вот несколько цитат из фильма.

* * *

— А вот склепиков, гробиков, черепочков и уж тем более саркофагиков нам не надо.

* * *

— Биштекса не будет. Будут блинчики.
(Это когда сплющилась консервная банка.)

* * *

— Вы еще не в саду?
— А что, вы там будете петь?
— Нет. Вы там будете слушать.

* * *

— Вы упаковывали сковородку?!
— Сковородку упаковывали вы!
— А я точно помню, что вы!
— Вот сковородка. Так, а почему она со струнами?
— О, это очень модно!!!
— Что, сковородка со струнами?

— Вы болван, Харрис, это же банджо!

* * *

— Где гвоздь? Слушайте, я потерял гвоздь, ищите все гвоздь!

— Папа, ты же его во рту держал!

— Папа его проглотил. Папа у тебя клоун... Ой, мне уже нехорошо, но ничего, потом найдем.

* * *

— Опять эта дама! Ну где дисциплина?

— Сэр, в путь отправляются только мужчины.

* * *

— Перестаньте меня грызть! Ну не грызите меня, сэр!

* * *

— Сэр! Верните лодку.

— Сэр! Это наша лодка.

— Похоже, сэр не слышит.

— А может быть, он вовсе не сэр?

— Отдай лодку, болван! О! Услышал...

* * *

— Так, пора сматывать удочки.

— Почему?

— Его красная кепка распугала всю рыбу.

— Я все слышу. Мы же рыбу ловим, а не быков.

* * *

— Хорошие у меня дети. Глупые, но хорошие.

* * *

— Что ты мне рожаеть таких одинаковых детей? Не могу отличить одного от другого!

* * *

— Эй ты, чучело! Не трогай чучело!

* * *

— Вот, Джордж, молодец, золотые руки! Любо дорого глядеть, когда он за что-нибудь берется.

* * *

— Как? Вы не хотите осмотреть могилы? Ха-ха, вы шутите, господа!

* * *

— Ну что же, Джордж, вы не жилец. Ваше здоровье!

* * *

— Только солнце, только небо и река!

* * *

— Что ты смеешься, пьянчуга! Ты кроме лягушки в жизни ничего не поймал.

* * *

— Это, по меньшей мере, не вежливо, сэр!

* * *

— Я уже в са-са-са...

- В саду?
- Сэ, сэ, сэ!

Время Эйрамджана

Так случилось, что в 1980-х годах мне пришлось практически оставить кино, отдав время и силы театральным работам. Был лишь эпизод в музыкальной картине «Зимний вечер в Гаграх» (1985) и участие в нескольких телепроектах.

Я полностью сосредоточился на работе в Театре сатиры, где в 80-е годы сыграл Скалозуба в «Горе от ума», Епиходова в «Вишневом саде», Бобчинского в «Ревизоре», Виктора Викторовича в «Самоубийце», Тартюфа в одноименном спектакле, генерала в спектакле «Швейк, или Гимн идиотизму» и много других интересных и незабываемых ролей.

Но все изменилось с началом 90-х. Я познакомился с режиссером Анатолием Николаевичем Эйрамджаном (настоящая фамилия — Тер-Григорьян). На самом деле он был известным сценаристом, окончившим сценарное отделение Высших курсов сценаристов и режиссеров. По натуре очень веселый человек, обладающий тонким чувством юмора, он свой выбор остановил на жанре комедии в любом ее проявлении: романтическая — «Встретимся у фонтана» (1976), легкий мюзикл — «Пора красных яблок» (1981), комедия-мелодрама — «Путешествие будет приятным» (1983), комедия-приключение — «Витя Глушаков — друг апачей» (1983)...

Прославила же его имя популярная советская, на этот раз лирическая комедия «Самая обаятельная и привлекательная». Режиссер Геральд Бежанов пригласил на главные роли именитых актеров: Ирина Муравьева — Надя Клюева, скромная сотрудница проектного института, которая, не жалея собственного времени и личных денег, всегда выручала коллег, Татьяна Васильева — ее школьная подруга, действующая строго по науке — методично, последовательно, уверенно, и шикарное трио привлекательных мужчин: Александр Абдулов, Леонид Куравлев, Михаил Кокшенов. Нашлась роль и для самого автора сценария, он дебютировал в качестве актера в эпизодической роли пассажира в автобусе.

Но с 1989 года он и сам стал снимать по своим сценариям фильмы. И первой в его режиссерском списке стала на этот раз авантюрная комедия «За прекрасных дам». Первый, кстати, советский коммерческий фильм. С простеньким, на первый взгляд, но довольно оригинальным сюжетом. Незадачливые

грабители в лице обаятельных Александра Панкратова-Черного и Александра Абдулова выбрали в качестве своих жертв компанию молодых благополучных дам — героинь Елены Цыплаковой, Ирины Шмелевой, Ирины Розановой, Маргариты Сергеечевой, собравшихся обсудить свои «маленькие женские радости» за прекрасным ужином. На этот раз и автор сценария, и режиссер в одном лице, как говорится, попал в «десятку».

Но режиссер рискнул пойти дальше — помог образовать в 1990 году киностудию «Одеон». Созданные Анатолием Эйрамджаном фильмы должны были следовать девизу «Одеона»: «Из зала не должны уходить ни дураки, ни умные». Благодаря умению, таланту и упорству самого создателя так и случилось.

В 1990 году я вместе с Ширвиндтом был приглашен Эйрамджаном на съемки комедии «Бабник», где сыграл Михаила Дмитриевича, начальника главного героя — Аркадия (которого сыграл Ширвиндт). Аркаша из того типа мужчин, которые, словно медведь-шатун, не смогли вовремя впасть в спячку — войти в тихую гавань семейной жизни и, несмотря на возраст, продолжают скитаться по жизни в поисках приключений. В этом отношении Аркадию можно позавидовать: в отличие от многих одиноких мужчин он удачливый бабник. В его записной книжке десятки телефонов, он может менять женщин как перчатки — хоть каждый день, соблазняя совсем еще юных и наставляя рога ленивым мужьям с семейными дамами. Он абсолютно всеяден и готов любить практически любую женщину.

Русская культура не жалуется бабников, и, на первый взгляд, Аркадий не слишком привлекательный персонаж. Он постоянно врет — женщинам, сотрудникам, друзьям. Он так привык ко лжи, что уже и сам в нее верит. Его совесть чиста, он всегда находит себе оправдание. Но чем больше мы его узнаем, тем больше понимаем — Аркадий не такой уж примитивный и однозначный персонаж, каким может показаться!

По многочисленным отзывам зрителей, как отмечал сам режиссер, это замечательный фильм. Легкий, добродушный, со вкусом. Успеху картины способствовал и яркий актерский состав: Ирина Муравьева, Спартак Мишулин, Галина Беляева, Людмила Нильская, Ирина Шмелева, Елена Скороходова, Людмила Иванова, Александр Панкратов-Черный, Роксана Бабаян...

Вспоминаю, что, когда во вновь испеченной студии заканчивалось озвучение первой комедии «Бабника», всем было грустно, жаль было прощаться. Чтобы не расставаться с такой замечательной командой артистов, Эйрамджан тут же и решил запустить новую картину, на этот раз музыкальную комедию «Моя морячка». Так ровно через три недели после «Бабника»

началась новая съемочная лихорадка. На этот раз с несравненной Людмилой Гурченко, приглашенной на роль главной героини — массовика-затейника.

Выпускница театрального института мечтала стать известной артисткой, а вынуждена работать массовиком-затейником в курортном городе юга СССР. И вот она вместе со своей подругой-концертмейстером устраивает каждый вечер какие-нибудь конкурсы для отдыхающих, один из которых — «Где вы, таланты?», где каждый может проявить себя и получить приз. А одному из отдыхающих, который явно талантливее других, этот приз не дают. Из вредности. Не понравился он чем-то этим теткам.

Но тот каждый вечер ходит и ходит на эти конкурсы, поет и поет свою песню, которая так и называется: «Моя морячка». На этом и держится весь сюжет.

М. Державин, А. Эйрамджан, Л. Гурченко, «Моя морячка», у Ю.В. Никулина на Цветном бульваре (1990)

К сожалению, у нас так часто принято — личное отношение становится выше общественного долга, мешает выполнению своих должностных обязанностей. Особенно это проявлялось в те годы, когда страна под названием СССР катилась в тартарары, и все чувствовали, что что-то будет. Вот и Людмила Пашкова, которую играла несравненная Людмила Марковна Гурченко, отыгрывалась на бедном дяде Мише Гудкове, который, очевидно, заслуживал главный приз (да и что за приз? Ложка какая-то? Ну и контрамарки на такие же мероприятия), как бы мстила ему за

свои нереализованные чаяния. Ведь ей каждую ночь снилось, будто она — большая артистка и поет на сцене, а ее Татьяна Петровна ей аккомпанирует. Проснется — хватить! Ан нет ничего! Она массовик-затейник, а большее ей и не светит. Днем с детьми в игры играть, повторять без конца «Тили-бом-тили-бом, загорелся кошкин дом...», а вечером вести это местечковое шоу талантов.

Ну а он — корабельный механик, добрый, интеллигентный дядька, но не привыкший отступать, взял-таки измором свой законный призочек. Для него-то не в жалком призе дело, а в принципе. Ну всем же очевидно — и зрителям, и другим конкурсантам, и даже сыну Людмилы, что главный приз заслуживает он.

Ну а финал, как у многих советских фильмов, открытый. Вроде как уехавший Михаил Гудков возвращается, но больше петь не будет. Все заканчивается тем, что непонятно, то ли в мечтах, то ли наяву Людмила и Михаил поют «Се тью» где-то на большой сцене, наверно, в Москве на Центральном телевидении. То ли поженились, то ли нет.

Есть на свете особая категория фильмов, сюжета в которых практически нет, но игра актеров, их харизма создают такое неповторимое настроение, что их хочется пересматривать снова и снова! Фильм «Моя морячка» — один из них. Его невозможно смотреть, не улыбаясь, а после просмотра на душе остается приятный осадок. Причина тому — харизма отлично подобранного актерского состава!

Моя роль — интеллигентный рабочий из Мурманска, который, как и многие советские мужчины, умеет петь и аккомпанировать себе на аккордеоне (в СССР гармошка, баян и аккордеон считались «народными» инструментами, и игре на них практически бесплатно обучали во многих кружках и домах культуры). Случайно оказавшись в парке на типично советском мероприятии «Где вы таланты?», он был практически вытащен на сцену массовиком-затейником Людой, что стало началом полномасштабной войны между двумя сильными личностями!

Легко посмеиваться над тем, что творится на сцене, сидя в зрительном зале. Но, став героем шоу, ты сразу перестаешь контролировать ситуацию. Ты хочешь стать звездой? Тебя обсмеют и выставят клоуном. Вот и герой никак не ожидал, что вместо бурных оваций его таланту он получит лишь дурацкий значок, а победу присудят маленькой девочке, которая даже не умеет петь! Возможно, герою не хватило чувства юмора или он относился к себе слишком серьезно, но вместо того, чтобы забрать значок и пойти на пляж, он принялся выяснять, чем же

ведущей Людмиле не понравилось его пение. Потребность в признании становится просто маниакальной, он начинает посещать все мероприятия, которые проводит Людмила, снова и снова принимая участие в конкурсе талантов. Но, словно назло, Людмила вновь и вновь присуждает победу кому-то другому...

На первый (да и на второй) взгляд может показаться странным — что же могло не понравиться Людмиле в этой веселой и легкой песенке?! Поет мой герой от души, он один из тех, кто уже одним своим видом создает праздничное настроение. Публика ему подпевает, аплодирует, он быстро становится кумиром. И только суровая Людмила раз за разом лишает Гудкова вполне заслуженного приза... Но заслуженного ли?

Чем больше мы узнаем Людмилу, тем более становится очевидным — карьера массовика-затейника для нее не предел. Она — профессиональная актриса, но, как и тысячи других советских актеров, не смогла найти себя ни в кино, ни в театре. Возможно, профессиональная нереализованность вкупе с семейной (Людмила растит сына одна) являются причиной застарелой депрессии героини, и Гудков с его песней нечаянно наступил на ее «больную мозоль»...

Как ревниво порой профессиональные музыканты смотрят на поп-исполнителей, которые без особого труда и серьезного образования буквально взрывают зал, в то время как желающих послушать их сложную музыку совсем немного! Возможно, сама Людмила так и не смогла найти ключик к сердцу публики, и то, как быстро его нашел Гудков, вызвало в ее душе взрыв ревности? Она словно мстит ему за то, что удача обошла ее стороной, и раз за разом находит предлог, чтобы отдать приз (впрочем, совершенно символический) кому-то другому.

Режиссер правильно рассчитал беспроигрышный вариант: лето, южный берег Крыма, санаторий, отдыхающий работяга, интрига не менее курортная, чем антураж, и не более далекая от жизни, чем любовь. И сценарий, и обстановка на съемочной площадке были настолько увлекательными, что Анатолий Николаевич не удержался и отвел себе в фильме роль (правда, небольшую) московского коллеги Гудкова.

Фильм, казалось бы, ни о чем, а он о многом. О вредности, об упорстве, о таланте и бездарности, о личном и общественном.

В этом весь Эйрамджан. Сюжет, казалось бы, незатейлив. Но его фильмы всегда поднимают важные нравственные вопросы.

Меня с ним связывала творческая дружба, поэтому, когда он меня звал, будь это эпизодик или главная роль, я у него обязательно снимался: «Настоящий мужчина» (1991), «Новый Одеон» (1992), «Жених из Майами» (1994), «Третий не лишний»

(1994), «Импотент» (1996), «Ночной визит» (1997), «Примадонна Мэри» (1998), «Агент в мини-юбке» (2000).

В фильме «Ночной визит» я снимался с моей давней партнершей по Театру сатиры (сейчас она самостоятельная актриса) Татьяной Васильевой. Роксана тоже, кстати, снималась с нами и в «Бабнике», и в «Женихе из Майами», и в «Импотенте», и в фильме «Примадонна Мери» (там у нас крохотные рольки — я играю бизнесмена, мы с Роксаной отправляем героиню в Америку).

К сожалению, Анатолия Николаевича уже нет с нами.

Но зрителям осталось его кино со своим собственным стилем: «Сам я за собой никакой особой уникальности не наблюдаю, поскольку я вырос на картинах советских режиссеров, в частности, на работах комедиографов — Александрова, Пырьева, Юдина, Протазанова. Еще я очень любил американское трофейное кино — оно было намного интереснее, чем теперешнее, и я много взял оттуда. Безусловно, повлияли на меня и Рязанов, Данелия, Гайдай. Может быть, из этих собранных по крупницам разных частиц и родился мой собственный стиль».

Анатолий Эйрамджан.

Из книги «С миру по нитке» (2006)

«...Он [Михаил Державин. — Примеч. ред.] играл у нас главную роль в фильме и, прилетев в Дубай, тут же был окружен толпой челноков, проституток со всех уголков бывшего Советского Союза и нашими отдыхающими. Державин со всеми фотографировался, отвечал на любые вопросы, давал автографы, интересовался их житьем-бытьем... И все свободное время проводил в беседах со своими поклонниками. У челноков спрашивал, как идет их бизнес, что они вывозят на продажу. У проституток интересовался, тяжела ли их работа, и те жаловались, что многие арабы их обманывают, что наши «новые русские» намного щедрее и честнее.

— Ну, это, конечно! — соглашался Державин. — Родина есть родина!

И вот однажды, подъезжая к нашему отелю, я увидел привычную группу «наших» во главе с Державиным.

— Державин! — тут же заорал я измененным голосом из машины. — Державин!

Миша стал оборачиваться на голос, но я был уже в другой точке, а поскольку подъезд к отелю шел как бы по спирали, то я

успел прокричать «Державин!» еще несколько раз.

В дальнейшем, каждый раз подъезжая к отелю и заметив кучку людей с Державиным в центре, мы (те, кто был в этот момент в машине) начинали орать на все голоса: «Державин! Державин!»

И под конец съемок Державин признался мне за завтраком:

— Толь, потрясающий успех у меня у здешней публики! Такого в жизни не было! Над всем городом буквально стоит вопль: «Державин! Державин!» Представляешь?!

Как не представить?

Державина я пригласил на вторую главную мужскую роль в фильме «Бабник», и сцена, где его ловят «на месте преступления» с аспиранткой, по децибелам вызываемого в зале смеха среди других сцен на этой картине стала рекордсменом. С тех пор началась наша дружба с Державиным. Я уже точно знал, что он должен играть главную мужскую роль в «Моей морячке». Да и в последующих картинах я почти всегда при написании сценария видел одним из героев Мишу Державина. Как он сам говорит, я снял его в восьми с половиной фильмах. Под половинкой, я думаю, он имеет в виду короткометражку «Настоящий мужчина». А вот насчет восьми фильмов — это надо подсчитать. Я думаю, фильмов моих с его участием уже больше восьми.

Чем меня покори́л Державин? Конечно, уникальным мягким, гибким, добрым, ярким и всегда готовым раскрыться комедийным актерским талантом. Но и, что тоже немаловажно, так редко встречающейся в актерской среде интеллигентностью, порядочностью, простотой в общении, отсутствием фанаберии и доброжелательностью ко всем окружающим. Придя как-то на съемки «Морячки» на «Мосфильм» на час раньше (ассистент перепутала начало съемок), Державин скромно стоял возле двери закрытого павильона, и первой к нему подошла уборщица, потом рабочий-декоратор, потом слесарь из мастерской. И когда приехала съемочная группа, Державина с трудом извлекли из плотного кольца работников «Мосфильма», которые хоть и привыкли видеть знаменитостей на студии, но чтобы вот так запросто, как с Державиным, беседовать с ними!.. Это большая редкость. Звезды обычно бывают недосыгаемы.

Часто, когда я звоню к Державину, у меня возникает ощущение, что я ошибся номером. В трубке слышу незнакомый женский голос.

— Кто это? — удивленно спрашиваю я, так как кроме Роксаны не ожидаю другого женского голоса.

— А кто вам нужен? — певуче спрашивает женщина.

— Простите, я видно не туда попал, — собираюсь я повесить трубку.

— Туда-туда! — отвечает мне торопливо женщина и продолжает голосом Державина:

— Понимаешь, все время звонит одна сумасшедшая поклонница...

И еще одно качество Державина, поразившее меня, — его манера вести машину. Находясь за рулем, он создает у человека, который сидит с ним рядом, ощущение абсолютного комфорта: никаких обгонов, резкого торможения, виражей, ругани в адрес других водителей... Своим приятным бархатным голосом Миша рассказывает какую-то актерскую байку или свежий анекдот, и создается ощущение, будто вы и не едете по беспокойным проспектам Москвы, а сидите в удобном кресле, попиваете кофе с коньячком и ведете неторопливую беседу с хозяином квартиры.

Когда я лежал в ЦПКБ в ожидании операции на сердце, кто-то посоветовал мне пригласить знаменитого актера в больницу, чтобы персонал знал, кого они собираются оперировать, и отнесся бы к этому делу со всей ответственностью. А то будут думать, что на столе лежит обычное «лицо кавказской национальности». Я вынужден был согласиться с такими доводами, и вот почему. Как-то года за три до этого мне делали операцию грыжи, и я по совету бывалых людей заплатил до операции хирургу и анестезиологу, чтобы все было по высшему разряду. После меня через неделю делали такую же операцию режиссеру-документалисту (кстати, тому самому, который согласился заменить оператора на съемках в Дубае), тоже «лицу кавказской национальности», и делали эту операцию ему под местным наркозом, без общего, так как он не договорился об этом предварительно с анестезиологом, решив, что не стоит платить по такому поводу.

— Представляешь, лежу я, боли в паху не чувствую, но все, что они говорят, слышу, — рассказывал потом мне этот документалист. — И вот один хирург говорит другому:

— А как этот чучмек попал в нашу больницу?

— Да заплатил, наверное, кому надо, — отвечает другой.

Режиссер-документалист решил внести ясность.

— Как вам не стыдно, раз кавказец, значит, сразу заплатил! А я, к вашему сведению, член Союза кинематографистов.

— Да ладно врать-то! — ответили ему хирурги, копошась в его грыже. — Мы же тебя не допрашиваем...

— Да как вам не стыдно! Я лауреат многих премий за короткометражки!

— Ну, это ты загнул! — ответил ему хирург. — Чурка-лауреат!

— Я, по-моему, видел тебя на Киевском рынке, ты орехи продавал, — уверенно сказал второй.

— Что?! Какие орехи! — чуть не задохнулся от возмущения документалист. — Я буду на вас жаловаться!

— Слушай, отрежь ему семенной канатик, — сказал негромко один хирург другому, и наш документалист тут же сдался:

— Все, молчу, ребята, простите!

Через месяц, рассказав мне эту историю, документалист спросил:

— А какой толщины у тебя шрам?

— Никакой, — ответил я. — Почти незаметен...

— А у меня толщиной в сардельку, — грустно сказал документалист.

Поэтому я, зная эту историю, решил на всякий случай подстраховаться и пригласил в больницу Державина. Лучшего выбора нельзя было сделать. Миша переговорил со всеми медсестрами, уборщицами, нянями, рассказал, какой замечательный человек лежит у них в ожидании операции, хирургам подарил кассеты с нашими фильмами, представил им меня чуть ли не национальной гордостью страны и призвал применить все свое мастерство для успешного проведения операции.

Провожали его всем отделением, было долгое и теплое прощание в дверях — на весь персонал он произвел неизгладимое впечатление, и моя операция прошла успешно. За что я Мише очень благодарен...»

Михаил Державин. Фильмография:

1956 — «Они были первыми» — Евгений Горовской.

1956 — «Разные судьбы» — Костя, студент на собрании (нет в титрах).

1964 — «Сон» — Карл Брюллов.

1964 — «Лушка» — Кирилл.

1965 — «Лебедев против Лебедева» — Грановский.

1967 — «Спасите утопающего» — иностранный турист с видеокамерой «Квадрачек».

1968 — «На Киевском направлении» — Василий Иванович Тупиков.

1969 — «Швейк во Второй мировой войне» (телеспектакль) — Прохазка, сын хозяина мясной лавки.

1973 — «Эффект Ромашкина» — Вадим Павлович Баламутников, помощник профессора Занозова.

1979 — «Трое в лодке, не считая собаки» — Джордж.

1979 — «Любовь под псевдонимом» — Эдуард Матвеевич Митрошкин.

1980 — «Следствие ведут ЗнаТоКи. Ушел и не вернулся» — Валетный.

1985 — «Зимний вечер в Гаграх» — эпизод.

1987 — «Джамайка» — артист Заботин.

1990 — «Бабник» — Михаил Дмитриевич, шеф Аркадия.

1990 — «Моя морячка» — Михал Михалыч Гудков, отдыхающий.

1991 — «Чокнутые» — Фаддей Булгарин.

1991 — «Настоящий мужчина» (короткометражный фильм).

1992 — «Новый Одеон» — Олег Николаевич.

1994 — «Жених из Майами» — дядя Миша.

1994 — «Третий не лишний» — челнок.

1996 — «Старые песни о главном 2» — пан Ведущий.

1996 — «Импотент» — Михаил Михайлович.

1998 — «Примадонна Мэри» — Михаил Михайлович, владелец фирмы «Фокус-интернешнл».

1998 — «Ночной визит» — Михаил.

2000 — «Агент в мини-юбке» — Александр Николаевич.

2000 — «Старые клячи» — секретарь горкома.

2007 — «Карнавальная ночь 2, или 50 лет спустя» — игрок на ложках № 2.

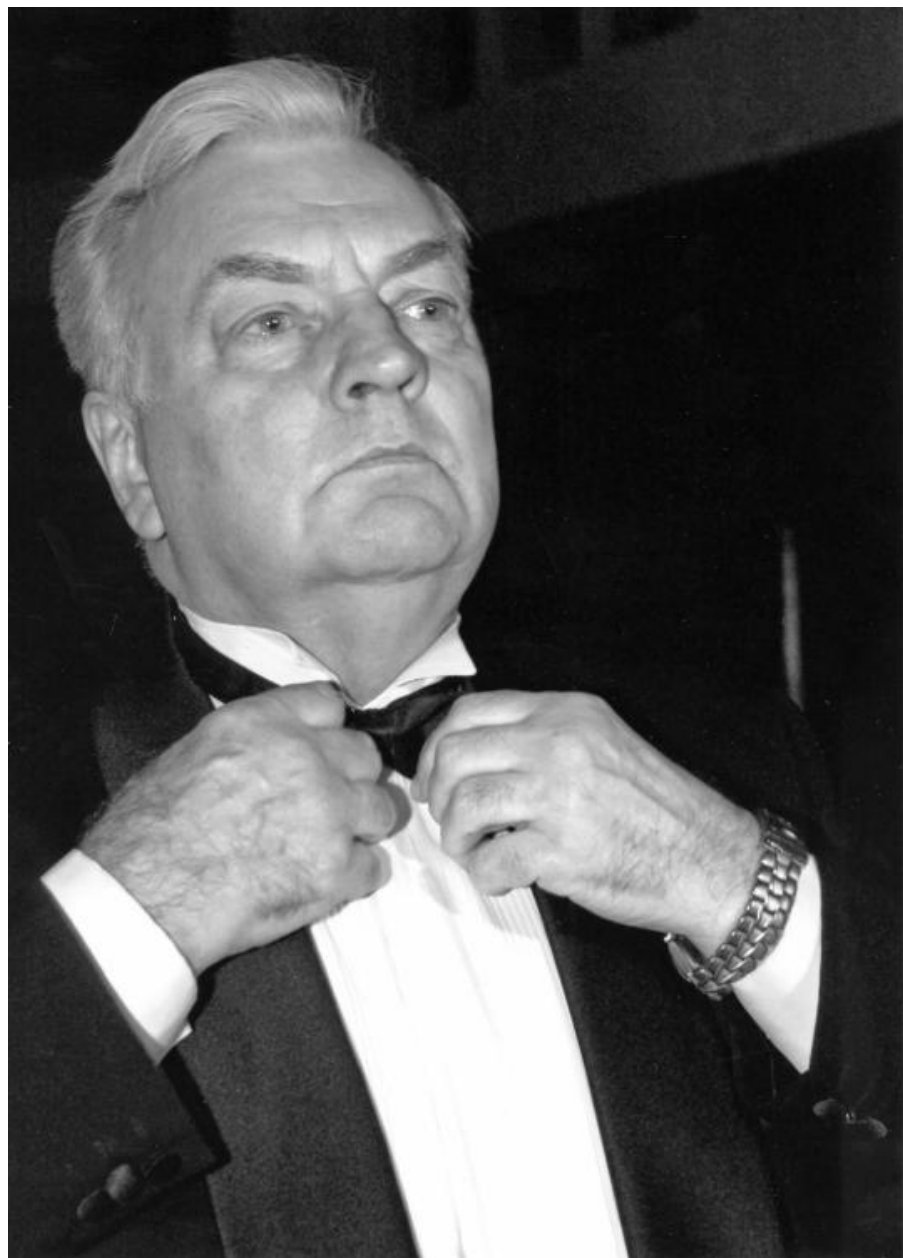
2012 — «Мексиканский вояж Степаныча» — полковник.

2015 — «Криминальный блюз» — дядя Миша.

Озвучивание мультфильмов:

1967 — «Колумб причаливает к берегу».

1985 — «Брэк!»

Глава восьмая

Мысли вслух

* * *

В моем доме проживали маститые актеры, одно время один за другим они играли то Ворошилова, то Сталина, то Ленина. Домой порой возвращались в гриме. А я сидел на балконе и смотрел: «Вот идет товарищ Ворошилов, а вот Буденный...» И вот в один из дней я переехал на улицу Грановского (сейчас Романов переулок) к своей бывшей уже супруге, дочери Семена Михайловича Буденного Ниночке. Так смешно, что я сам стал жить среди настоящих вождей и каждый день видел живую тех, кого изображали мои соседи-актеры.

* * *

С детских лет в доме у нас всегда водились собачки и кошки. Первый питомец — от клоуна Карандаша. После премьеры новой цирковой программы мы с папой зашли его поздравить, и Михаил Николаевич сказал: «Хочу подарить вашему сыну новорожденного щенка — маленького, у вас квартира небольшая, знаю, но детей — трое, пусть радуются». Протянул чудное создание — пушистое, черно-белое, породы гриффон. Именем олененка из популярного тогда диснеевского мультика мы его и назвали. Бэмби надолго поселился у нас на Арбате.

Роксанка тоже обожает собак, на даче с нами две псины: немецкая овчарка и здоровенная дворовая. Однажды Роксана принесла домой медвежонка в специальной клеточке — ей подарили его в самолете. Отдали в зоопарк, потому что два Михаила в одной берлоге — многовато.

* * *

Все мои жены внешне оказались одного типа. На протяжении жизни я не изменял своему вкусу. Так уж распорядился Бог, что меня никогда не тянуло к блондинкам, мне нравились барышни черненькие, стройненькие, сублильные. Но зато по национальной части я очень разносторонен и неуклонно подтверждал это

своими тремя браками. Моими женами последовательно были: еврейка — очаровательная Катюша Райкина, казачка — прелестная Ниночка Буденная, и, наконец, армянка — неповторимая Роксаночка Бабаян. Так что я приверженец дружбы народов и интернационализма.

* * *

Таланты рождаются редко. И самое интересное то, что они не всегда знают, что их талант можно применить в сфере электроники или театрального искусства. Я очень верю в труд. Перед моими глазами были судьбы людей, не обладавших трудоспособностью, к примеру, Андрея Миронова, хотя они были талантливее его. Но он был трудолюбивее и поэтому достиг большего и был первым.

* * *

О любимых ролях. Это Бубусь из «Опасного возраста» Семена Нариньяни 1960 года. Бубусь — парень-стиляга, одна из моих первых больших ролей в театре. Наверное, самая любимая роль. Уже в зрелом возрасте мне нравилось быть полицейским в брехтовской пьесе, Скалозубом в «Горе от ума», Бобчинским, Тартюфом — хотелось бы перечислить много...

* * *

В Театре сатиры нам, конечно, ничего не высказывали, но мы узнавали, что дирекции театра по тем или иным поводам все-таки делали замечания из-за нас, актеров, что наша дирекция вела переговоры с начальниками из министерства культуры о том, что мы там говорим на сцене. За нами тщательно следили в управлении культуры. Слава богу, меня ни разу на ковер не вызывали, отдувалось всегда руководство театра. В кино все было намного строже. Там зачастую, если в фильме что-то кому-то казалось неприемлемым, картину просто закрывали и клали на полку. Мне повезло в этом плане — как-то я не попадался чиновникам под горячую руку. Наверно, это потому, что всегда предпочитал театр кино. Хотя на съемки меня приглашали нередко.

С Ширвиндтом решили поздравить с юбилеем Эльдара Рязанова в концертном зале «Россия» необычным номером. Мой персонаж, поклонница-иностранка, говорит на тарабарщине — я могу имитировать иностранную речь часами, — а герой Ширвиндта переводит ее признания. Я переоделся в женское платье и оказался вылитой Таней, моей сестрой. Туфли купил в большом магазине на Краснопресненской. Пока примерял серебристые босоножки, покупатели не скрывали удивления: не с ума ли сошел? Продавцам-то я объяснил сразу, и они меня полюбили, при каждом моем появлении там сразу предлагали дефицит.

А в женщине главное — обаяние. Впрочем, и для мужчины это важно. Иногда заговорит тощая (или полная), странная, чудная особа — и ты взгляд не можешь отвести: она преображается, становится милой и очаровательной. Ценю юмор, умение хорошо готовить, любить тех, кто рядом, и вести себя в обществе. Ведь встречаются и такие дамы: выпьют 50 грамм и начинают руководить, все знают.

Прелесть театра в его живом дыхании. Я знаю людей, которые смотрят один и тот же спектакль раз сорок. В каких-то есть место импровизации, в каких-то нет. А еще я, например, верю в то, что на артистов и зрителей действует погода. Раньше мы этого не замечали, а затем стали записывать, какая была погода, атмосферное давление, состояние зала и артистов, и увидели, что это не так уж отдалено друг от друга. Бывает тяжелая обстановка на спектакле, но бывает и эмоциональный взлет.

Моя творческая радость в том, что зрители все еще ходят в театр. И к концу спектакля не расходятся. В зале у нас нет свободных мест. Причем это не зависит от того, играем ли мы современную пьесу или классику. Народ все равно, к нашей общей радости, жаждет живого общения.

Сцена — поразительная штука. Она показывает личность актера, как под увеличительным стеклом. Конечно, бывает и так: отъявленный мерзавец играет благородного отца семейства, но

все-таки на сцене проглядывает истинное лицо человека. Хотелось бы думать, что я соответствую тому впечатлению, которое складывается у зрителей. Надо сказать, что я, даже когда играл Скалозуба, искал в нем доброту, привлекательность, обаяние. По-моему, он от этого становился еще страшнее.

* * *

Психика актера устроена таким образом, что помогает отрешаться от неудач. Конечно, неудач в жизни бывает больше. Может быть, они незаметны окружающим. Но ты-то о них знаешь. У меня колоссальное число несыгранных ролей. А что такое для актера закрытый спектакль? Ты вкладываешь душу, у тебя удачная работа, а зритель этого никогда не увидит. Это травмирует даже больше, чем неудача.

* * *

Театр сатиры удивительный! Здесь работало множество замечательных актеров и режиссеров: Плучек, Розовский, Виктюк, Захаров, Папанов. Всегда были очень сильные мужской и женский актерские составы. Популярность, я думаю, в том, что все, происходящее здесь, всегда созвучно времени, очень чувствуется тон сегодняшней жизни. Даже речевой.

* * *

О музыке в спектакле. Однажды в далеком от Москвы театре мне довелось посмотреть своего рода поучительный спектакль. В нем были, казалось бы, все присущие нашему искусству «атрибуты». Актеры произносили свои реплики и монологи, конфликт развивался, и сюжет неуклонно подвигался к развязке. Я же постоянно ощущал недовольство происходящим. Что-то было не так. И лишь когда под занавес герой щелкнул кнопкой магнитофона и зазвучала тихая мелодия, наконец понял: мне не доставало музыки — действие, не подкрепленное силой музыкального искусства, казалось затянутым, даже скучным. По существу, лишенный одного из важнейших своих компонентов, спектакль утерял очарование подлинно сценического действия и воспринимался как бы всухомятку. Музыка и драма идут рука об руку еще со времен античного театра. О том, что из всех искусств

музыка наиболее близка к театру, говорили Мейерхольд, Таиров... Театр сатиры не мыслит себя без музыки, музыкальность исполнителя считается важнейшим условием его пребывания в нашей труппе.

* * *

О юморе. Ни одно серьезное дело, конечно же, не обходится без юмора, а порой и не рождается без него. Вот Ньютону упало на голову яблоко, и родился закон всемирного тяготения. Над этим улыбаются все люди Земли. Действительно, все гении, все великие мира сего обладали чувством юмора. И Эйнштейн, и Павлов, и Черчилль, и Пушкин... И когда творили, и когда любили. Если кто-то живет без улыбки, без шутки, то в этом есть что-то подозрительное: это либо маньяк, либо дурак. А что касается юмора в театре, на эстраде, в кино — это тоже очень серьезная работа. И любовь, доложу вам, — дело серьезное. Ведь ее надо созидать, ремонтировать, лелеять, беречь — это очень большая и серьезная работа. Но обязательно все это должно быть с юмором.

* * *

О телевидении. В существующем телепотоке удельный вес театра очень мал. Все-таки в Москве сейчас дикое количество программ, но спектаклей мы видим намного меньше, чем когда были один-два канала. И еще в свои права вошла экономика. Театр окупает себя только в отношении зарплаты актерам. Поставить спектакль, сделать декорации, купить для сцены сатин, не говоря уже о шелке, — безумно дорого! Должно быть меценатство, должна быть дотация, которая во всем мире существует. И телевидение должно идти театру навстречу, жертвовать чем-то иным, но показывать лучшие спектакли театрального искусства.

* * *

Политика и театр всегда рядом. При всем желании сейчас нельзя жить вне политики. Есть политические театры, есть поэтические. Но я не люблю такой резкой градации. Театр должен быть разнообразным, и возможностей у него тогда больше. Я

очень завидую некоторым «синтетическим» артистам. Я помню концерт Ива Монтана, как он — высокий, стройный, великолепно танцующий и прекрасно поющий — вдруг сделал на сцене акробатическое колесо!

С ястребом Шурой. А что? Возможен и такой дуэт.

А выступления Фрэнка Синатры! И у нас есть такие «синтетические» артисты. Мне нравятся Костя Райкин и Николай Караченцов — дай бог ему выздороветь и вернуться на сцену, — которые умеют и петь, и танцевать.

* * *

Талантливые люди уезжают по разным причинам. Одних вынудили обстоятельства, другие — из любопытства, третьи — из тщеславия. Многие думают, что эту страну уже переросли. А иногда просто хотят попробовать себя в иных обстоятельствах.

* * *

Воплотить задуманное удастся не всегда. При работе над спектаклем окончательный вариант сильно отличается от начального. Меняются задумка, обстоятельства. Но бывает так: что-то, что не воплотилось в одной работе, переносится в

следующую. Получается некая связь, цепочка творческая. Я сейчас много занят в театре, и у меня этот процесс непрерывный. Но и сняться в кино тоже люблю. Хотя из-за работы в театре зачастую приходится отказываться от съемок, потому что на съемки, как правило, надо куда-то ехать. В тайгу, например!.. Хотя все можно вполне успешно отснять в Москве.

* * *

Я верю в случай. А судьба — это длинный случай, который может переменить все.

* * *

С возрастом посещают мысли, что вдруг что-то может случиться. Видя уходы из жизни замечательных людей, — мы уже простились с Ульяновым, Лавровым, Ростроповичем — об этом задумываешься, и ощущение зрелости присутствует. А вообще я завидую сам себе: я — везучий. Сегодня ехал с пресс-конференции домой, на дороге была пробка большая, я остановился на набережной, там стояли рыбаки. Спрашиваю: «Как клев?» Они говорят: «Сегодня неважно». А у одного рыбака была очень навороченная удочка. Я говорю ему: «Какая у вас удочка интересная! Можно посмотреть, попробовать? Я сам рыбак». Я забрасываю и тут же вылавливаю плотву! Они все просто обалдели!

* * *

Рыбная ловля — мое увлечение с детства. Под Москвой был дом отдыха Театра им. Вахтангова. А мои родители всю жизнь там дачу снимали, ведь у нас в семье было трое детей (у меня есть еще две сестры). Помню, как Шура (Ширвиндт) учился ловить рыбу. Забрасывает первый раз спиннинг. Блесна летит зигзагами и падает в трех метрах от берега в тину. Именно туда, где огромная щука! Этот везунчик вытаскивает ее и спрашивает: «Как снять это дело?» А вот покойный Леня Дербенев, наш поэт-песенник, был фантастический рыбак. Светланов Евгений Федорович тоже уникальный рыбак! Очень крепкий рыбак был Крючков Николай Афанасьевич. Слава Тихонов — настоящий зимний рыбак! Где мы только не ловили. Во всех странах

обязательно находили какую-нибудь речушку. Я ловил рыбу даже в Гвадалквивире. Испания. Севилья. На самом деле это просто мутный ручей. Но там водятся пескаррики, и я одного поймал.

* * *

Если бы не стал артистом, тогда бы я, вероятнее всего, стал бы художником, театральным или, может быть, просто свободным художником... Рисовать любил с детства, когда-то посещал художественную школу в Лаврушенском переулке. Вообще, в нашей семье процветали две профессии: актера и художника. Папа мне всегда покупал масляные краски. Я писал портреты, пейзажи. Одно время даже посещал художественную школу. Наверное, другой была бы моя жизнь, стань я художником. Но тут, в 48 лет, очень рано, умер отец...

* * *

О поклонницах. В прежние годы их было с избытком, но несколько особо рьяных — выслеживая, даже на деревьях сидели. Среди них особенно выделялась одна — их предводительница. Она буквально преследовала: бесконечно звонила, не давала прохода, в общем, спасу от нее не было. И, конечно же, вызывала этим не самые положительные эмоции. И вот однажды она опять встала на пост возле дверей подъезда, а мне надо было выйти, ехать в театр. Так я надел плащ своей мамы, ее платок, очки и на полусогнутых ногах, в полуприседе, проskonдылял мимо нее к машине. Да еще что-то сказал ей женским голосом. В общем, можно было обхохотаться... И по телефону иногда, скрываясь от них, отвечал звонившей поклоннице женским голосом. «Алло, здравствуйте... Простите, но его нет дома... Кто с вами говорит? Так это его подруга Рита». Однажды Роксане пришло письмо: «Дорогая Роксана, должна вас предупредить: как только вы уезжаете на гастроли, в вашем доме поселяется женщина — называет себя подругой вашего мужа Ритой. Как женщина женщине советую вам проверить эту ситуацию». Смех, да и только.

* * *

Моя профессия сродни чуду. Благодаря ей я иначе смотрю на

жизнь. Со светлой надеждой, с радостью, без страха. Мне порой кажется, что я уже столько переиграл-пережил, что, получив бесценный опыт выживания в кризисных ситуациях, могу теперь сам помогать людям их переживать.

* * *

Может, актеры и в самом деле такие натуры, которые сами выискивают в своих образах что-то необычное? Мы же исследователи своих ролей. Ты думаешь, почему человек здесь поступает так, а не иначе, и почему так случается? Ведь как американские картины делаются? Если оператор показал какой-то предмет, то он потом обязательно сработает. Когда я стал дома внимательно смотреть на видео их фильмы (это давно было, тогда еще не у многих советских людей имелись видеомэгниетофоны, а Роксана «видик» привезла из Америки), вдруг понял, что главное в американских фильмах — это операторская работа, монтаж. Разумеется, это не без режиссерского участия сделано. Если ты обращаешь внимание на какой-то предмет, значит, это для чего-то нужно, у них никогда ничего лишнего нет. Потом в определенный момент ты вспоминаешь: вот эта папка, которая взорвалась в конце, она же лежала вначале на столе! После я смотрел картины и отгадывал, что будет дальше, и почти никогда не ошибался.

* * *

Когда-то от своего отца услышал такое выражение: «Всегда и во всем сомневаться, а в себе самом — прежде всего». Как это правильно! Но понимание этого пришло с возрастом.

*Любимый МухМух!
Тебе 80!*

Перед чествованием юбиляра. «Воспринимаю свое 80-летие как веселый сюрприз!»

На балконе шестого этажа соседнего дома росли две чахлые березки. Когда там шел ремонт, я увидел, что деревья сейчас сломают и выбросят. И так мне жалко эти березки стало! Поднялся на этот балкон, расковырял плитку, освободил корни, отнес деревца к себе во двор. Со временем березки вымахали до шестого этажа! Так я в буквальном смысле укоренился на родном Арбате.

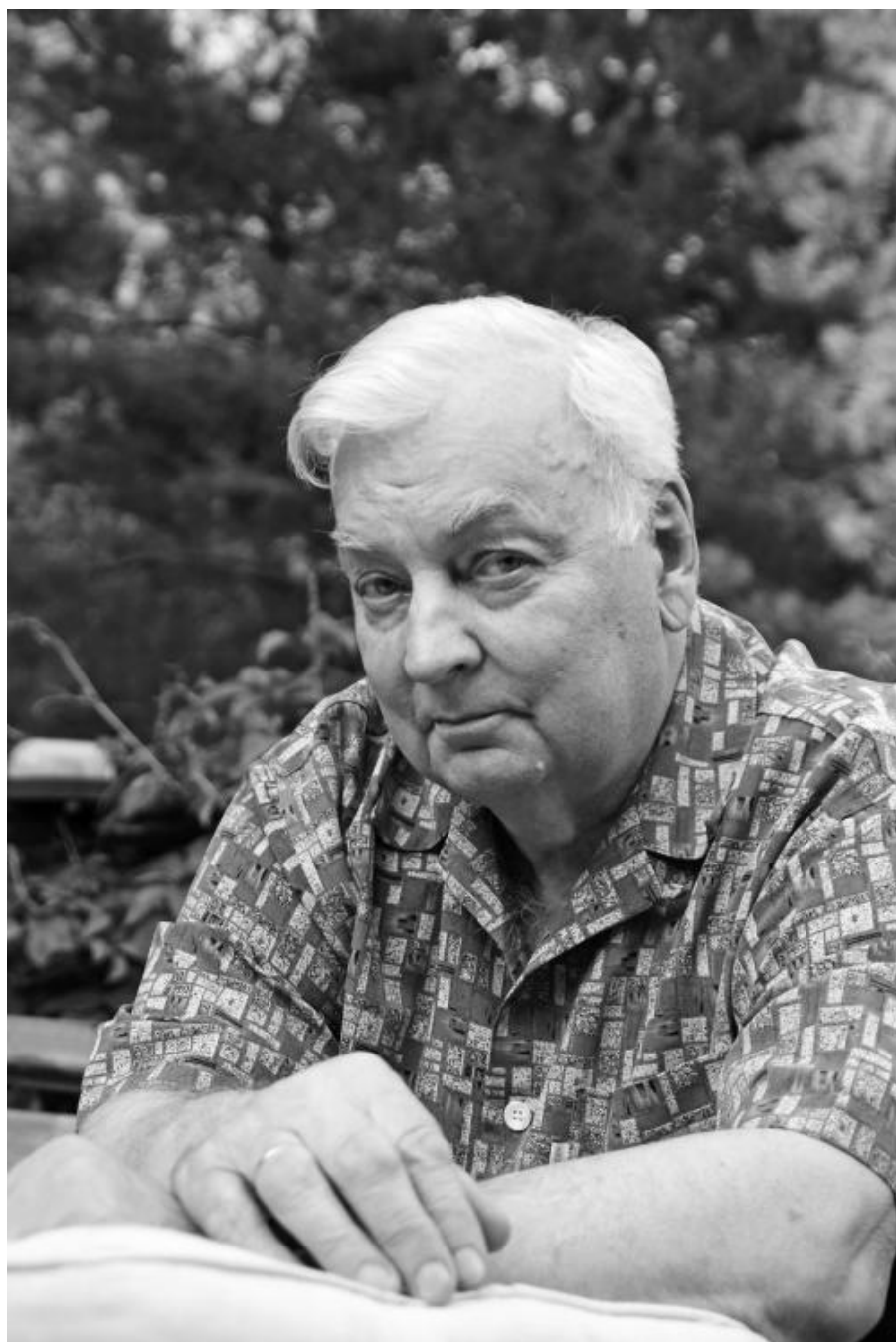
Возраст не пугает. Только грустно осознавать саму дату. И отрицательные эмоции возникают каждый раз, когда уходит очередной пожилой друг. Сам-то я могу быть веселым, бодрым, оптимистичным человеком, но я бессилён перед потерями.

Хотя вот ведь парадокс: мы, артисты, за свою творческую жизнь множество раз переиграли смерть, как бы отрепетировали ее, и вроде привыкли умирать, нам нестрашно. Смерть для нас — чисто психологически — не событие из реальной жизни, а будто бы одна из ролей. И нам важно правдоподобно ее отыграть, а потом услышать аплодисменты, увидеть, как закрывается занавес, и... энергичной походкой пойти снимать грим и вернуться домой. Такая профессия! Мы имеем уникальную возможность переиграть-пережить трагедию, испытать будто понарошку самые мучительные чувства, а потом... выйти из театра на шумную улицу, в свою повседневность, будто ничего и не было. Это магия, настоящее волшебство.

О будущих ролях. Думаю, пора что-нибудь сыграть для души: тень отца Гамлета или Марину Мнишек с полным воплощением в образ. В любой пьесе есть роль старенького дяденьки, которую к юбилею можно назвать бенефисной. Фирса мог бы сыграть. Но это к девяностолетию. А на 100-летие — обязательно Деда Мороза в гостях у Ширвиндта.

Нужно вовремя осознать, что ты счастливый обладатель

редкостного билета на бал под названием «Жизнь», который достался далеко не каждому желающему. Беречь надо это свое приобретение от пыли и грязи, и тогда все сразу встанет на свои места.

Правила жизни от Михаила Державина:

1) никому не делать гадости;

2) доставлять хорошее настроение. Люди в основном живут подавленные — причем во всем мире. Подавленные друг другом, обществом, государством, и если добавляется еще один подавитель, то становится совсем невыносимо. Поэтому я стараюсь радовать людей;

3) приврать в хорошую сторону. Могу придумать что-то или сказать про обидчика: да он дивный парень!

4) не унывать, если не видишь свою фамилию в распределении на роли в новом спектакле. Значит, в этот театральный простой можно посниматься или уехать куда-нибудь половить рыбу;

5) не ругаться с друзьями... Я мог поругаться с Наташей Селезневой, которая через полчаса позвонит: ты знаешь, ты был прав. Или я ей позвоню: Натали, извини, что пошумел;

6) быть довольным, когда появляются деньги, недовольным, когда их нет совсем;

7) не врать себе. Этому, конечно, очень сложно следовать. Но надо стараться.

Иллюстрации

Михаил Михайлович Державин. 60-е годы

С Татьяной Васильевой в спектакле «Тартюф, или Обманищик»,
1977

*С Романом Ткачуком и Анатолием Папановым в спектакле
«Последний парад», 1968*

С Андреем Мироновым на сцене Театра Сатиры

С Валентиной Шарykiной в спектакле «Бешеные деньги», 1981

С Александром Ширвиндтом и Людмлой Гурченко в спектакле «Поле битвы после победы принадлежит мародерам», 1995

С Роксаной и Дмитрием Харатьяном в спектакле «Ханума»

*С Александром Ширвиндтом в спектакле «Привет от Цюрихы»,
1999*

В спектакле «Бешеные деньги», 1981

С Е. Подкаминской, сцена из спектакля «Таланты и поклонники», 2001

Сцена из спектакля «Андрюша», 2001

Памятный подарок — портрет фельдмаршала Кутузова с моим лицом

С Людмилой Чурсиной в спектакле «Ханума»

Совместное выступление с искромётным Яном Арлазоровым

* * *

С А.Ширвиндтом в спектакле «Орнифль», 2001

В спектакле «Швейк, или Гимн идиотизму», 2004

В спектакле «Нам все еще смешно», 2004

С художественным руководителем Ленкома Марком Захаровым и Александрой Захаровой

С Лией Ахеджаковой на вручении Ники-2007

С Лолитой Милявской на концерте «Любимый МихМих! Тебе 80!»

*На юбилейном фуршете с директором Театра Сатиры
Мамедом Гусейновичем Агаевым*

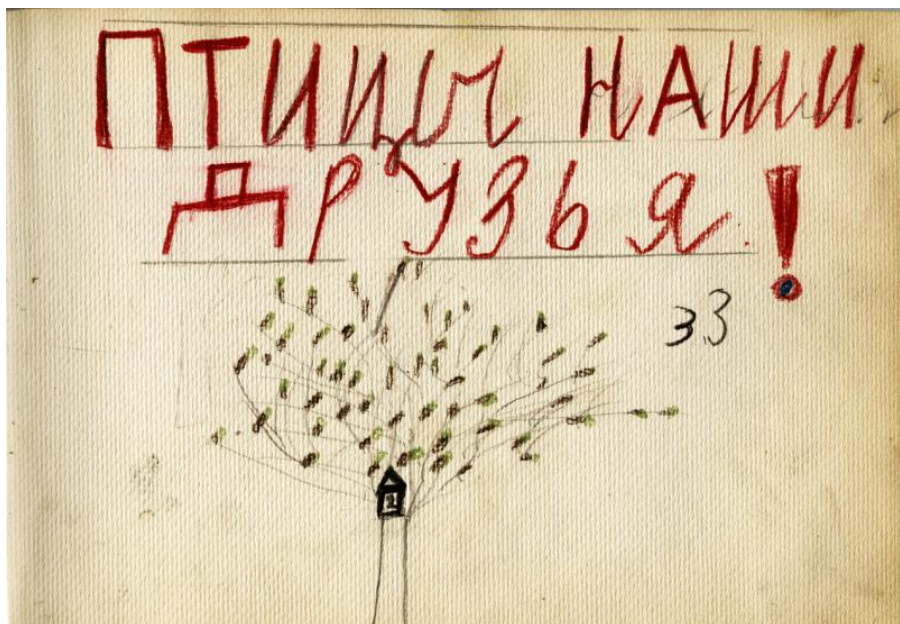
В.В. Путин поздравляет М.М. Державина с вручением ордена «За заслуги перед Отечеством»

С отцом Александром — нашим большим другом, настоятелем храма Преображения Господня на Песках, О. Стриженовым и его супругой Л. Пыревой

На северном берегу Ладожского озера

М. Державин. Птицы наши друзья! 1942

М. Державин. После игры. 1950

М. Державин. Русская дорога

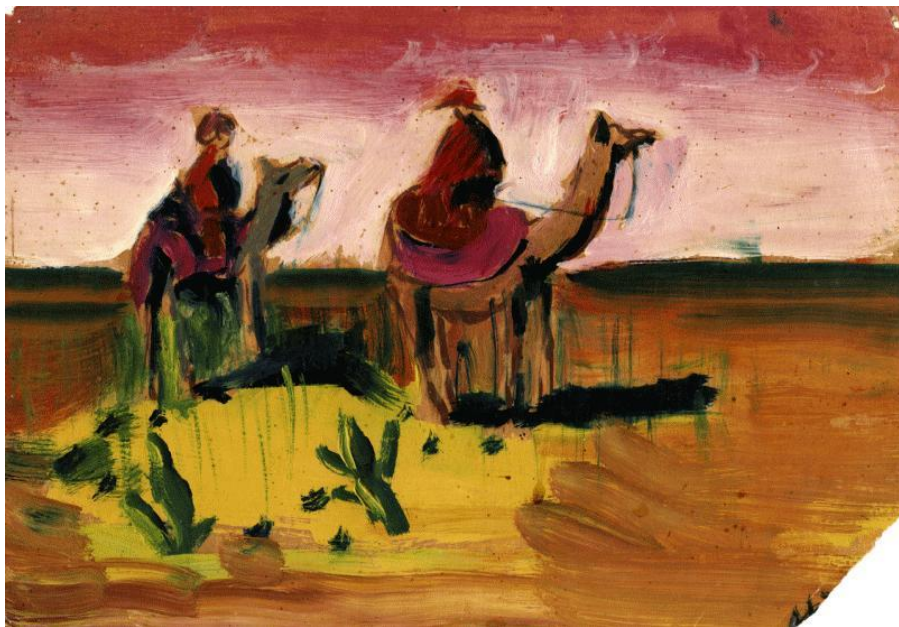
М. Державин. Добрая река

"Пуля"
"подкидыш"
Зимаца

МФ Сердюков
22-8.2016г.

М. Державин. Пуля

М. Державин. Двое на верблюдах

* * *

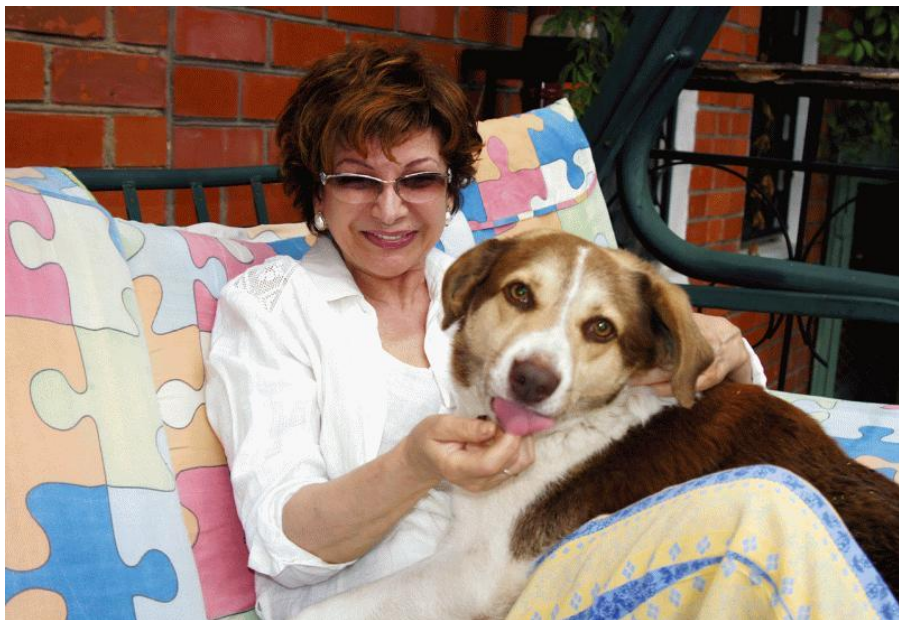
С мамой Ираидой Ивановной Державиной, женой Роксаной и сестрой Татьяной

Иногда выбираемся на телевидение... И рядом с нами сажают молодых неизвестных артистов. Наверное, для их раскрутки

С любимицей Соней

Роксана с любимым Кашиком

С нашей чудесной Пулей

В ток-шоу с Татьяной Устиновой

В студии звукозаписи

И все же я его сыграю! Как отец когда-то

На юбилейном вечере, посвященном 75-летию Центрального дома актера

Юбилейное чествование на телепрограмме «Пусть говорят»

Фасад родного театра Сатиры год назад

Мы и наши любимцы на даче

Я тоже умею планировать. Вот только Роксана смеется

Церемония вручения театральной премии «Хрустальная Турандот»

Примечания

ДЕРЖАВИН МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ, (12 (25) июля 1903 г., село Аксиньино, Московская губерния — 30 июля 1951 г.).

Был рабочим металлургического завода. В 1924 году поступил в Студию Евгения Вахтангова. В 1928 году зачислен в труппу Театра имени Вахтангова. Основное внимание в своем творчестве уделял раскрытию черт русского характера. С большой внутренней силой и обаянием играл Михаила Кутузова («Фельдмаршал Кутузов», 1940); тонко обрисованные бытовые детали придавали глубокому и значительному образу национального героя мягкость, простоту, человечность. Лучшие черты своего современника Державин воплотил в образе Макара Дубравы в одноименной пьесе А.П. Корнейчука. Заслуженный артист РСФСР (1942). Народный артист РСФСР (1946). Лауреат Сталинской премии (1946, за фильм «Великий перелом»). Награжден орденом Ленина (1946).

Театральные работы: помощник начальника станции («Барсуки» Л. Леонова); Кутузов («Фельдмаршал Кутузов» В. Соловьева); Макар Дубрава (одноименная пьеса А. Корнейчука); Леонато («Много шуму из ничего» В. Шекспира); Егор Булычев и Павлин («Егор Булычев и другие» М. Горького); Киров («Крепость на Волге» И. Кремлева); Боцман Швач («Разлом» Б. Лавренева); Дудыкин («Темп» Н. Погодина); Рагно («Сирано де Бержерак» Э. Ростана); Тихон («Гроза» А. Островского).